

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Ж. Ч. Тегизбекова

**РЕГУЛИРОВАНИЕ
БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КЫРГЫЗОВ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ**

Бишкек - 2015

УДК 340 1: 392.3(575.2)(043.3)

Рецензенты:

Б.И. Борубашов – д-р юрид. наук, профессор,
Б.Т. Токтобаев – канд. юрид. наук, профессор,
А.Б. Найманбаев – канд. юрид. наук, и.о. доцента

Рекомендовано к изданию НТС КРСУ

Тегизбекова Ж.Ч.

**РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КЫРГЫЗОВ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ.** Бишкек: Изд-во КРСУ,
2015. 206 с.

В монографии проводится комплексное историко-правовое исследование различных аспектов регулирования брачно-семейных отношений кыргызов по обычному праву, вырабатываются рекомендации и предложения по возможной интеграции традиций и обычаев кыргызов в современное семейное право Кыргызской Республики.

Систематизируются полученные научные данные об основных типах, формах, условиях, порядке заключения и основаниях прекращения брака по нормам обычного права кыргызов. Путем анализа устных и письменных памятников права, практики общественной жизни кыргызов проводится историко-правовой анализ эволюции понятия «семья», определяется предмет, метод правового регулирования семейных отношений по нормам обычного права кыргызов. На основании материалов обычного права кыргызов определяется значение системы родства и свойства, раскрывается вопрос защиты семейных прав; анализируются личные неимущественные и имущественные отношения в семье.

Книга адресована всем тем, кто интересуется актуальными вопросами обычного права кыргызов.

© ГОУВПО КРСУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО НОРМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА КЫРГЫЗОВ	11
1.1. Понятие, типы и формы брака по нормам обычного права кыргызов	11
1.2. Условия заключения брака	38
1.3. Порядок заключения брака	47
1.4. Прекращение брака	57
ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО НОРМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА КЫРГЫЗОВ	71
2.1. Эволюция семейных отношений кыргызов	71
2.2. Правовое регулирование семейных отношений кыргызов	78
2.3. Юридическое значение родства и свойства в обычном праве кыргызов	88
2.4. Защита семейных прав по обычному праву кыргызов	100
ГЛАВА 3. ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ И ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КЫРГЫЗОВ	115
3.1. Личные неимущественные отношения в семье	115
3.2. Энчи, калым и приданое по нормам обычного права кыргызов	125
3.3. Имущественные отношения в семье	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	172

Родителям посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Формирование современного семейного права в Кыргызстане в сложнейших условиях становления государственности и национальной самоидентификации государствообразующего этноса, на наш взгляд, невозможно без глубокого исследования процессов регулирования брачно-семейных отношений кыргызов, долгое время развивавшихся в условиях действия обычного (адатного) права или так называемого «права кочевых цивилизаций».

До вхождения Кыргызстана в состав России (вторая половина XIX века) общественные отношения кыргызов в основном регулировались обычаями. После вхождения в состав России на территории Кыргызстана наряду с обычаями действовали законы Российской империи, а после революции 1917 года – законы Советского государства. В современный период правовая система Кыргызской Республики формируется на основе романо-германской правовой семьи, объединяющей правовые системы всех стран континентальной Европы и СНГ. В то же время на развитие брачно-семейных отношений кыргызов оказывают ощутимое влияние исторически сложившиеся нормы обычного права, которые в отечественной правовой науке были мало исследованы.

В настоящее время распад традиционного общества повлек целый ряд проблем, таких как изменение мотивов вступления в брак, высокий процент разводов, распространение среди молодого поколения идей нетрадиционных взаимоотношений между людьми, отказ родителей от воспитания и содержания своих детей, проблема нравственного уровня внутрисемейных отноше-

ний, ослабление значения кровнородственных связей, в том числе и ценностей родственной взаимответственности, увеличение степени семейной конфликтности и др. Пристального внимания требуют проблемы рождения ребенка несовершеннолетними или рождение детей вне брака.

Вышеуказанные изменения в развитии брачно-семейных отношений необходимо рассматривать, с одной стороны, как закономерный процесс эволюции от традиционной к постмодернистской модели семьи, а с другой стороны, как «кризис семейных отношений», связанный с переходом к системе рыночных отношений, глобализацией и демократизацией общества.

Анализ происходящих изменений в брачно-семейных отношениях показывает, что в данном вопросе необходим комплексный подход, где основным инструментом будет оставаться право. Одной из задач законодателя является попытка найти способы решения этой проблемы путем определения тех обычаев, которым государство может придать юридический, государством защищенный характер. Без проведения исследования предшествующего исторического опыта формирование государственной семейной политики и создание эффективной законодательной базы, регулирующей брачно-семейные отношения, будет затруднительным. Так, п. 1 ст. 37 Конституции Кыргызской Республики определяет, что «народные обычаи и традиции поддерживаются государством» [1, с. 84].

«Произошедший в последнее время всплеск интереса к обычному праву не является случайным. Он отражает имеющийся кризис в правосознании современного общества», – отмечает Б.И. Борубашов [2, с. 7]. На наш взгляд, мы наблюдаем кризис и брачно-семейных отношений, так как соответствующие нормы права, принятые на законодательном уровне, не отражают те вековые традиции и обычаи кыргызского народа, существовавшие, и действующие в настоящее время.

Актуализация роли обычного права, несомненно, подразумевает исследование общественных отношений, регулируемых им, среди которых наиболее важными являются брачно-семейные отношения, как одни из самых древних образцов поведения,

воплощавшие народное сознание относительно справедливости и порядка.

Цель настоящей научно-исследовательской работы заключается в комплексном историко-правовом исследовании различных аспектов регулирования брачно-семейных отношений кыргызов по обычному праву, а также в выработке рекомендаций и предложений по возможной интеграции традиций и обычаев кыргызов в современное семейное право Кыргызской Республики.

Поставленная цель исследования достигалась путем решения следующих задач:

- провести систематизацию полученных научных данных об основных типах, формах, условиях, порядке заключения и основаниях прекращения брака и дать авторское определение «традиционный брак» по нормам обычного права кыргызов;

- осуществить с точки зрения юридической антропологии периодизацию этапов адатного регулирования брачных отношений кыргызов;

- путем анализа устных и письменных памятников права, практики общественной жизни кыргызов провести историко-правовой анализ эволюции понятия «семья», определить предмет, метод правового регулирования семейных отношений по нормам обычного права кыргызов;

- на основании материалов обычного права кыргызов определить значение системы родства и свойства, раскрыть вопрос защиты семейных прав; проанализировать личные неимущественные отношения в семье и их дифференциацию и регулирование в традиционном обществе;

- исследовать процессы юридизации и содержание имущественных отношений между членами семьи, которые отражали социальный и правовой быт кыргызов;

- сформулировать рекомендации относительно перспектив интеграции традиций и обычаев кыргызов в правовую систему современного Кыргызстана.

Научная новизна монографии состоит в том, что данная работа является одной из первых попыток в юридической антропологии провести комплексное историко-правовое исследование

различных аспектов регулирования брачно-семейных отношений кыргызов по нормам обычного права и восполнить имеющиеся пробелы в историко-правовой науке Кыргызстана. Впервые вводятся в научный оборот неизвестные ранее широким кругам научной общественности архивные материалы и научные труды западных ученых, исследовавших специфику традиционных брачно-семейных отношений кыргызов, формулируются новые выводы и предложения, а также предлагаются конкретные рекомендации и возможные организационно-правовые меры, направленные на развитие современных институтов семейного права с учетом норм адатного права.

Практическая значимость настоящей работы состоит в том, что выводы и предложения, содержащиеся в ней, могут быть использованы: а) в научно-исследовательской деятельности при анализе состояния и перспектив развития институтов семейного и обычного (адатного) права; б) в правотворческой деятельности; в) при подготовке лекций, проведении других видов занятий по общей теории права и государства, истории государства и права Кыргызской Республики, семейному праву, правам человека и другим юридическим дисциплинам.

На основании исследования норм обычного права автором выявлены основные типы, формы, условия, порядок заключения и основания прекращения традиционного брака кыргызов.

Автором предлагается определение «традиционного брака», под которым понимается союз мужчины и женщины, заключенный в установленном обычным правом порядке, с целью создания семьи и продолжения патрилинейной линии родства, порождающий личные неимущественные и имущественные отношения между супругами, в некоторых случаях и между их родственниками.

Предлагается следующая периодизация этапов адатного и нормативного регулирования брачных отношений кыргызов:

1) этап формирования и развития адатного регулирования брачных отношений кыргызов до присоединения к России (до второй половины XIX века);

2) этап постепенной интеграции обычного права кыргызов в правовую систему Российской империи (со второй половины XIX века до 1917 года);

3) этап формирования и развития нормативного регулирования брачных отношений кыргызов в правовой системе СССР (1917–1991);

4) этап становления нормативного регулирования брачных отношений в формирующейся национальной правовой системе Кыргызской Республики (1991 год – по настоящее время).

На основании исследования норм обычного права кыргызов предлагается авторское определение «традиционной семьи», под которым понимается регламентированная обычным правом общность лиц, созданная на основании брака, родства, свойства, усыновления или принятия детей на воспитание, связанное с совместным бытом и взаимной ответственностью.

Традиционные семейные отношения кыргызов регулировались адатом, после вступления в состав России обычаи кыргызов были официально признаны нормами права и частью правовой систем Империи. В связи с этим автором формулируются предмет и метод регулирования семейных отношений кыргызов. К предмету правового регулирования семейных отношений по нормам обычного права кыргызов относились: общественные отношения, возникающие из брака; личные неимущественные и имущественные отношения в семье между: супругами, родителями и детьми, между родственниками различной степени родства, и между родственниками и иными лицами; отношения, возникающие из юридических фактов, приравненных обычным правом к родству; наследственные отношения. Методом регулирования семейных отношений по нормам обычного права кыргызов выступал дозвоительно-императивный метод с усилением императивных начал.

Знание кыргызами своего положения в системе родства и свойства имело особое значение и требовалось нормами обычного права:

– при заключении брака в силу действия принципа экзогамии и запретов на вступления в брак по признаку свойства;

– для регулирования отношений, вытекающих из системы родства и свойства: взаимоотношений между близкими родственниками, обычая, основанного на принципе аванкулата, отношений с лицами по признаку свойства, предопределяющих круг имущественных обязательств.

Обычное право кыргызов защищало интересы семьи, и нарушение права одного из членов семьи рассматривалось как нарушение прав и интересов всей семьи. Нормами адата устанавливались формы и способы защиты семейных прав кыргызов.

Адатное право кыргызов предусматривало статус каждого члена семьи, обеспечивало равенство мужчины и женщины, регламентировало положение детей, их права и обязанности в зависимости от пола и возраста; устанавливало такие институты, как опека и попечительство, закрепляло систему взаимной ответственности родственников за детей, оставшихся без родителей.

Исследование источников обычного права, а именно постановлений (эреже) кыргызских биев, народных поговорок и пословиц позволило провести систематизацию брачно-семейных отношений кыргызов.

Регулирование личных имущественных отношений в традиционной семье кыргызов базировалось на принципе семейной собственности, который защищал имущественные интересы всей семьи. Все совместно нажитое имущество семьи являлось семейной собственностью, которая, по замыслу обычая, должна была переходить из поколения в поколение по линии отцовского родства, и право его распоряжения принадлежало только главе семьи, у остальных членов семьи было лишь право пользования и владения данным имуществом. Такое положение в обычном праве кыргызов было направлено на защиту и сохранение целостности общего имущества семьи.

Выдел, калым и приданое являлись важными элементами семейно-имущественных отношений кыргызов. Выдел рассматривался, как право детей на часть семейного имущества и обязательство главы семьи на его предоставление детям. Перед вступлением в брак между сторонами жениха и невесты практиковалось заключение особого гражданско-правового договора,

в котором оговаривались имущественные права и обязательства его участников, в виде выплаты калыма одной стороной и передачи приданого другой.

Вопросы наследства и наследования в обычном праве кыргызов рассматривались в рамках семейных отношений. Наследником мог выступать как мужчина, так и женщина. Обычаем предусматривались способы наследования, порядок разрешения споров при разногласии наследников.

В целях совершенствования современного правового регулирования брачно-семейных отношений предлагается ряд законодательных, организационно-правовых и идеологических мер, таких как введение новелл в законодательство, отражающих положительные черты традиций и обычаев государствообразующего этноса, усиление санкций за жестокое обращение с пожилыми и другими социально и физически уязвимыми членами семьи, за умыкание невест, популяризацию брачного договора, создание специальной государственной структуры по защите и развитию народных обычаев и традиций, основной функцией которой будет исследование и интегрирование положительных норм обычного права в национальное законодательство государства и др.

ГЛАВА 1. РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО НОРМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА КЫРГЫЗОВ

1.1. Понятие, типы и формы брака по нормам обычного права кыргызов

Для проведения настоящего исследования потребовалось обращение к широкому кругу работ ученых Кыргызстана, Казахстана, России, США, Великобритании и других стран.

Наиболее ранние сведения по теме настоящего исследования содержатся в работах российских исследователей, трудах государственных и общественных деятелей: Н.Я. Бичурина, Н. Гродекова, А. Давлетшина, Г. Загряжского, Н.В. Кюнера, Ф.А. Фиельструпа [3]. Во фрагментарном виде отдельные аспекты семейного права кыргызов изучались в работах следующих дореволюционных авторов: Н.А. Аристова, Н. Изразцова, А. Зуева, А.И. Козлова, А.И. Левшина, К.К. Палена, Д.Л. Самоквасова, А. Талызина, М. Терентьева, С. Швецова, и др. [4].

Необходимо отметить, что вопросы кочевого образа жизни кыргызов и их семейного быта были также изучены дореволюционными западными исследователями, такими как Д. Бонвалот, Е. Гантингтон, С. Гедин, Т.Е. Гордон, Г. Ланделл, Л. Макартни, Е. Сайкс, Ф. Янгхасбенд и др. [5].

Особо важными источниками явились труды А. Бебеля, К. Маркса, Л. Моргана, Ф. Энгельса [6]. Проблемы семьи и семейного быта кыргызов затрагивались и первыми советскими исследователями 1920–1930-х гг., прежде всего, в работах В. Батракова, Н. Дыренковой, П. Кушнера, П. Погорельского [7].

Вопросы брачно-семейных отношений по нормам обычного права в советский период рассматривались в научных трудах:

С.М. Абрамзона, К.А. Альчиева, В.В. Бартольда, Б.Д. Джамгерчинова, А. Джумагулова, С.И. Ильясова, Н.А. Кислякова, С.К. Кожоналиева, П.П. Литвинова, К. Нурбекова, Р.Т. Тургунбекова и др. [8].

Однако к положениям некоторых трудов дореволюционных и советских ученых, освещающих регулирование брачно-семейных отношений кыргызов, следует относиться избирательно. Необходимо не забывать того, что, воздействуя на традиционный уклад жизни кыргызского общества, во многом опосредуемый обычным правом, исследования в дореволюционный период проводились с целью «обелить политику царизма» по отношению к национальным регионам, а в советское время государство стремилось, как можно больше, уменьшить возможности самоидентификации кыргызского народа.

Интересными работами представляются исследования западных ученых 60-х гг., таких как Е. Бейкон и Р. Крадер [9]. Их взгляды на развитие семейного обычного права кыргызов будут впервые рассмотрены и проанализированы в настоящей работе.

В постсоветский период с учетом последних политических и социально-экономических преобразований обычное право кыргызов и отдельные аспекты развития брачно-семейных отношений становились объектом исследований, это, в частности, работы Ч.И. Арабаева, К.Б. Абдылдаева, К.И. Асановой, Э.Ж. Бейшембиева, Б.И. Борубашова, З.И. Галиевой, Е.Э. Гольшевой, Ф.А. Зайкова, Р.Т. Ибраимова, Е.В. Кибановой, Г.К. Кронгарда, Г.А. Мукамбаевой, С.М. Муратбековой, А.Н. Ниязовой, О.Дж. Осмонова, О.В. Подкорытовой, Н.Р. Розахуновой, К.С. Соронкуловой, Б.Т. Токтобаева, К.А. Уметова, К.У. Усенбаева, М.Ш. Шамилова и др. [10].

Необходимо отметить работы казахстанских исследователей: Е.Б. Абрасулова, К.А. Алимжана, Б.Т. Ауешовой, Б.А. Джандарбека, А.Ж. Жакиповой, С.З. Зиманова, А.С. Ибраевой, Т.М. Кulteleeва, С.Н. Сабикенова, Г.С. Сабирова, Г.С. Сапаргалиева, С.С. Сартаева, С. Узбекулы и др. [11]; труды современных западных исследователей: Р. Абазова, Ф. Вайтфилда, В. Мартина [12]. Автор привлекал сравнительный материал по семейному обычному праву других народов. Из числа многочисленных авторов

следует отметить следующих исследователей: М.А. Аюбджанова, К.Д. Басаева, А.З. Бейтуганов, В.И. Вербицкий, А.П. Волгина, К.В. Вяткина, Л.Б. Гандарова, Е.С. Гылыкова, Е.М. Залкинд, М.Н. Игнатьева, Л.Л. Кавшбай, Т.Н. Медведева, Н.С. Нижник, Б.Э. Петри, Д.Г. Савинов, А.М. Сагидов, М.А. Супатаева, Н.А. Тадина, Е.М. Тошакова, С.А. Угдыжеков, М.И. Хангалов, С.П. Швецова, Б.Д. Цибилов и др. [13].

Основными опубликованными источниками по обычному праву кыргызов стали постановления народных кыргызских биев (эреже), собранные под руководством Б.И. Борубашова в “Хрестоматии по истории государства и права Кыргызской Республики” [14], пословицы и поговорки кыргызов, изданные в сборнике К.К. Юдахина [15], “Сборник обычного права киргизов Семиреченской областной типографии” [16], судебные материалы Центрального государственного архива Кыргызской Республики, данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики [17] и др.

Определение понятия «брак» значительно изменялось с течением времени, что было вызвано изменениями, происходящими в обществе и государстве. До XX в. сфера брачно-семейных отношений регулировалась обычаями. После революции 1917 г. ученые, рассматривающие общетеоретические правовые вопросы брака, брали за основу работу Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [18, с. 11–17]. Для советского времени было характерно прямое вмешательство государства в брачно-семейные отношения, в личную жизнь граждан. В настоящее время законодательство идет по пути предоставления членам семьи свободы регулирования своих отношений, то есть анализ современных реалий свидетельствует о том, что семейное право логически находится в сфере частного права.

В связи с развитием общественных отношений социум также претерпевал изменения, что, в свою очередь, отражалось и на модификации обычного права кыргызов в целом. Изменения в обществе влияли и на развитие института брака, исходя из чего нами была предпринята попытка определить следующую перио-

дизацию этапов адатного и нормативного регулирования брачных отношений кыргызов:

1) Этап формирования и развития адатного регулирования брачных отношений кыргызов до присоединения к России (до второй половины XIX в.).

2) Этап постепенной интеграции обычного права кыргызов в правовую систему Российской империи (со второй половины XIX в. по 1917 г.).

3) Этап формирования и развития нормативного регулирования брачных отношений кыргызов в правовой системе СССР (1917–1991).

4) Этап становления нормативного регулирования брачных отношений в формирующейся национальной правовой системе Кыргызской Республики (с 1991г. по настоящее время).

1. Брак – один из главных показателей общественно-юридического развития. Поэтому мы встречаем на различных ступенях культурного развития общества самые разнообразные виды брака. «У кыргызов брак являлся одним из важных событий общества, который регулировался нормами обычного права – адатом» [19, с. 77].

На начальных этапах своего развития институт брака по своей правовой природе не отличался от гражданского договора. В той части, в какой оно регулировалось обычаем и порождало правовые последствия, оно являлось договором. Традиционному браку кыргызов не был характерен такой признак, как свободное и полное согласие сторон, и данное обстоятельство не было препятствием заключения брака, поскольку согласие родителей будущих супругов являлось решающим. Поскольку сегодня развиты такие институты, как права человека, равноправие полов во всех сферах жизнедеятельности и др., то каждый человек (и мужчина, и женщина) вправе самому решать, с кем связывать свою жизнь. В древний период развития кыргызского общества брачно-семейные отношения были достоянием всего социума, и взаимоотношения в семье регламентировались обычаями. Брак понимался более как союз двух породнившихся семей, так как заключение брака порождало права и обязательства не только для будущих

супругов, но и для их родственников (к примеру, об этом говорит существовавшая система искусственного родства – сөөк куда).

Основным признаком традиционного брака в древний период являлась его пожизненность. Ф.А. Фиельструп писал, что «согласно нормам обычного права брак у кочевых народов в прежние времена был практически нерушим» [20, с. 18]. И основной целью брака и семьи являлось рождение, воспитание последующего поколения, о чем говорится в народных пословицах: «уулу жоктун – мууну жок» (у кого сына нет, у того нет потомства) [15, с. 101], в связи с чем лишь только в исключительных случаях допускалось расторжения брака. Такое же понимание брака существовало и в древнерусском праве: «В языческую эпоху господствовало представление о том, что брак заключается «на веки» и простирается за пределы гроба» [21, с. 25].

О развитии брачных отношений кыргызов в древний период указывают исследования многих ученых: Бичурина Н.Я. «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», Старынкевича И.Д. «Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии», Угдыжекова С.А. «Семейно-брачная структура кыргызов VI–XIII вв.», Кюнера Н.В. «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока», Грача А.Д. «Древние кочевники в центре Азии» и др. «Как свидетельствуют источники, именно в этот период сложились такие правовые обычаи, как левират и сорорат, замена кровной мести композицией, запреты на внутритроколенные браки и т. д.» [22, с. 12].

Таким образом, автор предполагает, что *по обычному праву древнего периода и средневековья брак у кыргызов* можно рассматривать как пожизненный союз мужчины и женщины, заключенный в установленном обычным правом порядке, с целью создания семьи и продолжения патрилинейной линии родства, порождающий имущественные и личные неимущественные отношения между супругами и между их родственниками.

Определенной даты принятия кыргызами ислама не установлено. Из материалов К.И. Петрова следует, что «отдельные пред-

ставители кыргызских родов стали приобщаться к исламу еще в XIII–XIV вв.» [23, с. 131].

В исследовании К. Соронкуловой описывается, что «с конца XVI – начала XVII вв., под влиянием политических событий, ислам стал распространяться среди широких кыргызских масс, но осваивался ими поверхностно. Такое же ограниченное влияние нормы шариата оказали и на обычное право. Нормы шариата не могли полностью заменить устоявшиеся веками нормы обычного права, хотя и оказали на него некоторое воздействие, особенно в период Кокандского ханства в XIX в.» [22, с. 13].

Под влиянием шариата брачные отношения кыргызов претерпели изменения. К примеру, при заключении брака кыргызы должны были уже в обязательном порядке проводить обряд бракосочетания с участием мулы – *нике*, и, в последующем, данный обряд стал одним из этапов заключения брака. Необходимо отметить, что совершение обряда “нике” у кыргызов является актуальным и в настоящее время. Также о проникновении норм шариата в обычное право кыргызов указывают нормы Эреже, одним из таких примеров является установление нормами Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г. такого основания расторжения брака, как «талак». Существует мнение, что разводы у кыргызов стали допускаться в связи с принятием ислама. Так, Ф.А. Фиельструп отмечал: «Согласно нормам обычного права брак у кочевых народов в прежние времена был практически нерушим, разводов не было, они стали допускаться с усилением мусульманства и влияния шариата» [20, с. 18]. А. Давлетшин указывал, что «в судах казиев большинство брачных дел было связано с разводами» [24, с. 70].

Необходимо отметить, что в связи с принятием кыргызами ислама, одним из основных условий заключения брака стало единое вероисповедание, наложившее запрет на заключение брака с иноверцами, об этом указывается в трудах Загрязского [25, с. 27–34].

Согласно вышесказанному, *по нормам обычного права после принятия ислама кыргызами брак* рассматривался как союз мужчины и женщины (признак «пожизненность» уже носил формаль-

ный характер), закрепленный в установленном обычном правом порядке (помимо порядка заключения брака по обычаю, появляется новый элемент заключения брака – нике). Одним из условий брака становится запрет на заключение брака с немусульманами.

2. После вступления кыргызов в состав Российской империи и в рамках правовой системы российского государства брачные отношения снова подвергались изменениям.

Согласно материалам для изучения юридических обычаев кыргызов от 1886 г., «кыргызский брак представляет собой институт, в котором отдельные исторические наслоения, образовавшиеся в значительной части под влиянием внешних обстоятельств, до настоящего времени не успели слиться в одно целое» [26, с. 242]. В связи с чем институт брака представлял собой сложное правовое явление.

Политика царизма была направлена на дестабилизацию моральных устоев и общественного быта кыргызского народа, российское государство старалось урегулировать брачно-семейные отношения с помощью ряда правых регуляторов. Одним из таких способов было предоставление определенных прав и свобод кыргызской женщине. К примеру, согласно нормам обычного права кыргызов древнего периода, брак рассматривался как пожизненный союз, однако данный признак брака полностью утрачивается в рамках российского права, поскольку женщинам было предоставлено право, минуя суды аксакалов и биев, напрямую обращаться к уездным начальникам или в российские суды с исками о разводе. Из материалов капитана А. Давлетшина следует, что после вступления в состав Российской империи в судах биев количество дел по разводам начало увеличиваться: «У биев ряда волостей Аулиеатинского уезда из 31 брачных дел 22 было о калыме и 4 о разводе со стороны женщин; биями некоторых волостей Семиреченской области, по записям в их судебных книгах, было рассмотрено 55 дел о калыме, 3 – о разводе» [24, с. 42–73].

Такое условие брака между кыргызами, как единое вероисповедание, также становится диспозитивным по отношению к мужчинам, оставляя право последним выбирать жену не только среди кыргызских женщин [27, с. 13]. До 1917 г. кыргызы старались

заключать брак только между собой, либо в некоторых случаях с представителями других мусульманских народностей.

С помощью кодификации норм обычного права (составление Эреже народных кыргызских биев, проведение научно-исследовательской работы) российское право детально начинает регулировать брачные отношения кыргызов: стадии заключения брака, основания расторжения брака, недействительность брака, размеры калыма и т. д.

3. В начале XX в. было дано следующее определение брака: «Союз мужчины и женщины с целью сожительства, основанный на взаимном соглашении и заключенный в установленной форме» (Г.Ф. Шершеневич) [28, с. 409]. Однако под давлением советской власти определение брака видоизменялось.

Поскольку идеология советской власти требовала полного уничтожения обычного права, в 1921 г. советское государство издает ряд декретов для борьбы «с особыми вредными пережитками кыргызского быта»: Декрет Туркестанского ЦИК от 14 июня 1921 г. «О запрещении калыма и многоженства», декрет ЦИК и СНК Киргизской автономной Республики от 17 января 1921 г. «О запрещении калыма». Важное значение в развитии советского семейного законодательства сыграло Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов» [29], поскольку данный документ поделил период развития понятия брака на два этапа. Так, до принятия указанного документа брак рассматривался как совместное сожительство, основанное на началах любви, дружбы и сотрудничества (определение, данное Е. Розенбергом). В те же года судебные сотрудники Витебского губернского отдела юстиции истолковывали понятие брака как «свободное сожительство двух лиц». Далее на Второй сессии ВЦИК двенадцатого созыва было объявлено, что «брак основан на взаимном притяжении, на культурном и идейном единомыслии и на половых отношениях» [30, с. 246], то есть главными характеристиками брака были взаимность меж-

ду супругами, ведение общего хозяйства, необязательность юридического брака.

«УК РСФСР 1926 г. предусмотрел ряд норм, направленных против проявления пережитков родового строя в поведении граждан, эти нормы действовали на территории Киргизской ССР до 1958 г.» [31, с. 129] Далее в Уголовном кодексе Киргизской ССР 1961 г. к преступлениям, составляющим пережитки патриархально-родовых обычаев, стали в основном относиться: уплата и принятие выкупа (калым) за невесту (ст. 114), принуждение женщины к вступлению в брак (ст. 115), умышленное убийство, совершенное на почве пережитков родового быта по отношению к женщине (ст. 94. п. 8), многоженство (ст. 117).

Советская власть запрещала проводить традиционные обряды бракосочетания, тои, предбрачные обряды и ритуалы. В силу этого в период советского государства многие нормы обычного права, регулирующие институт брака, потеряли свое значение: обычаи левирата и сорората, бел куда и др.

Ученый И.А. Загорский, анализируя основы семьи и брака, предлагал свое видение данного института: «Брак – это семейный союз мужчины и женщины, порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям» [32].

Н.В. Рабинович дает следующее определение брака: «Это свободно заключаемый супругами союз, а семья основана на любви супругов друг к другу и на взаимной привязанности членов семьи». В 1949 г. ею была предпринята попытка внести в ст. 1 Основ Союза ССР и Республик о браке и семье данное определение, однако данная попытка не получила поддержки [33, с. 390].

Согласно позиции А.М. Беляковой, «брак – это юридически свободный и добровольный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи и порождающий взаимные права и обязанности. Брак основывается на чувстве любви, подлинной дружбы и уважения, нравственных принципах построения семьи в нашем обществе» [34, с. 87].

Г.М. Свердлов рассматривает «брак как свободный и добровольный моногамный союз равноправных мужчины и женщины, образующий семью, порождающий права и обязанности супру-

гов, заключенный с соблюдением правил, установленных законом» [35, с. 94].

Более четкое определение брака, которое подходит и для определения понятия брака у кыргызов, мы можем найти у В.А. Рясенцева: «Брак – это заключаемый в установленном порядке с соблюдением требований закона добровольный и равноправный в принципе пожизненный союз свободных мужчины и женщины, направленный на создание семьи и порождающий у них взаимные права и обязанности» [36, с. 13].

Однако, несмотря на все запреты советского позитивного права, кыргызы соблюдали установленные обычным правом свадебно-брачные обряды, были и факты умыкания невест, имело распространение и многоженство.

Среди кыргызов обычаи соблюдались и в советское время, поскольку существование неразделенных семей, тесные взаимоотношения между родственниками способствовали продолжению действию норм обычного права. Г.А. Мукамбаева отмечает: «В кыргызской семье четко придерживаются закона иерархии между членами семьи, на этом держится порядок, стабильность, моральные, религиозные нормы и нормы обычного права. Такой порядок в обществе складывался веками...» [37, с. 223].

4. Сегодня в научной литературе имеются разные интерпретации понятия «брак». Так, А.М. Нечаева указывает: «Брак представляет собою союз женщины и мужчины, заключаемый, в принципе, пожизненно с целью создания семьи» [38, с. 111].

По семейному законодательству Кыргызской Республики, «брак – это равноправный союз между мужчиной и женщиной, заключенный при свободном и полном согласии сторон в установленном законом порядке, с целью создания семьи, порождающий имущественные и личные неимущественные отношения между супругами» [39, с. 4]. Данное определение не отражает полностью брачные отношения, практикующиеся в обществе, поскольку среди кыргызского населения до сих пор действуют обычаи и традиции при заключении брака.

Согласно проведенному анализу, мы можем установить, что с трансформацией общества и государства брачные отношения

между кыргызами также подвергались видоизменению, однако при этом часть обычаев и традиций при заключении брака оставались в неизменном виде.

Суммируя вышеуказанные определения брака по обычному праву кыргызов на ранних периодах развития, мы можем предположить, что под *традиционным браком* понимается союз мужчины и женщины, заключенный в установленном обычным правом порядке, с целью создания семьи и продолжения патрилинейной линии родства, порождающий личные неимущественные и имущественные отношения между супругами, и в некоторых случаях и между их родственниками.

Нормы поведения, связанные со вступлением в супружество, составляли центральное звено в регулировании брачных отношений кыргызов. Обычай предусматривал два типа брака: моногамный и полигамный.

Одним из оснований типологии брака может являться численный состав брачного союза. Согласно данному критерию дифференцируют **моногамный** (брак между одним мужчиной и одной женщиной) и **полигамный** брак (брак между несколькими партнерами). Полигамный брак, в свою очередь, бывает двух видов: **полигиния** (брак одного мужчины с двумя и более женщинами) и **полиандрия** (брак одной женщины с несколькими мужчинами) [40]. Моногамия наблюдается во всех обществах, хотя другие формы могут быть не только допустимыми, но и предпочтительными. Моногамия считалась предпочтительным или идеальным типом брака в менее чем «20 % из 862 обществ, включенных в выборку для сравнительного исследования культур. Полигиния получила широкое распространение в мире – в 80 % из 862 обществ, включенных в выборку, когда мужьям разрешается иметь по две жены» [40]. «В редких обществах с принятой полигинией мужчина находится действительно в лучшем положении, чем в условиях моногамии. Если жены одного мужчины не ладят друг с другом, семья превращается в арену непрекращающейся борьбы, а мужу отводится неблагоприятная роль посредника или громоотвода. Если жены живут в согласии друг с другом, то муж,

вероятнее всего, становится объектом организованной женской оппозиции» [41, с. 183–184].

Согласно нормам обычного права, у кыргызов основным типом брака являлся моногамный брак. Однако среди имущего слоя была развита и полигамия в форме полигинии, тем самым брачно-семейные отношения отражали существующую в кыргызском обществе социальную и имущественную дифференциацию.

Многоженство санкционировалось нормами адата. «В случае развода или смерти одной из жен муж имел право вступить в новый брак» [42, с. 44]. «Женятся киргизы не сразу же на двух женах, и лишь прожив некоторое время с одной, берут другую. Так как, при браке малолетних, жену всегда берут старше мальчика-мужа – вполне взрослую девушку – то через несколько лет, когда муж войдет в возраст, жена выглядит уже пожилой женщиной. Муж тогда женится на совсем молодой девушке. Когда и эта завянет, берет третью», – пишет Н. Кушнер [43, с. 69]. Согласие на вступления в новый брак у других жен мужу не требовалось. Дети жен были равноправны, однако было исключение: дети старшей жены были в привилегированном положении, о чем говорит существование обычая *аксакалдык*.

Институт многоженства регулировал имущественные отношения между семьями, родами, соответственно во многом отражал определенную иерархию, то есть властные и статусные отношения в обществе. Положения жен в семье были регламентированы нормами обычного права. Особым уважением среди жен пользовалась старшая жена – байбиче, а также особое положение занимала младшая – токол [44, с. 15]. Считалось, что *токол* всегда пользовалась большим вниманием со стороны мужа. «Байбиче руководит всем домашним хозяйством, всеми женскими работами. Она распределяет работу между остальными женщинами, указывает им сроки работы, дает советы, делает выговоры. Наказать сама она никого не может, но жалоба байбиче старшему мужу служит достаточной угрозой для провинившихся. Токол обычно готовит пищу и смотрит за детьми» [43, с. 70]. Такой обычай помогал строго распределять труд между женщинами в семье. Отношение жен в семье обычно было сдержанным, со-

ры между женами разрешал муж. О положении жен и детей при многоженстве сообщается в материалах Н. Гродекова [45, с. 85].

Несмотря на то, что у кыргызов многоженство было допустимо, такие семьи встречались редко. Объясняется данное обстоятельство тем, что уплата калыма за каждую новую жену была обременительной, тем более, что «размер калыма возрастала с количеством жен, так что вторая стоила дороже первой, третья дороже второй, а четвертая дороже третьей» [46, с. 44]. Многоженство было связано с экономическими возможностями семьи, являясь «привилегией богатых и знатных» [18, с. 64]. «Бедняки имели по одной жене, для них уплата калыма была настолько тяжелым делом, что вторичная уплата (в случае смерти первой жены) порой оказывается не всегда под силу. Зажиточные киргизы имеют по две жены, а богачи – по три, по четыре» [43, с. 69]. Так, английский исследователь У.С. Гедин указывал, что «у и родоначальника племени «Кара-теит» Коат-бека было четыре жены, которые в разное время им были приобретены в Кашгаре» [47, с. 282]. Однако другой западный исследователь Л. Макартни отмечала: «Все-таки семьи у кыргызов были небольшими» [48, с. 145].

Для существования института многоженства кыргызы находили достаточное количество причин. В первую очередь, одной из причин многоженства была бездетность жены или же не рождение потомства мужского пола, поскольку же основной целью брака было продолжение потомства, то данный вопрос решался с помощью многоженства, при этом не было необходимости разводиться с первой женой.

Считается, что высокая смертность детей в кыргызских семьях являлась также одной из причин такого типа брака. «Неблагоприятные бытовые условия, бедность и недоедание, суровый климат высокогорья, вспыхивающие время от времени эпидемии и почти полное отсутствие медицинской помощи приводили к тому, что детские болезни были очень частым явлением в киргизской семье» [49, с. 282]. «В киргизских волостях оспенная эпидемия свирепствует, не уступая чуме на рогатом скоте, ежедневно вырывая из среды населения немало жертв, преимущественно детей... В то время как для борьбы с чумой работало в уезде

до 12 ветеринарных врачей, для борьбы с оспенной эпидемией налицо имеется лишь один врач с одним медицинским фельдшером» [50, с. 97]. «У кара-киргизов... несомненно, смертность превышает рождаемость; по крайней мере, это явление замечалось в некоторые годы, например, 1883, 1886 и пр. ... Частые голодовки у кочевников, а еще чаще падеж скота истощают народ, и рождаемость среди него уменьшается...» [51]. В связи с этим многоженство у кыргызов может рассматриваться как один из способов продолжения рода.

Во-вторых, полигамии способствовали бытовые причины – богатые слои населения кыргызов имели значительное хозяйство, были необходимы дополнительные люди, которые управляли бы всем этим хозяйством.

В третьих, большинство браков совершалось по решению родителей и между супругами не было каких-либо чувств к друг другу, в таком случае у мужа было право самостоятельно выбрать вторую жену.

Существует предположение, что у кыргызов многоженство существует в силу влияния норма ислама на быт и семейный уклад народа. Однако С. Абрамзон пишет: «Вряд ли многоженство получило бы какое-либо развитие у кыргызов, поскольку полигамия у кыргызов, как и у многих других народов, имеет гораздо более древнее происхождение, чем ислам, распространение которого среди кыргызского народа началось не ранее чем в XVI–XVII вв., ислам лишь санкционировал, «освятил» существовавшую у кыргызов и до этого полигамию» [49, с. 217]. Об этом говорят, прежде всего, многочисленные пережитки большой патриархальной семьи, когда-то бытовавшей у кыргызов. «Убедительным доказательством того, что полигамия у кыргызов имеет глубокие корни, могут служить материалы кыргызских генеалогий. Из них видно, что в среде родоначальников ряда кыргызских племен существовало многоженство. Это была первая треть XVII в. – время, когда ислам у кыргызов еще не стал господствующей религиозной идеологией» [23, с. 131]. По шариату мужчина мог иметь законно до четырех жен, однако по обычному праву кыргызов кыргыз мог жениться и более чем на четырех женщинах.

Согласно вышесказанному, мы можем сделать вывод, что многоженство у кыргызов появилось не в связи с принятием ислама, а существовало как один из элементов большой патриархальной семьи, бытовавшей среди кыргызского народа. Об этом говорят существование таких институтов обычного права, как левират и сорорат.

Однако, несмотря на все законные основания многоженства, данная форма брака среди кыргызов не была столь распространенной. Считалось, что если у кыргыза несколько жен, то у него не будет семейного счастья: «Эки катын алыпсын бир балого калыпсын». Такое негативное отношение к полигамии было и у других народов. Так, один из кантонных начальников в 1864 г. относительно башкир писал: «Многоженство среди башкир имеет свою невыгодную сторону. Оно поселяет несогласие в семье и, усиливая семейные разлады, отрицательно влияет на хозяйство башкир» [52, с. 70].

После установления советской власти были приняты законы о запрете многоженства и данная форма брака официально была запрещена.

В настоящее время в Кыргызстане законом признаются лишь моногамные браки; законодательство запрещает многоженство, считая такое действие – уголовно-наказуемым деянием. Согласно статье 15 Семейного Кодекса Кыргызской Республики запрещено двоеженство и двоемужество. В статье 153 «Двоеженство и многоженство» Уголовного кодекса Кыргызской Республики говорится: «Двоеженство или многоженство, то есть сожитительство с двумя или несколькими женщинами с ведением общего хозяйства, – наказывается лишением свободы на срок до двух лет» [53]. Считается, что такое положение соответствует принципу моногамии, согласно которому мужчина и женщина имеют право одновременно состоять только в одном зарегистрированном браке. В.П. Колодина в своей работе указывает, что «политика государства направлена на установление единобрачия, которое способствует не только упорядочению брачных отношений, но и укреплению здоровья и супругов, и их потомства» [54, с. 128].

Однако, несмотря на правовые нормы, запрещающие многоженство, все большее значение приобретает тенденция к укреплению в сознании населения правомерности практики многоженства, которая достаточно распространена в республике независимо от региона. Исследования показывают, что хотя первая жена и знает о существовании неофициальных вторых и третьих жен, она вынуждена мириться с таким положением дел, поскольку она вместе с детьми может лишиться материальной поддержки со стороны мужа, либо подвергаться с его стороны физическому или психологическому насилию [55]. Уязвимое положение имеют и неофициальные жены, поскольку их брак юридически не зарегистрирован, соответственно, они вместе со своими детьми ущемлены в правовом отношении [56]. Этим и объясняется отсутствие масштабной судебной практики по факту многоженства. Согласно архивным данным МВД, «в 2005 г. в Ошской области был осужден многоженец, но он был осужден не за многоженство, а за избиение своих жен» [57]. Согласно «данным Главного следственного управления МВД Кыргызской Республики, с 2008 г. по I полугодие 2012 г. по ст. 153 Уголовного кодекса возбуждено 3 уголовных дела в отношении двух лиц. Об этом говорится в периодическом докладе по выполнению Кыргызстаном Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В документе указано, что из трех уголовных дел 2 дела направлены в суд, 1 приостановлено» [58].

Согласно некоторым экспертным исследованиям, считается, что «современные проявления многоженства во многом обусловлены возрождением патриархальных ценностей, патриархального, архаичного уклада жизни в Кыргызстане» [59]. Однако, на наш взгляд, это не является первопричиной возрождения института многоженства в современной практике, и такая трактовка является искажением существовавших ранее норм общественного регулирования и сегодняшней действительности. Во-первых, несмотря на патриархальный уклад общества, отношение кыргызов к многоженству было негативным; при таком типе брака все жены и их дети находились под защитой норм обычного права. Во-вторых, возникновение института многоженства в настоящее время

тесно связано с политическими и экономическими факторами в стране. После распада Советского Союза, в период становления независимого Кыргызстана, в ходе приватизации и провозглашения приоритета частной собственности основными собственниками в стране стали мужчины – как главы семьи, и в силу концентрации всего имущества в их руках, имущество регистрировалось на имя главы семьи. В связи с этим женщина в своем социальном и экономическом положении стала более уязвимой, это и привело в дальнейшем к доминированию статуса мужчины в семье и обществе, что и повлияло, в свою очередь, и на развитие такого нелегального института, как многоженство – у мужчины появилась возможность иметь и обеспечивать более чем одну семью. О том, что «экономические факторы повлияли на развитие многоженство говорит и тот факт, что в ряду постсоветских республик Центральной Азии по росту масштабов распространения такого типа брака Кыргызстан не является исключением» [59].

Изучая данную проблематику в современное время, одна часть исследователей считает необходимым легализовать многоженство, другая, что необходимо, наоборот, ужесточить санкцию за совершение данного преступления [60]. Этот вопрос является весьма актуальным и в других странах, например, в Казахстане [61]. В связи с постоянными дискуссиями по данной тематике, на наш взгляд, необходимо более детальное исследование современных тенденций развития института многоженства и составление соответствующих рекомендаций. Поскольку проведение параллели между институтами многоженства, существовавшего ранее по нормам адата, и в настоящее время невозможно в связи с тем, что предпосылки и причины возникновения этого явления в разные периоды являются неидентичными.

В ходе данного исследования мы детально рассмотрим формы заключения брака по нормам обычного права кыргызов.

Традиционно у кыргызов существовало несколько *форм заключения брака*. Однако, прежде всего, следует уточнить, что мы будем в данном случае понимать под термином «форма брака». В научной литературе, посвященной вопросам брака, понятию «форма брака» придается различное значение [21]. Так, напри-

мер, иногда с формами брака отождествляются такие понятия, как групповой брак, моногамия, полигамия, полиандрия; иногда же формами брака называют определенный характер брачных отношений. В первом случае речь идет о типах брака, во втором случае обращается внимание лишь на внешнюю форму, в которой проявляется заключение брачного союза. В нашем представлении под понятием «форма брака» следует иметь ввиду те предпосылки, в силу которых заключается брак.

По нормам обычного права кыргызов брак был *двух видов*:

1) *калымный* – брак с уплатой определенной цены за невесту и 2) *бескалымный*.

1. Брак с уплатой калыма – одна из форм брака по нормам обычного права, которая имела широкое распространение среди кыргызов. Такой брак существовал у тюркоязычных народов еще до принятия ислама. Затем мусульманскими идеологами калымный брак был закреплен как разновидность покупного, и «калым стал выполнять ту же роль, что и уплата махра у арабов» [62, с. 146]. Брак считался юридическим состоявшимся после уплаты калыма – выкупа за невесту. Что касается калыма, то данный институт подробно рассмотрен в параграфе 3.2 настоящей работы.

2. Обычное право кыргызов предусматривало бескалымные браки. Первое упоминание о таком виде брака содержится в Суджинской надписи о подвигах кыргызского буюрука: «Я сыновей своих наделил домохозяйствами. Своих дочерей девиц я выдал без выкупа» [63, с. 85]. С помощью бескалымных браков кыргызы укрепляли военно-политический союзы племен. Иногда такие браки называли «династийными».

Трофейные браки также рассматривались как бескалымные, когда женщину отдавали в качестве подарка победителю. «Известно, что из каждого победоносного похода Чингис-хан возвращался с новой женой. Жены от побежденных – признак заключения политического союза (тангутская, чжурчженская жена), покорности или выражение превосходства» [64, с. 232]. Случаи трофейного брака также расписаны в эпосе «Манас». Также примером бескалымного брака считается форма брака *күч күйөө*.

Так, по обычному праву кыргызов различали следующие формы брака:

- 1) брак по сговору «жакшылап алышуу» – брак по чести;
- 2) «бел-куда» – брак по сватовству, который заключался по предварительному договору двух семей еще не родившихся детей;
- 3) «бешик-куда» – помолвка малолетних детей, находившихся еще в колыбели;
- 4) «кайчы-куда» – брак путем обмена невестами;
- 5) «левиратный брак» – форма брака, при которой холостяк или вдовец женился на вдове своего покойного брата для обеспечения интересов детей покойного;
- 6) «сорорат» – брак, при котором вдовец женился на младшей сестре умершей жены или невесты;
- 7) «сөөк куда» – форма брака для поддержания родственной связи «сваты одной кости»; по другому данная форма брака называлась – «сөөк жаңыртуу» – обновление сөөка;
- 8) «кыз ала качуу (умыкание)» – тайные браки, осуществляемые путем насильственного или мнимого похищения невесты;
- 9) «күч күйөө» – брак, при котором жених невесты не уплачивал калым и становился членом семьи будущей своей жены.

Форма брака «жакшылап алышуу» заключалась поэтапно и являлась самой распространенной формой заключения брака.

Одной из распространенных форм брака у кыргызов был обычай заключения соглашения родителей о браке их детей еще даже до рождения, то есть тогда когда еще ребенок находился в утробе – *бел куда*. Основной целью такого брака было желание родителей породниться друг с другом. Родители будущих супругов договаривались о том, что если у них родятся разнополые дети, то они их поженят. Когда в одной семье рождался мальчик, а в другой – девочка, то в знак соглашения между родителями детьми, отец мальчика преподносил отцу девочки подарок – кулдук-уруу (такой подарок состоял обычно из скота, который впоследствии рассматривался как часть калыма) или сөйкө-салуу (данный подарок обычно состоял из украшений, скота и ткани). Этот обычай рассматривался как факт уплаты первой части калыма. «В случае рождения в обеих семьях либо мальчиков, либо девочек, то

родители старались сделать их друзьями для сохранения дружественных отношений» [65, с. 2, 24]. За нарушение данных обещаний провинившаяся сторона могла понести ответственность в виде штрафа. Так, «5 февраля 1870 г. волостным управителем Дикамбаем решено было взыскать с кыргыза Каратая 18 лошадей за невыполнение его дедом условий обещанного брака» [66, с. 12–21]. В Эреже населений Иссык-Кульского и Джаркентского уездов от 20 мая 1889 г. и от 2 июля 1890 г. предусматривается, что «если кто-либо выдаст замуж свою дочь, сватанную за другого, то возвращается калым первому жениху, в случае отрицания виновного, должен присягать один человек с волости, без отвода, со штрафом 19 лошадей и 1 верблюда» [67, с. 52–53].

Следующей формой заключения брака является сватывание малолетних детей их родителями. Порой еще даже находившихся в колыбели детей связывали узами сватовства, в таких случаях возникали отношения *бешик куда* (колыбельных сватов). В этом случае отец мальчика также преподносил отцу девочки подарок, который впоследствии рассматривался как часть калыма. В знак заключения такого брака родители детей давали своим детям благословение – *бата* и устраивали небольшой праздник – *той*, которым скреплялся будущий брак. С этого момента дети были привязаны друг к другу, и отец будущей невесты не имел право выдавать свою дочь за другого. В случае если отец впоследствии не хотел отдавать дочь за нареченного жениха, он должен был возвратить полученный им калым и штраф. «Так, лицо, состоящее в сватовстве, если выдаст свою сватанную дочь за чужого, то обязан, если имеет, вторую дочь выдать за первого свата, а если это невозможно, то сверх калыма обязан уплатить 9 голов разного скота», – предусматривается Эреже, составленным на чрезвычайном съезде народных судей Аулиеатинского уезда 1906 г. [14, с. 458–460].

У алайских кыргызов помолвка совершалась чаще всего, когда мальчику исполнялся один год, редко – во взрослом возрасте [45, с. 55]. У сибирских татар также существовала такая форма брака. О.П. Коломиец указывает: «Раньше определяли для себя жениха и невесту, когда только рождались. Родители выбирали своему ребенку пару по «породе», по здоровью младенца. Так-

же, если семьи были дружны между собой, то родившихся мальчика и девочку обручали еще в младенчестве, объявляли женихом и невестой. Когда дети становились взрослыми, то их нужно было женить, вне зависимости от того нравятся они друг другу или нет» [68, с. 112].

Обе формы брака – бел-куда и бешик-куда – были тесно связаны с «калымным» браком. В обоих случаях калым уплачивался, выплаты продолжались до момента переезда невесты в дом жениха. С. Абрамзон считал, что «данные формы заключения брака имели самостоятельное значение, и не имели ничего общего с «калымным» браком, хотя, как и последний, были результатом сговора родителей будущих супругов; генетически они восходят к наиболее древним брачным институтам» [49, с. 239].

Данные формы брака встречались и у других народов [69]. Так, «у таджиков существовал обычай «говора-бахш» – колыбельное обещание, при котором детей 3–4 летнего возраста, а иногда значительно раньше, уже обручали» [70, с. 131]. «У узбеков практиковался обычай – бешик кертаги – обычай сватовства с колыбели для поддержания дружественных отношений между родителями детей, а также для облегчения платы калыма» [71, с. 20]. К примеру, «у горных алтайцев, при рождении разнополых детей, брак заключался по достижении детьми совершеннолетия, при этом их согласие было желательным, но необязательным. У теленгитов сватывание детей малолетнего возраста или с большой разницей лет практиковалось более чаще» [72, с. 111–112]. О.П. Коломиец описывает процедуру данной формы брака у сибирских татар следующим образом: «Обручение детей происходит в возрасте от одного до десяти-одиннадцати лет. Иногда пятишестилетние дети – будущие супруги – росли и воспитывались вместе, как брат и сестра, постепенно привыкая друг к другу. Нередко десяти-двенадцатилетние дети уже могли жить как супруги. Обручение малолетних диктовалось стремлением двух семей заключить родственный союз, а у богатых укрепить таким путем свое положение и влияние в обществе как можно раньше. Обручение малолетних не всегда имело благополучный исход. Часто возникали споры и тяжбы по поводу уплаченного калыма и полу-

ченного приданного, так как обрученные дети, будучи взрослыми, отказывались соединять свои судьбы» [68, с. 115].

И. Каратанов, исследуя обычай сватывания малолетних детей у качинских татар, писал: «У богатых часто сватывают детей еще в пеленках; при каждом посещении родителями друг друга, они привозят с собою вино, молочное летом и хлебное зимою, пьют, переходят из улуса в улус, из юрты в юрту по гостям и дарят друг другу, продолжается это до совершеннолетия детей» [73, с. 12–15]. Башкиры также практиковали обычай обручения малолетних. Данный обычай существовал у чувашей [74, с. 112], а также у мордвы [75, с. 59], до конца XIX в. Этот обычай сохранялся и у народов Кавказа, Поволжья и Сибири [76, с. 143].

По мнению Н.И. Винникова, «вышеуказанные формы брака появились в связи с тем, что родители своих детей обручали в раннем детстве для налаживания хороших отношений, и для предупреждения возможных случайностей в будущем». Он считал, что «предпосылкой возникновения таких форм брака был кузенный брак, предоставлявший мужчине уже от рождения право жениться на своих кузинах разных степеней родства» [77, с. 18].

Следующая форма заключения брака – обменный брак, *кайчы куда* («перекрестные» сваты) [78, с. 14]. «В таких случаях или семьи обменивались дочерьми, выдавая их замуж за сыновей другой стороны, или возможны были другие комбинации, например один человек отдавал дочь за сына другого, а тот отдавал свою сестру за брата первого. Точно так же обменивались и сестрами», – писал С.М. Абрамзон [49, с. 244]. Данная форма брака была разновидностью «*кайчы куда*» и называлась «кызга-кыз». Такой брак происходил без уплаты калыма, и одна из сторон устраивала угощение. Согласно исследованиям К. Нурбекова, «этот обычай приводил к проявлению власти в отношении женщины со стороны жениха» [19, с. 67]. Подобная форма брака встречается у узбеков и туркмен [79, с. 194]. Согласно взглядам Г.П. Васильевой, «это явление, возможно, имеет свое начало из дуальной экзогамии. В дальнейшем, под влиянием патриархально-феодалных отношений содержание этой формы брака изменилось, обмен девушками происходил уже с целью уменьшить или свести на нет

материальные затраты на свадьбу и прежде всего на уплату калыма» [79, с. 194].

У кыргызов, как и у других народов Центральной Азии, существовали пережитки группового брака [80], одним из которых был такой обычай, как *левират* (от лат. *levir* – деверь, брат мужа). Данный обычай был также распространен «у большинства народов Севера (чукчи, коряки, нивхи)» [81]. Считается, что левират является пережитком дуальной экзогамии [82]. Данная форма брака заключалась в том, что ближайший родственник умершего обязан был жениться на его вдове: «На вдове женился преимущественно младший брат умершего» [78, с. 13–14]. Согласно адату, у вдовы, имеющей детей, было право не выходить замуж и распоряжаться имуществом до достижения сыновьями совершеннолетия при условии проживания среди родичей мужа. Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г. устанавливало: «По смерти всякого киргиза жена его по истечении года должна выйти замуж за одного из братьев умершего. Если она вместо братьев предпочтет родственника или одноаульца, то отпускается к новому мужу, а имущество и дети остаются у братьев умершего и кроме того с нового мужа приготавливаются наследникам подарки. Если же жена выйдет помимо своего рода за чужого человека, то новый муж должен уплатить братьям умершего мужа, смотря по состоянию, от одной лошади с халатом до 15 голов скота от верблюда. Если женщина убежала тайно и унесла с собой часть имущества, то с нового мужа или с нее присуждается похищенное до тройной стоимости» [14, с. 444].

Левират со временем стал формой взаимопомощи: вдова с детьми не оставалась без кормильца. На наш взгляд, такая форма брака, в первую очередь, защищала права детей, оставшихся без отца, а не для сохранения уплатившего калыма и удержания дополнительных рабочих рук, как считали многие досоветские и советские исследователи. По поводу левирата у казахов С. Озбекулы указывал, что, «если вдова уходила с детьми в чужой род, то ее дети, попадая к отчиму, вряд ли могли рассчитывать на счастливое детство» [83, с. 142–143].

По мнению профессора Ч. Арабаева, одной из причин существования «левирата» было сохранение тайн и секретов внутри

семьи, которые вдова могла рассказать другим лицам за пределами рода покойного мужа.

В XIX в. у башкир и казанских татар левират был широко распространен. После смерти мужа вдове предоставлялось право выбора выходить замуж за младшего брата или племянника покойного. До XIX в. нередко вдова выходила и за женатого родственника умершего мужа, становясь последующей женой. К.И. Козлова считала, что «предпосылкой возникновения обычая левирата и сорората была и экономическая сторона брака, поскольку за вдову не было необходимости выдавать калым, при женитьбе на сестре умершей жены калым выплачивался незначительный» [74, с. 109–110].

И. Каратонов писал: «Работящая и домовитая невестка, после смерти мужа, могла выйти гражданским браком за брата мужа» [73, с. 12–15].

Институт левирата широко практиковался и у народов Кавказа. Н.Ф. Токоева отмечала, что «семейная община, платившая за женщину калым, рассматривала ее как общую собственность семьи. Бытование левирата в известной мере поддерживалось и религиозными представлениями, в частности, связанными с культом предков, согласно которым брат, вступая в связь с его вдовой, рожденных в этой связи детьми, продолжал общий с покойным род» [84, с. 24].

В целях защиты интересов детей среди кыргызов действовала и другая форма брака – *сорорат*, согласно которой в случае смерти жены у мужа покойной возникало право взять в жены ее сестру. Данный вид брака впервые описан Л.Г. Морганом [85, с. 13], а термин введен Дж. Фрейзером, собравшим сведения о существовании сорората у многих народов Америки, Азии, Океании и Африки [86].

Сорорат рассматривается как пережиток группового брака. Так, к примеру, широкое распространение обычая сорорат получил у мордвы. «Когда умрет жена, то охотно женятся на свояченицах. Если же получит кто в том отказ, то кладет тихонько на стол маленький хлебец, и говорит: промысли мне свояченицу! После сего обращается он в бег, и ежели его настигнут, то бьют немилостиво» [87, с. 10].

сердно, если же уйдет, то выдают беспрекословно за него помянутую свояченицу», – писал И.Г. Георги [75, с. 63]. О бытовании обычая женитьбы на свояченицах свидетельствуют также документы русского судопроизводства [87, с. 34].

У кыргызов же, в случае смерти жены, муж обязан был жениться на ее сестре, «при условии, что она была моложе покойной» [88, с. 30]. Сорорат позволял вдовцу, не разрывая тесных отношений со стороной покойной жены, получить себе жену и мать для детей, привязанную к ним в силу родственных чувств. По смыслу адата считалось, что младшая сестра будет более внимательно заботиться о детях своей сестры. Однако эта норма не была обязывающей, поскольку такая форма брака осуществлялась лишь с согласия сторон, что свидетельствует о достаточной гибкости обычного права кыргызов, не ущемляющего правового положения женщины.

По общим правилам адата невеста переходила в семью жениха и становилась членом его семь, то есть у кыргызов практиковалась «патрилокальная форма брака (от лат. *pater* – отец и *locus* – место)» [89], установившая в этнографии форму брачного поселения, при которой жена переходит на жительство в общину мужа. Однако существование у кыргызов такой формы брака, как «*күч күйөө*» можно рассматривать как сохранение также и «пережитков матриликального брака (от латинских *mater*, родительный падеж *matris* – мать и *locus* – место), распространенного в условиях материнско-родового строя» [89]. «*Күч күйөө*» – это форма брачного поселения, при которой муж переходил на постоянное жительство в общину жены.

Форма заключения брака «*күч күйөө*» была исключением из правил, нежели обыденной практикой среди кыргызов. Согласно данной форме брака жених невесты переходил на жительство в семью своей будущей супруги. При чем выделалось два вида формы брака *күч күйөө*: временное и постоянное. Совместное поселение брачной пары с родителями жены могло быть временным, пока муж обрабатывал тестю калым за свою жену, либо постоянным, когда тесть усыновлял своего зятя в связи с отсутствием собственного сына, либо в связи с отсутствием близких родственников

у самого зятя. «Такого мужчину брал к себе в дом и делал зятем (его называли *куч күйөө*) человек, не имевший собственного сына и нуждавшийся в рабочей силе для своего хозяйства. Прожив два-три года и «отработав» жену, кыргыз получал право забрать ее» [49, с. 245]. Такой обычаем практиковался и у других народов, к примеру, у башкир. «Башкир д. Караякупово Уфимского уезда Аккул Хурамшин в 1826 г. женился на дочери Т. Надыровой Магрифе с обязательством уплатить калым в размере 450 руб. Из этой суммы уплачено было им только 50 руб. Желая ускорить уплату, он нанялся в том же году к Надыровой в работники с платою в год по 100 руб. [90, с. 1]. Таких примеров было немало» [91, с. 8–9].

По нашему мнению, существование данной формы брака доказывает, что адат регламентировал равноправие между будущими супругами, когда не только женщина переходила в семью мужа, но и мужчина мог перейти в семью жены, что свидетельствует о гибкости кыргызского обычного права, отражающего и регулирующего отношения, существовавшие в обществе.

Для поддержания родственной связи практиковалась форма брака *сөөк куда* – «сваты одной кости». Целью данной формы брака являлось упрочнение дружественных отношений внутри одной родственной группы. Кыргызы говорили в данном случае: «Сөөк туштум», – что означало породниться через брак с кем-нибудь из своих, стать сватами [20, с. 16].

Форма брака «умыкание» (*кыз ала качуу*) встречалась и у кыргызов, хотя как форма брака существовала у многих народов мира. Аргументов для умыкания было достаточно. Умыкание производилось как с согласия самой невесты [92, с. 97] (похищение по договоренности), так и без него (насильственное похищение) [93, с. 34].

Здесь необходимо отметить, что в обычном праве кыргызов термин «*кыз ала качуу*» имел две интерпретации: с одной стороны, похищение невесты рассматривалось как форма брака (если похищение осуществлялось по договоренности; если даже после насильственного похищения невесты стороны приходили к консенсусу); с другой стороны, *ала качуу* означало правонарушение в силу насильственного характера его совершения и противоре-

нения стороны невесты (ала качуу как правонарушение рассмотрено в параграфе 2.4. настоящей работы).

«Похищение женщины для вступления в брак является одним из древнейших институтов», – указывал Ф. Энгельс [18, с. 19]. А.И. Першиц в своих первоначальных работах писал, что «брак путем похищения – древнейшая форма брака, которая предшествовала договорной» [94, с. 122]. Л.Я. Штернберг отмечал, что «никогда и нигде насильственное фактическое умыкание не было регулярным способом заключения брака, оно всегда было лишь дополнительной, экстраординарной формой брака» [95, с. 166–167]. Современная наука же предполагает, что умыкание не является древнейшей формой заключения брака, поскольку нет достаточных веских доказательств о том, что такой вид брака преобладал над браком по договоренности: «Широкое распространение «воровской свадьбы» было связано с эпохой раннеклассовых обществ, с периодом далеко зашедшей социальной стратификации» [96, с. 63]. В большинстве случаев предпосылки экономического характера толкали к похищению невесты и в начале XX в.» [93, с. 89].

Умыкание практиковалось в кыргызском быту, но совершение умыкания без согласия стороны невесты и ее родственников рассматривалось как преступление [14, с. 455]. Исследователь Л. Хандрахан отмечал, что «изначально оно было скорее тайным бегством, нежели похищением невесты. Иногда похищение рассматривается как свадебная формальность, на которую девушка идет добровольно, в связи отсутствием платежеспособности жениха. Некоторые рассматривают это как честь быть похищенной, поскольку это демонстрирует то, что девушка достойна быть женой» [97].

Изучая обычаи казанских татар, Г.Н. Ахмаров выделял основные обстоятельства совершения умыкания: «а) похитителями всегда являются молодые парни, а пожилые и вдовцы никогда не пользуются таким средством. Похищают обыкновенно заранее знакомую девушку, как из своего, так и из другого селения, но не из своей родни; б) если похищение совершается в самом селении, то непременно ночью – и при содействии знакомой невесте женщины. В случае погони и полного отсутствия надежды на успех,

девушку бросают на дороге» [98, с. 9]. Е.А. Бектеева относительно умыкания невест у нагойбаков указывала, что молодые девушки не могли никуда выйти без провожатого, поскольку их могли умыкнуть. Однако были случаи, когда девушки сами убежали, условившись предварительно с женихом, или сообщали секретно свое намерение родителям» [99, с. 170].

Данная практика в Кыргызстане была частично ликвидирована с установлением Советского государства, однако после распада Советского Союза умыкание как форма брака вновь начала масштабно практиковаться среди кыргызского населения. Сегодня вопросы предпосылок возникновения такого явления на практике остаются предметом долгих споров и дискуссий.

Изучив общие положения брака, мы пришли к следующим выводам:

– Брачные отношения между кыргызами на каждом этапе своего развития подвергались изменениям, однако при этом определенные нормы обычного права оставались в неизменном виде, что следует при установлении этапов эволюции института брака. Согласно материалам обычного права кыргызов было выделено четыре этапа развития брачных отношений кыргызов.

– Брак среди кыргызов был двух типов: моногамный и полигамный. Но на практике большинство семей жило в моногамном браке, главным образом вследствие величины калыма и других, сопряженных с заключением брака обязательств, в связи с чем данная форма брака среди кыргызов не была столь распространенной.

– По обычному праву различали девять форм брака, отражавшие быт и культуру кыргызского народа.

1.2. Условия заключения брака

Одним из важных элементов брачных отношений являлась система юридических критериев подбора супругов, которые по правовой природе представляли собой своего рода предбрачные отношения, служили прологом создания семейного союза и подлежали правовой регламентации не в меньшей степени, чем

собственно заключение брака и, тем более, последующая семейная жизнь.

По обычаям кыргызов существенную роль в выборе супруга(-и) придавалось положению семьи в системе социально-правовой иерархии общины, требованиям к общественному и экономическому соответствию молодоженов. Так, оценивая статус семьи, обязательно обращали внимание на материальное положение, поскольку проведение свадебного ритуала требовало больших затрат как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Тем самым, право устанавливало целый ряд условий заключения брака между кыргызами. При вступлении в брак соблюдались и определенные ограничения.

Обычай кыргызов предусматривал основные (существенные) и дополнительные (необязательные) условия заключения брака. Изучение брачных отношений в рамках обычного права кыргызов показало, что основными условиями брака между кыргызами было: согласие на брак ближайших старших родственников обеих сторон, уплата калыма, соответствие требованиям экзогамии и единство вероисповедания. К дополнительным условиям относились достижение совершеннолетия, очередность по старшинству, неравенство в происхождении, социальном положении, имущественном состоянии, отсутствие психической или другой неизлечимой болезни и др.

Брак был лишен религиозного значения, нравственно-моральной стороне брака между женихом и невестой предавалось мало значения, поскольку вопрос брака решался родителями жениха и невесты, в большинстве случаев, без активного участия последних. Данное положение отражало состояние быта кыргызского общества, когда учитывались интересы семьи, а не отдельной личности. Брак, заключенный без согласия родителей, порицался обществом. Каждая семья имела своего главу – мужчину, который имел право женить или выдать замуж ему подвластных детей. Об этом указывает и Загряжский: «Невыделенный сын не может вступить в брак без согласия своего отца, если последний находится в живых. Киргизка также не могла выйти замуж без позволения отца» [25, с. 27–34]. «Юношу же, преимущественно

в зажиточных семьях, старались женить более в раннем возрасте, а в бедных, напротив, старались женить позднее, чтобы он мог поработать на родителей и приобрести скот для уплаты калыма» [88, с. 33].

При выборе невесты сторона жениха обращала внимание не только на материальное, но и на социальное положение стороны невесты. Такой подход к выбору невесты отражен в кыргызской пословице: «Катын албай, кайын ал» (Не бери жену, а бери, то есть выбирай, родственников) [65, с. 19, 21]. Обычно брак у кыргызов заключался между равными по имущественному положению семьями: «Тен тени менен, тезен кабы менен».

По общим правилам, вступление в брак у кыргызов должен был сопровождаться уплатой *калыма*. Г. Загряжский отмечал, что «вступающий в брак обязан выплатить родственникам невесты калым» [25, с. 30]. Ф. Энгельс указывал: «Перед свадьбой жених делает подарки родичам невесты (т. е. ее родственникам со стороны матери, но не отцу и его родственникам); эти подарки считаются выкупом за уступаемую девушку» [100, с. 20].

Калым выплачивался сполна до совершения брака. Об этом отмечалось в № 26, 27 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда от 1893 г. [14, с. 441].

Хотя уплата калыма была одним из условий вступления в брак, были исключения, когда калым не уплачивался. Так, по обычному праву при форме брака «кайчы-куда» – перекрестный брак двух дочерей и двух сыновей близких родственников, калым не уплачивался. «Кайчы-куда» практиковалась, в большинстве случаев, среди бедных кыргызов. Такой обычай также встречался и у туркмен [79, с. 194]. Калым также не уплачивался, если разведенные супруги заново решали вступить в брак. Согласно пословице – «Калым болбосо дагы, каады болсун» – порой, для кыргызов более важным было следование традициям и обычаям при заключении брака, чем даже сам факт уплаты калыма.

Следующим условием вступления в брак было *вероисповедание*. Брак по нормам обычного права в кыргызском обществе, как мужчины, так и женщины, с неединоверцем рассматривался как незаконное сожитие. Такой брак с самого начала рассматривался

уже недействительным. Загряжский указывал: «Киргиз не может вступать в брак с не единоверкою. Киргизка не может выйти замуж за не единоверца» [25, с. 30]. Уже после вступления Кыргызстана в состав Российской империи данная норма начала носить диспозитивный характер, кыргызские мужчины могли жениться на женщине другой веры, так как считалось, что «влияние мужа будет способствовать вовлечению ее из одной новообращенной в ряды правоверных, а женщинам также запрещалось выходить замуж за человека другой веры» [19 с. 78]. «Кара-киргизы женились на сартянках, татарках. На женщинах из киргиз-кайсаков» [101, с. 211]. «Однако браки с русскими были строго запрещены» [88, с. 30]. До Октябрьской революции кыргызы заключали браки только между собой, либо в некоторых случаях с представителями других народностей, проповедовавших ислам. В советское время же ситуация изменилась: «Теперь люди оцениваются в колхозе не по национальному, и не по религиозному признаку, а по их поведению, поступкам и по отношению к труду», – указывал в своем исследовании А. Джумагулов [88, с. 72]. «Появление в колхозах смешанных семей – явление, несомненно, прогрессивное, свидетельствующее об изживании религиозных предрассудков и национальной ограниченности», – отмечал С.М. Абрамзон в своем исследовании «Киргизская семья в эпоху социализма» [102, с. 135].

Достижение определенного *возраста* являлось одним из условий заключения брака, однако *де-факто* данное положение повсеместно нарушалось. «Совершеннолетие, по данным Г. Загряжского, для вступления в брак наступало для юношей и девушек с пятнадцатилетнего возраста» [25, с. 30]. Согласно статье 5 «Сборника обычного права киргизов», жених был в праве требовать себе невесту после уплаты калыма и по достижению 15 лет [16, с. 299]. «В пятнадцать лет – хозяин кибитки», – говорит кыргызская пословица. Однако в разных регионах Кыргызстана «совершеннолетними могли считаться девочки 13–15 лет, юноши – 16–18 лет» [88, с. 33], или «с четырнадцати лет для юношей, смотря по уму, даже и с тринадцати лет» [45, с. 36]. Кыргызская пословица гласила: «Тузду коп сактаба – суу болор, кызды коп кармаба – кун болор» (Не держи долго соль – превратится в воду, не держи долго

дочь – превратится в рабыню). Девушка, достигшая 17–18 лет и не выданная замуж, считалась засидевшейся невестой (карадалы) и порицалась обществом [65, с. 2, 24]. В связи с этим, родители старались выдать дочерей как можно раньше. «... В момент заключения брака Эсенбаю было едва 11 лет, а его жене 16...» – указывается в «деле о «браке малолетнего» аула № 3 Арымской волости Джелалабадского округа, рода Мачак» [43, с. 75].

О браке малолетних среди кыргызов П. Кушнер указывал: «Киргиз женится рано: мужа в 14 лет встречаются повсюду – и делается это из хозяйственных соображений. Каждый лишний работник в семье облегчает труд остальных, поэтому прибавка рабочей сил приветствуется всеми членами семьи» [43, с. 69]. Однако такие взгляды исследователя являются спорными, поскольку, на наш взгляд, браки до наступления соответствующего возраста совершались также в целях заботы о членах семьи (ухаживание за старшим поколением), а также в целях самого брака – продолжения патрилинейной линии родства.

Условие о возрасте будущих супругов нередко нарушалось, в большинстве случаев из-за «брачных соглашений» между родителями будущих супругов; бывали случаи, когда юные девочки соединялись узами брака с пожилыми людьми. Так, Белоцкий указывал, что «12-13-летних насильно выдавали замуж, часто за стариков» [103, с. 133]. Относительно предела старческого возраста для вступления в брак и разницы лет будущих супругов обычное право ничего не говорило.

Однако некоторые ранние браки заключались в связи с крайней необходимостью. К примеру, в случае смерти жениха 18-летнего возраста, уплатившего калым, по адату его невеста должна была перейти к старшему брату; в связи со смертью и отца, и матери невесты, не имеющей состоятельных родственников, отец жениха брал ее к себе на пропитание, поскольку забота и воспитание молодого поколения была главной обязанностью родителей. Порой малоимущие родители невесты добровольно отдавали своих дочерей отцам жениха на пропитание до определенного возраста, по достижению которого сосватанные вступали в брак на общих условиях.

К общим условиям вступления в брак относилось условие *отсутствия родства в определенных степенях между женихом и невестой до седьмого колена*. Из этого следует, что брачные запреты кыргызов базировались на пережитках экзогамии.

Право брачного выбора регламентируется нормами эндогамии и экзогамии. Нормы эндогамии – это предписания относительно заключения брака внутри определенной группы. Экзогамия – правила поведения, предписывающие заключение брака за пределами собственной группы. Нормы экзогамии, базируясь на принципе исключения кровного родства, включают запрет на инцест, то есть запрет на отношения между близкими кровными родственниками. Клод Леви-Строс отмечал, что «табу на инцест способствует созданию союзов между различными семьями и укреплению их социальной взаимозависимости» [104].

По адату у кыргызов нарушение правил экзогамии приравнивалось к правонарушению. Обычай устанавливал запрет на родственные браки по следующим причинам: 1) такие браки могли привести к бесплодию, либо к рождению неполноценных детей; 2) считалось, что при близких браках не было стыдливости между парнями и девушками; 3) «браки между неродственниками способствовали установлению мира между отдельными родами» [105, с. 32]; 4) сваты (кудалар) не пользовались бы почетом и уважением; 5) ссоры и неполадки в семье мужа были бы известны родителям жены, что, в свою очередь, могло повлиять на взаимоотношения между сватами; 6) «невестка, часто посещающая дом своего отца (төркүн), не успевала бы заботиться о членах своей собственной семьи: *«төркүнү жакындын тошого жыйылбайт»* [65, с. 6, 19].

Исторические причины запрещения браков между родственниками заключались в условиях родового быта. В родовом быту первоначально существовала вражда между отдельными родами, сближались они между собою с помощью браков между лицами, принадлежавшими к разным родам. Эта причина являлась одной из главных при запрещении у кыргызов брака между близкими родственниками, об этом говорили и нормы обычного права: *«Тамакты таттуу кылган туз, алысты жакын кылган кыз»*.

«Прежде правила о родстве были весьма строги, так, брак запрещался до седьмого колена включительно, однако со временем строгость данных правил ослабла и даже начала отмирать» [45, с. 27–28]. Браки заключались и до 4-й, и до 3-й степени, по женской же линии в брак вступали и во 2-м колене, так что можно было жениться и на своей двоюродной сестре, двоюродной тете и пр. по женской линии. Г. Загряжский пишет, что «было неприличным вступать в брак людям, находившимся в степени родства от 4 до седьмого колена. Люди, вступившие в брак, находясь в таких степенях родства, не могли быть разведены, но подвергались презрению своих родичей» [106].

Так, «по сообщению Тургумбека Алымбекова, раньше у группы кошой (солто) существовал обычай брать жен не ближе, чем из седьмого колена (жети ата отмойун кыз алышкан эмес), а позднее постепенно стали допускать браки в 4-м, 3-м колене, т. е. в пределах подразделения Канай, причем последний является для Турумбека прадедом» [65, с. 20]. «Согласно информации Давлеталы Келдибекова, у группы джантай племени сарыбагыш до недавнего времени сохранился обычай брать жену не ближе, чем из шестого колена, например, между потомками Атабая (Давлеталы считает себя потомком Атабая в шестом поколении) брак был запрещен» [65, с. 21].

Однако уже в начале XX в. у кыргызов экзогамия была уже не родовой, а носила «поколенный характер». Данный принцип был различен в зависимости от социального и экономического развития той или иной местности. «У тех же киргизов, на Тянь-Шане, например, фактические браки совершались иногда между потомками в шестом и даже в пятом поколении, в Чуйской долине часто встречались браки не только в пятом, но и в четвертом поколении, а в некоторых районах южной Киргизии, где больше сказывалось в прошлом влияние ислама, мы встречались иногда с полной утратой ранее существовавших запретов и приспособлением их к нормам шариата» [107, с. 141].

Допустимы были браки со второй степени родства по женской линии. Некоторые исследователи отмечают, что «кыргызы предпочитали кузенные браки» [78, с. 13]. Так, Н.П. Дыренкова

пишет: «Брак с родственниками по матери является наиболее излюбленным. Сын сестры в первом колене может жениться на дочери брата, т. е. племяннику берет дочь у дяди – «жээн келсе суроосуз таякесинин кызын алып кетет» [78, с. 13]. Такой обычай существовал и у других народов. Так, среди узбеков одним из наиболее предпочтительных был брак между сыном сестры и дочерью брата [88, с. 28]. У туркмен-нохурли желательным считался брак с представительницей рода, из которого исходила мать жениха; наиболее желательной невестой являлась дочь брата матери [79, с. 193–194]. Однако Н.П. Дыренкова отмечает, что «сын брата не может взять в жены дочь сестры: *тай аке жээн кызын албайт*... если бы сын брата случайно женился на дочери сестры, не зная этого, то аксакалы заставили бы его отпустить ее» [78, с. 13]. Однако среди племен солто и сарыбагыш браки между сыном брата и дочерью сестры являлись обыденными, браки между сыном сестры и дочерью брата. Так, согласно сообщениям Сатыбека Исабекова, Сулаймана Тутунова, Касыма Тулкубаева и других, «такие браки среди кыргызов не только не запрещались, а наоборот, приветствовались, так как вступившие в них не считались родственниками» [65, с. 2, 5, 24]. Такая практика также была и у «узбеков, которые предпочитали браки между дочерью сестры и сыном брата» [108, с. 399].

Повседневной была практика вступления в брак детей двух сестер – боло. «Боло вступали в брак уже в первом поколении, так как они считались происходящими из разных родов» [19, с. 14, 29].

Обычное право кыргызов предусматривал ряд запретов касательно свойств рода: не разрешалось жениться на мачехе и на ее детях, так же как и на детях отчима; запрещалось жениться на молочной сестре; не допускалось, чтобы отец женился на женщине, когда его сын женится на ее дочери, или наоборот. «Не разрешалось жениться на младшей сестре жены (балдыз), пока жена жива. За двух родных братьев не выдавали родных сестер; невесты двух братьев могли находиться между собой в родстве, но не ближе, чем в 3-м колене» [78, с. 13].

Кроме кровного родства и свойства на заключение брака между кыргызами оказывало влияние родство искусственное:

«Одномолочность» и усыновление. «Нельзя заключать брак с молочными сестрами, нельзя жениться на кормилице (энеке) и молочной сестре (эмчектеш), на ближайших же родственницах их можно» [45, с. 30].

В брачных отношениях у кыргызов остались пережитки экзогамии, и характерной их особенностью являлся двусторонний кузенный брак, что говорит о том, что ранее кыргызы, как и многие другие народы, в древности пережили стадию группового брака. Одними из таких пережитков также являлись левират и сорорат, о которых мы упоминали ранее.

Изученные выше условия заключения брака существовали в Кыргызстане до установления советской власти. Далее уже под влиянием норм советского права они видоизменялись и некоторые из них постепенно исчезали.

Статья 15 Семейного кодекса Кыргызской Республики устанавливает «запрет на заключение брака между близкими родственниками по прямой линии (родителями и детьми; бабушкой, бабушкой и внуками) и боковой линии родства (полнородными и неполнородными братьями и сестрами)». Такой перечень близких родственников, между которыми регистрация брака невозможна, является исчерпывающим. Следует отметить, что современное законодательство делает послабление в запретах на кровосмесительные браки. «Медицина подтверждает рождение неполноценного потомства и у более дальних родственников (тети, дяди и племянники, племянницы; двоюродные братья и сестры)» [54, с. 131]. Возможно, с целью рождения здорового поколения следует расширить круг лиц, имеющих родство как препятствие к заключению брака. Так, на наш взгляд, необходимо, переняв позитивный опыт традиционного права, дополнить статью 15 Семейного кодекса, установив запреты для вступления в брак родственников до третьего колена. Также в Семейном кодексе не содержится запрета, препятствующего заключению брака между лицами, состоящими в отношениях свойства: отчим, мачеха и пасынки, падчерицы, однако такие запреты содержались в нормах обычного права, так как происходит приравнение отношений таких лиц к родственным и заключение брака между

лицами, связанными подобными семейными отношениями, является безнравственным.

На сегодняшний день условия брака предусматриваются законодательством, однако заключение брака, согласно нормам кыргызского адата, до сих пор остается актуальным. Конечно, бесспорно, существовавшие ранее кыргызские обычаи ослабли и предстают в ином ракурсе в соотношении с экономическим развитием общества, но говорить о «вымирании» обычных норм среди кыргызов также невозможно. «Некоторые из традиций и обычаев кочевых киргизских племен остались в далеком прошлом, сохранившись лишь в памяти народной (в преданиях и эпосах), другие в неизменном или же трансформированном виде продолжают бытовать среди киргизов и поныне» [44, с. 7].

В данном разделе изучение брачных отношений кыргызов в рамках обычного права показало, что заключение брака предусматривало соблюдение соответствующих условий его заключения, которые делились на основные и дополнительные. Так, к основным условиям брака относились следующие: согласие родителей, или при их отсутствии старших родственников, опекунов на заключение брака; соответствие требованиям экзогамии, что подразумевало запрет заключения брака между родственниками до определенной степени родства; уплата калыма; единое вероисповедание; отсутствие психической или другой неизлечимой болезни. Дополнительные условия включали в себя: достижение совершеннолетия, очередность по старшинству, неравенство в происхождении, социальном положении, имущественном состоянии.

1.3. Порядок заключения брака

В данном разделе исследуются нормы обычного права кыргызов, устанавливающие этапы заключения брака. Порядок заключения брака модифицировался, как и само понятие брака, и его изучение является весьма обоснованным для лаконичного исследования всех аспектов брачных отношений.

На сегодняшний же день в связи с тем, что брак уже является частной сферой каждого человека, то некоторые его обряды утратили свою актуальность, однако определенные элементы заключения брака между кыргызами имеют место до сих пор и играют более важную роль для населения, чем юридическая регистрация брака.

Брачное соглашение между кыргызами достигалось двумя способами (в зависимости от формы заключения брака): *во-первых*, путем договора между родителями той и другой стороны, когда глава семьи жениха обращается с данным предложением к родителям невесты (кудага түшүү); либо, *во-вторых*, сторона жениха похищает невесту (кыз ала качуу). Для каждого способа заключения брака предусматривался свой порядок заключения брака. О существовании таких способов заключения брака указывают и сведения А.Д. Грача: «Ранее этнографами были рассмотрены наиболее пережиточные формы семейно-брачных отношений народов Средней Азии и Сибири – реликты группового брака и матернитета. Было констатировано, что в относительно недавнем прошлом тюркоязычные народы Сибири и Средней Азии практиковали две формы заключения брака, которые развились из «ортодоксального» группового брака: 1) более древняя форма – заключение брака посредством похищения, со следующим затем примирением и выкупом и 2) заключение брака со сватовством и уплатой калыма за невесту» [109, с. 48–49].

Брак начинался сватовством (кудага түшүү) и завершался венчанием (нике кыю), обычно сопровождаемым празднованиями данного события (тоем) и широкой оглаской, которая была необходима для информирования населения о факте бракосочетания конкретных лиц. В современное время сохранилась часть обычаев касательно свадебных обрядов, к примеру, сватовство, калым и др. Необходимо также отметить, что на смену некоторым исчезнувшим пришли новые обряды, такие как *ачуу басар*, *таттуу басар* и др. Выплата калыма и подготовка родителей приданого невесты являлись важными элементами еще до заключения самого брака.

В соответствии с обычаями и традициями кыргызов брак состоял из следующих этапов:

- сватовство (куда түшүү);
- уплата выкупа за невесту (калың төлөп берүү);
- венчание (нике кыю).

Однако как дополнительные стадии заключения брака также существовали:

– *добрачные* стадии: свидания жениха и невесты (күйөөлөп баруу), проведение свадебного праздника в доме отца невесты (кыз узатуу той);

– *послебрачные*: приезд невесты в дом жениха (келин алып келуу); обычай посвящения огню (отко киргизүү) и др.

Для более ясной картины порядка заключения брака у кыргызов рассмотрим все вышеуказанные стадии брака.

Первый этап – сватовство (кудалык). Сватовство – первоначальное соглашение между родителями жениха и невесты о женьтибе и о размере калыма. Это формальное предложение делалось через почетных сватов (кудалар), причем сватами делались обязательные подарки отцу невесты. «Сватами бывают родители, братья, опекуны жениха и невесты» [110, с. 237]. Сваты, в свою очередь, – это породнившиеся семьи. «Куда» (сват) и «кудалар» (сватья) обычно одаривают другую пару сватов подарками начиная со сватовства и затем периодически и постоянно, подтверждая тем самым поговорку: «Күйөө – жүз жылга, куда – мин жылга» [65, с. 2, 31] (Зять на сто лет, а сват на тысячу лет)». «Киргизы смотрят на сватовство не как на предполагаемую связь между двумя личностями – женихом и невестой, а как на связь между двумя семьями» [26, с. 247]. По обычаю, «куда бала», то есть младший ребенок или младший брат свата, имел особый статус, который приравнивался к статусу главного свата «баш куда». Особым почетным статусом обладала сестра зятя или снохи, тетя или племянница – «кудача».

По обычаю существовали ранние формы сватовства еще не родившихся детей и младенцев, которые мы рассматривали ранее. Согласно обычаю, родители будущего жениха дарили будущей невесте серебряные серьги (сөйкө салуу) как в знак заключения брака между детьми. На сегодняшний день традиция *сөйкө*

салуу также имеет место, однако имеет уже измененный смысл, поскольку данный обряд приравнивается к помолвке.

«Так, в назначенный день самый близкий родственник жениха, в сопровождении 5–10 человек, называемых «жуучи», отправлялся в аул невесты. У аула невесты сватов встречал молодой человек верхом, который вел их к приготовленной юрте. По приезду в аул отца невесты, один из сопровождающих жуучи входил к нему в юрту, обмениваясь приветствиями, объявлял о цели приезда» [65, с. 19, 21]. Если отец невесты был согласен на рассмотрение предложения, то говорил: «Пусть пожалуют большие сваты для заключения окончательного условия». В таком случае сватов прямо приглашали в юрту невесты, где им уже были приготовлены подарки.

По окончании всех переговоров отец невесты устраивал у себя угощение и приглашал, кроме приезжих сватов, своих родных и соседей. Обменявшись приветствиями, хозяин обязательно ставил перед гостями «куйрук-боор» – особо приготовленное блюдо из баранины. Юридическое значение «куйрук-боор» (куйрук – курдючное сало, боор – печенка) состоит в том, что это блюдо, подаваемое исключительно при сватовстве, служило на суде биев основным доказательством сватовства [110, с. 237]. Так, в случае спора о том, имело ли сватовство место, бии спрашивали: «Пробовал ли куйрук-боор?», и при утвердительном ответе считали факт сватовства доказанным. «Доказательством брака служат сваты, заключавшие сватовство, посторонние люди, евшие куйрук-боор и мулла, проводивший обряд венчания» [106].

Далее по приглашению стороны жениха отец невесты следовал к отцу жениха, где повторялись те же обряды: та же встреча, те же угощения, те же игры, но кроме подарков, которые делались в меньших размерах, так как за этот приезд стороне невесты уплачивалась большая часть калыма. Согласно обычаю избегания, у кыргызов на данном этапе заключения брака жениха не показывали отцу невесты, как невесту – отцу жениха.

В некоторых местностях установление размеров калыма являлось важным самостоятельным этапом свадебного ритуала, сопровождавшимся несколькими встречами представителей обеих

сторон [88, с. 36]. Как у кыргызов, так и у казахов «основа брака была уплата калыма и установление сроков» [111, с. 27]. Размер калыма был различным. Он зависел от социального положения, от состоятельности жениха и невесты и их родителей, а также от достоинства невесты. Калым мог выплачиваться по частям. Так, первый взнос его производился в присутствии свидетелей; дальнейшее же уплачивается без свидетелей. Калым переходил в непосредственное распоряжение отца или опекуна невесты на правах частной собственности. В состав «калыма» входил, в первую очередь, скот.

В процессе свадебных обычаев у кыргызов в прошлом весьма важное место занимал обычай добрачных встреч будущих супругов (күйөөлөп баруу – обычай «зятевания»). Период досвадебных встреч жениха и невесты можно рассматривать как начало супружеской жизни. «Мать невесты не только знает о встречах дочери с ее женихом, но и способствует им. Знает о них и отец невесты, и лишь «официально» считается неосведомленным лицом. Но по отношению к ним жених строго соблюдает обычай избегания» [88, с. 37]. Аналогичные обычаи также существовали и у других народов Центральной Азии. «У туркмен в течение года молодой человек посещал свою невесту в ее доме только ночью, таясь от всех» [112, с. 96]. У казахов «зять и тесть не должны были видеться и даже встречаться с момента сговора до венчания – это большой стыд», – указывал Н. Изразцов [113, с. 76]. Подробно данный обычай у казахов расписан А.И. Левшиным [111, с. 27–28]. Мы можем предположить, что такой обычай избегания женихом родственников невесты является пережитком матрилокального брака.

По словам Загряжского, «после совершения сватовства жених может вступить в права мужа, если он выплатил весь калым или часть его, несмотря на то, что еще не совершено венчание, которое считается только освещением брака и необязательно» [25, с. 30].

Далее начинались проводы – «кыз узатуу», свадебный обряд, связанный с приездом сватов (кудалар) за невестой. Вместе с кудалар прибывал и друг жениха, который исполнял роль свидете-

ля, очевидца. Всего сватов должно было быть пять или семь человек, может быть и больше, но обязательно нечетное количество.

В обязанность сватов входила передача матери невесты особого подарка – «эне сүтү». По обычаю, данный дар рассматривался как благодарность за молоко, которым она вскормила невесту. Изначально девушка считалась представительницей «чужой» семьи. Семья, куда она приходила невесткой, «келин», считала, что обрела дочь, и за труды по воспитанию была обязана вознаградить мать невесты для последующего освобождения келин от обязанностей заботы о родной матери. По адату «эне сүтү» являлся обязательным и важным элементом в процессе заключения брака, однако размер такого обязательства определялся по усмотрению стороны жениха. Необходимо отметить, что такой подарок не входил в состав калыма.

По обычаю, у кыргызских мужчин «эне сүтү» – пожизненная обязанность, т. е. забота о матери рассматривалась как пожизненное обязательство сына.

Свадебное торжество – *той*, [26, с. 252] который организовывался в селении отца невесты, являлся следующим этапом кыргызского свадебного церемониала. В период этого свадебного праздника происходили различные обряды и ритуалы. Весь свадебный процесс сопровождался игровыми, песенно-музыкальными и состязательными элементами. Перечислим некоторые из этих обрядов: выкуп со стороны родственников невесты от жениха, преподнесение подарков стороной жениха родителям невесты; молодежные игры, показ и осмотр приданого, прощание невесты со своим домом и др. По обычному праву кыргызов родители невесты должны были приготовить ее приданое – сеп, которое передавалось стороне жениха. Следует отметить, что по требованиям обычая приданое не должно было быть меньше калыма, из чего следует, что женщина не являлась объектом купли-продажи родителей, как указывают в своих исследованиях некоторые авторы советского периода, поскольку предусмотренный адатом дарообмен уравнивал права сторон брака. Порой приданое было более крупным по размеру, нежели калым.

Следующий этап – венчание. «Нике кью» – обряд бракосочетания [65, с. 19]. Для совершения обряда призывали муллу: «Необходима была накрытая платком чаша с водой. Мулла читал молитвы, затем при свидетелях, следуя традиционной форме, задавал вопрос о согласии юноши и девушки для заключения брака» [113, с. 28]. При венчании мулла, прочитав молитву, передавал сначала жениху, затем невесте пиалу с водой, при этом мулла спрашивал: «Туттунбу (согласны?)». Жених и невеста, глотнув воды из пиалы, должны были отвечать: «Туттум (согласны)», что означало согласие на вступление в брак.

Нике – это религиозный обряд заключения брака, на котором обязательно присутствует мулла. Проведение нике, на наш взгляд, связано с распространением ислама среди кыргызов, тем самым мы можем говорить о проникновении норм шариата в адат. Это в некоторой степени подтверждает выводы Н.А. Кислякова, который считает, что «кыргызы раньше обходились без нике или же устраивали его после всех циклов свадебного обряда» [114].

Проводы невесты и отъезд в дом жениха сопровождались различными обрядовыми и ритуальными действиями, либо конноспортивными состязаниями.

«Коштошуу» – обряд прощания невесты с родным домом, который совершался ею перед выездом из ее дома. Данный обычай был важен, поскольку с этого момента невеста имела право навещать своих родных только через определенный период времени, обычно через год.

«Келин алып келуу» – следующий обряд, касающийся приезда невесты в дом жениха. «После прибытия невесты в дом будущего мужа совершался обряд приобщения к очагу дома мужа (отко киргизюу)» [78, с. 18]. Далее совершались такие обрядовые действия, как одевание белого платка на голову невесты, посвящение огню, смотрины невесты, назначение посаженных родителей и др.

«Бетачар» – обряд показа невесты родственникам жениха и гостям. «Бетачар» дословно переводится, как открывание лица невесты перед родственниками и гостями жениха, а также само знакомство невесты с родственниками мужа. «После традиционного

«бетачар» к невесте подходит свекровь (кайын-эне), целует свою сноху и высказывает ей самые наилучшие пожелания и накрывает голову невестки белым платком (жоолук салуу)» [26, с. 255].

Среди кыргызов действовал особый этикет между членами семьи: «Существовали обычаи запрета и обычаи избегания». Так, «невестке запрещалось сидеть спиной к родственникам мужа, сидеть с протянутой ногой, резко и громко говорить, ходить с непокрытой головой, босой, называть по имени родственников мужа и также она должна была избегать прямой встречи со старшими родственниками мужа. Даже в старости женщина в дань уважения не называла имени умерших родственников мужа, за нее их имена озвучивал кто-нибудь из присутствующих. Однако и сами старшие родственники мужа соблюдали такой этикет в отношении к снохе. Как к новому члену семьи к ней относились с трепетом и уважением» [88, с. 41; 78, с. 17–24].

Заключительным этапом брачных церемоний являлся визит замужней дочери к своим родителям или другим родственникам (төркүн) по истечении определенного времени. После чего отец, выделив определенное имущество – энчи, входящий в состав приданого, отправлял ее в дом мужа.

Рассмотренные выше обычаи при заключении брака являлись важными элементами брачных отношений кыргызов. Естественно, часть обычаев существовала на уровне иных социальных норм, чем нормы права, в виде морально-этических представлений, однако и по сегодняшний день некоторые традиции кыргызского народа не утратили своего значения, к примеру, обычаи сватовства.

Поскольку обычаи и традиции являются составной частью культуры любого народа, то необходимо их сохранение в той мере, насколько это не противоречит современным условиям жизни общества. Возможно санкционирование некоторых из обычаев, так как их можно оценивать положительно, ввиду того, что они способствуют сохранению культуры кыргызского народа. На наш взгляд, невозможно в полной мере игнорировать те имущественные отношения, которые возникают при реализации указанных обычаев. Эти нормы, как нам представляется, могут

требовать оценки и с точки зрения современных правовых конструкций.

На сегодняшний день брак, в связи с изменением приоритетов ценностей в обществе, модернизировался. Обычаи и обряды при заключении брака видоизменились, однако некоторые из них до сих пор действуют и являются существенным аспектом брака среди кыргызов. Например, современный брак у кыргызов выглядит примерно следующим образом:

1) Знакомство с родителями невесты.

2) «Кенешме» или «Бармак кесмей» («Кенешип кескен бармак оорубайт»). Родители или близкие родственники жениха и невесты собираются на нейтральной территории, чтобы познакомиться.

3) Приезд стороны жениха в дом невесты. Помолвка (сөйкө салуу), передача калыма – данный этап является самым значительным и рассматривается как предварительная договоренность о заключении брака.

4) Совершение религиозного бракосочетания – нике (несмотря на принятия в 2011 г. закона Кыргызской Республики о наличии обязательной регистрации брака в органах ЗАГС перед проведением обычая нике между будущими супругами, практика показывает, что данный обряд осуществляется именно до заключения законного брака).

5) Регистрация брака в органах ЗАГС, сопровождающаяся празднованиями.

6) Передача приданого супругам.

Таким образом, можно сказать, что при заключении брака между кыргызами до сих пор действуют нормы обычного права, однако на правовом уровне существующие общественные отношения среди населения не отрегулированы.

Теперь рассмотрим обычаи при заключении брака путем умыкания или похищения невесты («кыз ала качуу»), поскольку данный порядок заключения брака носит более упрощенный характер.

Как мы отмечали ранее, существуют два варианта умыкания невесты: умыкание по договоренности и действительное похи-

щение невесты, но с последующим согласием невесты на заключение брака. Первый вариант – когда «кража» совершается по взаимному согласию жениха и невесты с целью уклонения от традиционного процесса заключения брака. Так, будущие супруги заранее договариваются о будущем браке, далее за невестой приезжает жених. По их прибытию в дом жениха по взаимному согласию жениха и невесты совершается религиозный обряд – нике. Второй вариант – когда, в действительности незнакомую девушку умыкают для принуждения к заключению брака. За привезенной в дом жениха девушкой начинают ухаживать родственницы жениха, уговаривают стать его женой, ссылаясь на кыргызскую поговорку: «*Таи түшкөн жеринде оор болот*». Далее заводят невесту в приготовленное «*көшөгө*» – занавес для невесты, где стараются надеть белый платок в знак ее согласия на заключения брак. Если невеста одевает платок и остается в доме жениха, то совершается обряд – нике и она считается, по обычаю, женой данного жениха. Если же невеста категорически отказывается от заключения брака, данные действия необходимо будет рассматривать как совершение преступления, если ранее – это было по смыслу адата, то в настоящее время согласно статье 155 Уголовного кодекса Кыргызской Республики. Умыкание, как преступление, рассматривается в разделе 2.4. настоящего исследования.

Через некоторое время, в зависимости от обстоятельств, стороны жениха направляется к родителям невесты. Данный обычай называется «ачуу басар» (подавление гнева родителей невесты). По приезду в дом родителей или других родственников невесты сторона жениха со словами «кулдугубуз бар» (мы в вашем подчинении) преподносят подарки родителям невесты, в том числе калым и эне сүтү. «Эне сүтү» может быть в виде денег или же скота, в зависимости от экономического положения стороны жениха. Далее сторона жениха делает снова визит в дом невесты, который называется «таттуу басар», однако данный обычай действует не во всех регионах Кыргызстана.

Таким образом, изучив порядок заключения брака по нормам обычного права кыргызов, мы пришли к следующему заключению: брачное соглашение достигалось двумя способами: во-пер-

вых, путем договора между родителями той и другой стороны (кудага түшүү); во-вторых, путем кражи невесты стороной жениха (кыз ала качуу).

В соответствии с обычаями и традициями кыргызов брак состоял из следующих этапов: обязательным и самым важным шагом являлось сватовство (куда түшүү), поскольку на данном этапе происходит знакомство сторон жениха и невесты и установление условий заключения брака, одним из которых являлось уплата выкупа за невесту (калың төлөп берүү), что можно рассматривать как следующий этап заключения брака. Для закрепления брачного союза будущих супругов необходимым являлось совершение обряда венчания (нике кыю). Однако также выделялись *добрачные и послебрачные обычаи*, тесно взаимосвязанные с заключением самого брака.

В настоящее время при заключении брака между кыргызами можно отметить восприятия некоторых традиционных институтов современной практикой, однако на правовом уровне существующие общественные отношения не отрегулированы.

1.4. Прекращение брака

Прекращения брака по обычному праву кыргызов могло быть осуществлено в следующих случаях:

- развод;
- смерть одного из супругов.

Относительно прекращения брака А.И. Козлов в своем исследовании «Обычное право киргизов» отмечал, что «брак прекращается или разводом супругов, или расторжением брака, или смертью одного из супругов» [110, с. 237]. Причем под разводом и расторжением брака А.И. Козлов подразумевает различные понятия [110, с. 239].

Одним из оснований прекращения брака являлся развод. Однако необходимо отметить, что брачно-семейные отношения кыргызов основывались все-таки на принципе нерасторжимости брачного союза.

Основными причинами для развода у кыргызов считались: бездетность, прелюбодеяние, неспособность к брачному сожителству, длительная разлука, систематические побои со стороны мужа и др. Рассмотрим некоторые основания более подробно.

По адату, право на развод могло быть как обоюдным, то есть по взаимному согласию сторон, так и односторонним.

Развод по взаимному согласию сторон был самым простым способом расторжения брака, при котором супруги, на основании обоюдного согласия, устанавливали условия как по отношению детей, так и по отношению имущества. Супруги, разошедшиеся по взаимному согласию, могли заново сойтись до истечения трех месяцев и десяти дней, в таком случае никаких формальностей не требовалось. По истечению же этого срока стороны должны были вновь обвенчаться. Разведенные супруги могли снова вступить в брак, причем при вторичном браке калым не уплачивался.

Развод по одностороннему желанию мужа не требовал от жены каких-либо провинностей, достаточно было его желания, но на практике случаи немотивированного развода были редки, чаще муж «отсылал» жену к ее родственникам за дурное поведение, бездетность и т. д.

Женщина имела право на развод, но старалась лишь в крайних случаях требовать его, поскольку в таком случае на нее налагалось обязательство по возвращению калыма мужу, а также, по нормам адата, она лишалась права на детей, которые, после развода, должны были оставаться в роду мужа. В связи с этим случаи развода по инициативе жены были единичными. Однако после создания российских судебных учреждений на территории Кыргызстана, в связи вступлением в состав России, резко увеличилось количество разводов по инициативе женщин.

В случае решения жены на развод, согласно статье 23 Сборника обычного права киргизов, такая инициатива разрешалась собранием родственников. И лишь при невозможности достижения согласия, дело передавалось судье [16, с. 296]. Действовавшие основания для расторжения брака по инициативе жены не подлежали расширительному толкованию. Количество их было ограниченным, то есть для развода по инициативе жены долж-

ны были быть конкретные причины: 1) если жена имела доказательства о неспособности мужа к выполнению своих супружеских обязанностей (согласно Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г.); 2) за жестокое обращение мужа с нею; 3) при умственном расстройстве супруга, и др.

Одним из оснований подачи на развод *со стороны жены* была *неспособность к брачному сожителству*. Так, в Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г. § 38 указывалось, что «при неспособности мужа к супружескому сожителству жене дается развод, причем она удерживает за собою приданое, а мужу предоставляется право искать калым» [14, с. 442]. Суд биев мог удовлетворить ее просьбу в случае веских доказательств жены относительно супружеской неспособности мужа.

После вступления Кыргызстана в состав России, под влиянием российских властей, возможность мужа к супружеским обязанностям доказывалась через медицинское освидетельствование путем получения соответствующего заключения. По нормам же казахского обычного права предусматривалось, что если после проведения испытаний было доказано, что муж не мог выполнять свои супружеские обязанности перед женой, то суд должен был их развести, причем за женой оставалось все ее имущество. «Если при таком разводе между сторонами были дети, это свидетельствовало о том, что муж лишился своей способности недавно, или что данные дети являются не от мужа. Если муж желал удержать детей при себе, он должен был доказать присягой двух сородичей, что дети были рождены от него в период его физиологической способности, которой он лишился позднее, либо дети передавались на попечение матери. Если была доказана неспособность мужа к супружеской жизни, но при этом муж надеялся на излечение путем медицинской помощи, то ему предоставлялся один год на выздоровление, и брак не расторгался, по окончании данного срока брак расторгался уже окончательно» [46, с. 73].

Следующей распространенной причиной развода *по инициативе жены* была невозможность продолжения семейной жизни в связи с *систематическими истязаниями со стороны мужа*. Жена могла обратиться к бию за помощью, в таком случае мужу

делалось предупреждение, однако если после трех таких предупреждений муж все равно жестоко обращался с женой, то бий мог принять решение о разводе. За насильственные действия суд мог применить наказания к мужу. В Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г. предусматривалось, что «если жена убежит от мужа в первый раз и муж не докажет виновность беглянки, то женщина ему возвращается, но ему делается строгое внушение о лучшем обращении с нею. Когда жена убежит от мужа два раза, вследствие дерзкого обращения мужа с нею, или не дачи ей средств на прокормление, или пренебрежение ею в пользу другой жены, то хотя жена возвращается к мужу, но муж обязывается обращаться с нею хорошо и содержать ее. Кроме того, за доказанное дурное обращение муж штрафуетя биями на общественные нужды на одну лошадь и халат или приговаривается к аресту до двух недель. Если же жена убежит три раза, то ей делается развод и возвращается приданое ее родителям, а муж может быть приговорен к возврату калыма» [14, с. 442].

Согласно Эреже чрезвычайного съезда Семиреченской области Пржевальского уезда 1905 г., «если же жена ушла от мужа по вине последнего, и это обстоятельство было удостоверено аксакалом, то муж лишался права требовать возврата калыма» [31, с. 286–287]. «Если же замужняя женщина не пожелает совместной жизни с мужем и оставит его, то для того, чтобы быть свободною, обязана вернуть своему мужу полностью уплаченный им за нее калым и кроме того с нее присуждается в пользу мужа 150 руб., а также одна лошадь и один верблюд. Если разведенная с мужем окажется беременною, то ребенок по рождению отдается отцу», – устанавливалось статьей 8 Эреже Аулиеатинского уезда 1907 г. [14, с. 460]. Статья 10 этого же Эреже предусматривала, что «если у разведенной в течение двух лет с момента развода и до выхода ее в течение этого времени вновь родится ребенок, то последний считается отпрыском первого брака и отдается разведенному с нею мужу» [14, с. 460]. Однако если женщина откажется отдать ребенка отцу, то «за мальчика должна уплатить 25 голов разного скота, а за девчонку 12 голов скота», – говорится в Эреже кыргызско-казахского съезда биев от 15 марта 1908 г. [14, с. 468].

По вышеуказанным причинам «на суде бии имели право развести супругов и обязывали стороны возвратить калым и приданое, взыскивая в свою пользу соответствующий штраф с более заинтересованной в разводе стороны» [14, с.443].

Одной из причин развода *по инициативе мужа* была *причина бездетности*. Статья 39 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г. предусматривает: «Если же будет доказано, что у жены не развиты детородные части, или развиты неправильно (двуполовые), или жена имеет в детородных частях неизлечимую болезнь, то муж вправе возвратить ее к родителям и ему присуждается возврат калыма, а жене выдается от мужа одна лошадь под верх, постель и часть ее приданого» [14, с. 442]. Данной причиной подачи на развод мог воспользоваться, видимо, лишь мужчина. Мы приходим к такому выводу, поскольку нормы адата прямо указывают на право развода по инициативе мужа, что также доказывается недостаточностью материала о судебных делах относительно обвинения жены мужа в бездетности.

За *неуважение и непочтительность жены к мужу* последний также мог подать на развод. В данном случае муж должен был подтвердить свою жалобу достоверными свидетельскими показаниями, но при этом он должен был отпустить жену к ее родным с предоставлением ей определенного имущества. Статья 37 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г. устанавливала: «За неуважение и непочтительность жены к мужу по требованию мужа дается ей развод, причем она получает лошадь под верх, а мужу дается право искать с ее родных часть калыма» [14, с. 442]. Такое положение было и у казахов. Так, в Эреже чрезвычайного съезда народных судей Усткаменногорского и Семипалатенского уездов от 17 августа 1896 г. указывалось: «Замужняя женщина должна быть при своем муже, расстраивающих же подвергнуть штрафу от одной лошади с кафтаном до одной девятки во главе с верблюдом» [115, с. 34].

Следующим основанием для развода было *прелюбодейание*. Однако такие действия со стороны жены должны были быть доказаны истцом. «Прелюбодейание жены должно доказать суду или свидетелям, или присягой двух родичей со стороны истца. За до-

казанное прелюбодеяние жены с любовником приговаривается штраф, смотря по значению оскорбленного лица, от одного халата до девяти, начиная с лошади. Кроме того, по желанию мужа дается жене развод с лишением виновной права на детей и имущество, а мужу приговаривается часть калыма. За блуд с девицею взыскивается штраф один халат, или лошадь и халат», – предусматривается статьей 33 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г. [14, с. 442]. Поскольку прелюбодеяние со стороны женщины рассматривалось как действие, позорящее и оскорбляющее всю семью, то в связи с этим муж имел право выгнать жену из дома. Муж мог добровольно отпустить жену без обращения в суд.

В исследованиях Г.С. Загряжского [116] указывается, что «муж мог без оформления развода разойтись с женой: 1) в случае своего тяжелого материального положения (когда ему не на что было содержать ее); или 2) в случае недостойного поведения жены, куда можно отнести и супружескую измену. Если же жена обвиняла мужа в прелюбодеянии или холодности к ней, доходящей до того, что он не имел с ней супружеских сношений, то мужу делалось троекратное внушение под опасением того, что он может лишиться жены вместе с детьми от нее и ее имущества. Если же жена обвиняла мужа в измене, при том, что он все ночи проводит с ней, то ей в разводе отказывалось». Однако случаи развода жены на основании измены были на практике очень редки.

Однако, несмотря на вышеперечисленные причины подачи на развод, муж мог и без веских оснований развестись со своей женой. Такой вид развода действовал на территории южной части Кыргызстана в силу сильного влияния норм шариата на общественные отношения. Статья 36 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г. постановляла: «Если муж без объяснения причин в присутствии трех свидетелей скажет три раза слово «*талак*», что отпускает жену свою, то жена этим получает развод и отпускается с приданным отца, а муж лишается калыма» [14, с. 442]. При безосновательном разводе муж также должен был отдать жене и детей. Здесь мы видим яркий пример взаимопроникновения норм шариата в обычное право кыргызов.

В случае трехразового произнесения мужем по отношению к жене слова «талак» развод считался законным, но в случае желания возобновить свою семейную жизнь муж мог взять это слово обратно. Однако в таком случае процедура возобновления брака была сложной, поскольку требовала заключения так называемого «промежуточного брака» – адала. Адал был распространен на территории Южного Кыргызстана. По мнению С. Абрамзона, существовала такая форма развода, как «уч талак (троекратный развод), при котором восстановить брачный союз возможно было только после того, как разведенная жена выйдет замуж, хотя бы фиктивно, за другого, и новый муж даст ей развод; для того чтобы троекратный развод стал действительным, достаточно три раза произнести слово «талак», дальше следовали только формальности» [49, с. 257].

Развод – талак – не имел юридической силы во время беременности жены или если муж находился в невменяемом состоянии. Следует отметить, что «если муж отказывался от жены, то он лишался права предъявлять иск о калыме», – указывалось в статье 8 Эреже, составленного на чрезвычайном съезде народных судей Горного участка Аулиеатинского уезда 1906 г. [117, с. 90]. Согласно статье 2 Эреже чрезвычайного съезда народных судей Аулиеатинского уезда 1907 г., «муж до выхода жены вновь замуж за другого был обязан давать ей средства на ее содержание» [14, с. 460].

Согласно адату, расторжение брака имело свою определенную процедуру, которая должна была соблюдаться, и регулировалась с помощью Эреже. Развод производился публично либо на суде биев, либо в обязательном присутствии свидетелей, в ином случае расторжение брака являлось недействительным. Причем суд, рассматривавший такие жалобы, не сразу расторгал такой брак. Он разрешал развод только после трех предупреждений.

Исследуя вопросы развода у кыргызов и казахов, мы находим достаточно схожего в основаниях для расторжения брака, но были и различия. У казахов, «в случае если муж не давал пищи и одежды в течение 6 месяцев и 13 дней, то жена имела право на развод» [46, с. 75]. С. Абрамзон в своем исследовании о кыргызах пишет, что такое же основание для расторжения брака по инициа-

тиве жены было и у кыргызов [49, с. 252], однако такое утверждение является спорным, поскольку, при анализе кыргызских Эреже, мы не находим данному основанию на развод подтверждения. Н. Малышев в своем исследовании брачных отношений казахов указывал, что «брак расторгался при безвестном отсутствии мужа в течение семи лет, если за данный период его не отыскивали, и от него не поступало никаких средств жене на пропитание» [46, с. 75]. Однако при изучении кыргызских Эреже такое основание среди кыргызов отсутствовало.

Прекращение брака по адату происходило на *основании смерти одно из супругов*, однако при таком основании правовые последствия были, по крайней мере, по отношению к женщине, иные, чем при разводе. По адату, смерть той иной стороны брака влекла разные юридические последствия. Смерть жены полностью прекращала какие-либо отношения мужа к семье умершей и не влекла каких-либо обязательств ни для мужа, ни для детей. В статье 45 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда 1893 г. указывалось, что «по смерти бездетной вдовы возвращается ее родителям из приданого ее одежда, седло с прибором и постель» [14, с. 445]. По этому поводу и у казахов предусматривалось, что «если у кого-нибудь умрет жена, не оставив после себя детей, то отцу этой женщины возвращаются из ее приданного верблюды, лошади и саукеле» (согласно Эреже чрезвычайного съезда народных судей Усткаменногорского и Семипалатенского уездов от 17 августа 1896 г.) [115, с. 34].

Смерть же мужа, наоборот, возлагала на жену и дочерей определенные обязанности в связи с обычаем левират [14, с. 444].

По отношению к срокам к новой свадьбе и ношению траура были различия от того, кто умирал: если смерть жены не налагала никаких обязательств на мужа, то смерть мужа обязывала вдову и дочерей покойного носить траур в течение года (статья 40 Эреже Токмакского съезда 1893 г.) [14, с. 444].

Таким образом, рассмотрев общие положения прекращения брака, мы можем полагать, что нормы обычного права кыргызов достаточно подробно регламентировали данный вопрос. Обычное право строго относилось к возможности расторгнуть брак,

об этом говорит тот факт, что суд, рассматривавший жалобы на супругов, не сразу расторгал брак, предоставив семье право на примирение. Однако процесс развода по кыргызскому адату не был настолько строгим, как, например, по нормам христианского права или обычному праву других народов (по обычному праву русского народа или обычному праву мордвы), и не был настолько бесправным по отношению к женщине, как по нормам ислама. Изучая основания прекращения брака, мы также можем сказать, что обычай, предусматривая обоюдное согласие на расторжение брака и развод по инициативе той или иной стороны, предоставлял равные права и возможности супругам в данных вопросах.

Если сравнивать институт развода по обычному праву кыргызов и согласно настоящему законодательству Кыргызской Республики, то прослеживаются существенные различия правового характера. Однако развод применялся не так часто, как сегодня, не был таким распространенным, поскольку ценности семьи стояли на первом месте, тем более сложный процесс заключения брака усложнял процедуру и его расторжения.

В настоящее время в стране отмечается тенденция увеличения количества разводов. «По данным статистического комитета КР почти каждый шестой из заключенных браков распался, и это только официальная статистика» [118]. «В Кыргызстане количество разводов в 2009 г. увеличилось на 30 процентов», – указывал экс-депутат Жогорку Кенеша Бейшенбек Абдырасаков. Согласно данным Нацстаткома Кыргызской Республики за январь–октябрь 2012 года, в КР было «7307 разводов, когда в 2010 г. брак расторгли 3066 пар, и за 2009 год – 3028. Больше всего разводов приходится на Чуйскую область – 1766 за 2012 год» [119], а более крепкие браки «в Нарынской – развелось 294 за 10 месяцев 2012 года, когда только 112 семейных пар было в 2010 году» [120].

Согласно современному законодательству расторжение брака осуществляется в органах записи актов гражданского состояния, и в определенных случаях, предусмотренных статьями 22–24 Семейного кодекса Кыргызской Республики, – в суде [39, с. 11–12]. Однако в связи с тем, что часть браков среди кыргызов официально не регистрируется, очень сложно юридически защитить бро-

шенную мужем жену и ее детей. В последнее время стало популярным мусульманское бракосочетание «нике», и, к сожалению, мы не знаем статистики таких браков, поскольку никто не ведет их учет. При разводе в таких браках женщина и дети юридически не могут на что-либо претендовать, поскольку брак путем только нике рассматривается как сожительство или гражданский брак. Несмотря на принятие в 2011 году парламентом закона «О наличии обязательной регистрации брака в органах ЗАГС перед проведением обычая нике между будущими супругами», данная законодательная норма не действует на практике. В связи с чем данный закон требует дальнейшей правовой доработки.

Экономические и социальные проблемы, которые в связи с углублением кризиса сегодня имеют место в Кыргызстане, напрямую отразились и на взаимоотношениях в семье. Проблему усугубляет набравшая обороты внешняя и внутренняя миграция. Но по мере того, как культура мигрантов укореняется, браки на расстоянии все чаще заканчиваются «смс-разводами». Так депутат М. Кунакунов отмечал, что «в его адрес поступает множество жалоб со стороны брошенных жен, мужа которых, находясь на заработках в России, могут через смс-сообщения написать три раза «талак» и развестись с ними (при этом выгоняя свою жену и детей из дома и оставив без средств к существованию)» [121]. Несмотря на наши светские и современные законы, простая действительность заключается в том, что мигранты часто разводятся, написав слово «талак» при помощи смс-сообщений или уведолив жену об этом по телефону, ссылаясь на истоки и обычаи кыргызского общества, что на самом деле является абсолютным противоречием нормам обычного права, существовавшим у кыргызского народа.

Эксперты связывают рост незарегистрированных браков и разводов с ростом ранних браков. *«Корни ранних браков надо искать в уровне культуры, качестве образования и некоторых обычаях, которые необходимо изживать»*, – считает старший советник по программам общественного фонда «Дом свободы» Алмаз Эсенгельдиев [122]. В настоящее время многие общественные деятели ссылаются на изжитые обычаи кыргызского общества, одна-

ко, на наш взгляд, этот вопрос является краеугольным – насколько нормы адата разрешали разводиться супругам неправомерными способами и были ли после развода какие-либо обязательства? В связи с этим, изучение процедуры традиционного расторжения брака является актуальным, поскольку институт развода по нормам адата сегодня трактуется совершенно по-иному, что искажает суть и содержание обычных норм кыргызского народа.

Рассмотрев нормы обычного права кыргызов, можно сделать вывод, что современная трактовка процедуры расторжения брака разрознена с разводом по обычаю. Тот же самый развод «талак», который используется в настоящее время в искаженной форме, не соответствует критериям данного вида развода по нормам как обычного права кыргызов, так и шариата. В связи с этим возникает вопрос: каким образом и в связи с чем так случилось, что в демократическом Кыргызстане во время развода женщина стала более беззащитной, чем в традиционном патриархальном кыргызском обществе, существовавшем более одного века назад?!

В кыргызском обществе развод являлся весьма редким явлением, поскольку семья являлась главной ценностью кыргыза. Общество порицало факт развода, так как такое явление носило публичный характер. Сложный процесс заключения брака усложнял процедуру его расторжения. Развод рассматривался как крайняя мера разрешения проблемных вопросов между супругами. Если же в традиционном кыргызском обществе развод являлся единичным случаем, то в настоящее время количество разводов достаточно велико, что негативно отражается на развитии всего общества. Так, согласно статистическим данным, «с каждым годом увеличивается число разводов, так только на первое полугодие 2012 года на 18 695 браков приходится 2 840 разводов» [123, с. 141]. В связи с этим мы полагаем, что изучение норм обычного права кыргызов и его влияния на развитие общества является на сегодняшний день актуальным.

Недействительность брака. В семейном праве значение недействительности брака состоит в том, что данный институт предоставляет «возможность супругам прекратить все правоотношения между ними, которые возникли из факта заключения брака,

непосредственно с момента заключения брака, таким образом, как бы возвращая супругам их правовой статус, существовавший до заключения брака». В результате принятия решения о недействительности брака, брак считается юридически не существовавшим вообще и, соответственно, у лиц, состоявших в нем, не возникает никаких прав и обязанностей, какие имеют место в действительном браке. В этом состоит главный отличительный признак института недействительности брака от расторжения брака, поскольку, в первом случае, права и обязанности сторон брака аннулируются с момента заключения брака, во втором – с момента расторжения брака, где права и обязанности сторон прекращаются лишь на будущее время.

В кыргызском обществе институт недействительности брака также имел свое место. Однако институт недействительности брака был несовершенен, и имели место случаи, когда он практически не действовал. Основаниями для признания брака недействительным были следующими: несогласие родителей; возраст; родство; вероисповедание и др., то есть перечень оснований для признания брака недействительным был не исчерпывающим. К примеру, Н.П. Дыренкова отмечает, что «сын брата не может взять в жены дочь сестры: *тай аке жээн кызын албайт...* если бы сын брата случайно женился на дочери сестры, не зная этого, то аксакалы заставили бы его отпустить ее» [78, с. 13]. Относительно недействительности брака у казахов можно привести следующий пример: «Одна молодая киргизка 15–16 лет обратилась к уездному начальнику с просьбой о разводе, ссылаясь на то, что ее муж не в состоянии в полной мере исполнять супружеский долг. Когда привели ее мужа, им оказался мальчик 11–12 лет. В связи с чем, уездный начальник передал это дело народному судье, который, в свою очередь, воспользовавшись своими широкими полномочиями, принял решение о разводе» [46, с. 76]. Следовательно, данный институт имел свое место в нормах обычного права кыргызов.

Согласно вышесказанному, прекращение брака по обычному праву кыргызов могло быть осуществлено на основании развода или смерти одного из супругов. Одним из оснований прекраще-

ния брака являлся развод – расторжение действительного брака компетентной властью – судом биев. Однако необходимо отметить, что семейные отношения кыргызов основывались все-таки на принципе нерасторжимости брачного союза. Право на развод могло быть как обоюдным, то есть по взаимному согласию сторон, так и односторонним, но, в больших случаях, в пользу мужчины. Основными причинами для развода были: бездетность, прелюбодеяние, неспособность к брачному сожителству, длительная разлука, систематическое причинения физического вреда здоровью жене со стороны мужа и др.

Относительно института недействительности брака, адат устанавливал, что в случае незаконности брака, такой брак расторгался. Институт недействительности брака имел свое место в нормах обычного права кыргызов, однако имел достаточно смутные рамки применения, в связи с чем процедура признания брака недействительным была схожей с процедурой расторжения брака. Современное семейное законодательство более подробно рассматривает институт недействительности брака, основания недействительности брака определены ст. 28 Семейного кодекса Кыргызской Республики. В связи с этим мы можем сделать вывод, что данный институт имеет небольшую историю своего развития.

Согласно вышесказанному, по первой главе можно сделать следующие выводы:

1) Определение понятия «брак» значительно изменялось на каждом своем этапе развития. Это было вызвано изменениями, происходящими в обществе и государстве. До XX в. сфера брачных отношений практически полностью регулировалась нормами обычного права.

2) У кыргызов существовало несколько форм заключения брака. Брак был двух типов: моногамный и полигамный.

3) По нормам обычного права кыргызов устанавливались условия заключения брака (основные и дополнительные).

4) Традиционный брак состоял из следующих основных этапов: сватовство; уплата выкупа за невесту и венчание.

5) Основаниями для прекращения брака были: развод; смерть одного из супругов. Однако необходимо отметить, что семейные отношения кыргызов основывались все-таки на принципе нерасторжимости брачного союза. Право на развод могло быть как обоюдным, то есть по взаимному согласию сторон, так и односторонним.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО НОРМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА КЫРГЫЗОВ

2.1. Эволюция семейных отношений кыргызов

Эволюция семейных отношений кыргызов тесно связана со структурными изменениями внутри самой семьи.

В связи с кардинальными преобразованиями в обществе и государстве семья претерпевала определенные модификации, что в последующем привело к распаду большой семьи и развитию малой.

В процессе развития семейных отношений кыргызов выделяются два типа семьи: большая и малая.

Под «большими (неразделенными) семьями» понимаются семьи, состоящие из нескольких кровных поколений. Они состоят из родителей и их неотделенных женатых сыновей с их семьями и других родственников, или вместе живущих нескольких женатых братьев.

«Малая (индивидуальная, нуклеарная) семья – это семья, состоящая из супружеской пары и их несовершеннолетних детей, а также, возможно, пожилых родителей» [49, с. 227–228].

Большая семья. Как элемент патриархальной семейной общины, большая семья была характерна для кыргызского общества, но она существовала среди определенных классовых групп, среди баев, биев, либо же, наоборот, практиковалась среди бедного слоя населения. По сведениям Н.А. Кислякова, семья «у кыргызов насчитывала до 30-40 человек» [124, с. 17–29]. Описывая кыргызскую семью, народная пословица гласила: «*Үйүндө көптү талаада урбайт*» (Тех, кого дома много (у кого много родных), в поле не бьют) [15, с. 103].

Семья кыргызов состояла не менее чем из трех поколений, которые проживали вместе. «В структурном отношении патриархальная семейная община у кыргызов представляла собой объединение потомков нескольких неразделенных братьев со всеми их брачными парами. В большинстве случаев в нее входило три-четыре поколения с численностью до 30–40 и более человек» [88, с. 16]. «Отделившиеся сыновья и родственники составляли один аил или жили в соседних» [44, с. 15].

В своих исследовательской работе П. Кушнер пишет, что «семья кыргызов достигает нередко значительных размеров – 15–20 человек» [43, с. 68]. Такие семьи бывали и у кыргызских бедняков, поскольку лишь богатые кыргызы при женитьбе сыновей были в состоянии выделить им юрты и имущество в виде скота и земли, в бедных же семьях старались удержать детей от выдела для избежания разделения небольшого имущества.

Изучение типов семьи было предметом исследований многих ученых. А. Евреинов по поводу казахов указывал: «Киргизы кочуют всегда аулами, т. е. от 5 до 10 и более кибиток вместе, составляя почти всегда одно семейство, где старший – как глава его – распоряжается всем. Голос его – закон остальным» [126, с. 84]. Определенные упоминания о существовании патриархальной семьи у других народов (алтайцев, каракалпаков, туркмен) содержатся в исследованиях Л.П. Потапова [127, с. 261–262], Т.А. Жданко [128, с. 81], Г.П. Васильевой [79, с. 187–188]. М.О. Косвен относительно народов Кавказа писал: «У сванов, чеченцев, грузин-карталинцев, армян семья составляла около 50 человек; у адыгов, шапсугов, осетин, абхазов, западных армян – до 100» [129, с. 92].

Однако не все ученые придерживались мнения о существовании большой семьи у кыргызов, к примеру, в своих исследовательских работах П. Погорельский и В. Батраков отрицали существование такого типа семьи у кыргызского народа, считая, что данный институт не имеет ничего общего с кыргызами и с такими терминами, как «чоң үй (большой дом), чоң казан (большой котел), чоң түндүк (большой дымопроход)» [130, с. 131–132]. На наш взгляд, данные предположения авторов являются спорными.

В работе С.М. Абрамзона дается полное описание семьи, которое, на наш взгляд, в полной мере отражало реалии кыргызского общества. Так, указывается, что кыргызские семьи были двух типов: «Современной «малочисленной» (имеется в виду малая) семьей, состоящей из мужа, жены и несовершеннолетних детей, и с большой семьей (чоң-үй), насчитывающей в своем составе до полутора десятков членов (трех поколений)» [49, с. 256]. Рассмотрим несколько примеров, приведенные в работах С.М. Абрамзона: «Так, семья Джаныбекова из племенной группы монолдор включала в себя следующих лиц: отец – глава семьи, четырех жен, четырех сыновей, трех жен сыновей, восемь внуков и внучек, младшего брата Джаныбека, двух его жен, четырех сыновей, пятеро дочерей, четырех жен сыновей и шесть внуков и внучек. Также в состав семьи входили 6 человек домашней прислуги. Таким образом, семья Джаныбека состояла из 48 человек. Эта семья продолжала существовать в таком же составе и после присоединения Кыргызстана к России» [49, с. 256–257]. Другой пример: «Семья Тыная, принадлежавшего к группе монолдор, включала главу семьи, четырех его жен, семеро сыновей и четырех дочерей, трех жен сыновей и трех человек домашней прислуги, т. е. всего 22 человека. Семья продолжала быть неразделенной еще и в начале XX века» [49, с. 257].

Согласно полевым запискам в исследовательских работах А. Джумагулова следует, что «состав семьи Ормокоя из группы джантай (сарыбагыш) достигало примерно 35–38 человек. Семья состояла из самого Ормокоя и его трех жен, троих женатых сыновей со своими женами и детьми, и дочерей Ормокоя. Сыновья Иманаалы, Шераалы, Абдылда жили в отдельных юртах. Общее хозяйство семьи состояло из 800 овец, 30–35 лошадей, 20–25 коров, однако право распоряжения данным имуществом принадлежало единолично только главе семьи – Ормокою» [65, с. 24].

Материалы обычного права относительно ведения быта и семейной жизни также говорят о наличии большой патриархальной семьи у кыргызов. Так, например, об этом свидетельствуют такие обычаи, как организация обширных праздников (той), куда приглашаются все родственники, уплата калыма с помощью родственни-

ков, сбор средств для проведения похорон (кошумча), погребальные сооружения для захоронения близких родственников и др.

Состав киргизской семьи зависел от района и местности проживания. «В Пишпекском уезде в 1912–1913 гг. киргизская семья, примерно, включала 5,57 человек обоего пола» [131, с. 281]. «По Наманганскому уезду киргизская семья включала 5,5 лиц» [132, с. 27]. Среди родовых групп киргызов показатель был разным, так «в родовой группе баргы – 6,1 человек на семью» [131, с. 281]. Необходимо отметить, что состав киргизской семьи также зависел от материальной обеспеченности: «По Пишпекскому уезду в хозяйствах, имевших скота до 1 единицы, насчитывалось 3,79 лица обоего пола, от 1 до 25 единиц – 5,33, а свыше 25 единиц – 7,19 лица обоего пола» [131, с. 282–283].

На наш взгляд, основной причиной распада больших семей было ослабление влияния норм обычного права на имущественные отношения внутри киргизской семьи, в связи с развитием института частной собственности. В начале XX века ученые, рассматривающие общетеоретические правовые вопросы семьи, брали за основу работу Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» для укрепления государственной политики и позиции частной собственности. Другими причинами ослабления позиции большой семьи у киргызов были следующие:

- переход от кочевого и полукочевого образа жизни к оседлому;
- российская политика царизма, приведшая к прекращению межродовых разногласий, и т. д.;
- провозглашение экономической независимости киргизской женщины российской, а затем и советской властью;
- запрещение советской властью института многоженства;
- постепенное исчезновение института левирата.

Усиление личных интересов членов одной большой семьи привело к ее распаду. Преобладание малой семьи подтверждается и обычным правом киргызов, поскольку некоторые положения регламентируют раздел семейного имущества и хозяйства, а также порядок наследования. Так, в статьях 42–43 Токмакского

Эреже 1893 г. подробно описывается деление имущества при наследстве [14, с. 444].

Согласно вышеуказанному, мы можем предположить, что большая семья у кыргызов выражалась в такой форме организации семейного быта, которая основывается на двух факторах: 1) на брачном союзе и 2) на родственных отношениях, т. е. на связях между супругами, родителями и детьми, братьями и сестрами, и иными родственниками, вместе проживающими и ведущими общее семейное хозяйство.

В XIX веке большая семья наряду с малой продолжала свое существование. Однако такая семья базировалась на принципе общности хозяйства (земли, скота и др.), большая семья существовала уже в иной форме, так называемой «пережиточной форме», которая в этнографии носит название *неразделенная семья*. Неразделенная семья была малочисленной и состояла из брачных пар только двух поколений – родителей и детей, то есть – это совместное проживание отца и матери со своими женатыми сыновьями.

Малая семья. Вместе с тем, в кыргызском обществе каждая нуклеарная семья в рамках большой семьи проживала отдельно. К примеру, женатые сыновья до выделения им их энчи (выдел из семейной собственности доли имущества) имели право жить в одном дворе с отцом, но в отдельной юрте. Поставить юрту и наделить определенной долей имущества своего женатого сына являлась обязанностью отца.

По запискам А.Д. Грача, «советские этнографы подробно зафиксировали и обобщили данные по таким реликтовым образованиям, как патриархальные семейные общины с целым рядом явно древних пережиточных форм организации. Было установлено, что к началу XX в. на обширных территориях Средней Азии существовала наряду с большой патриархальной семьей и малая семья» [109, с. 49].

«Семейно-родственные группы кыргызов есть пережиточная форма большой патриархальной общины, которые существовали ранее» [133, с. 60]. С.М. Абрамзон указывал, что родовые группы кыргызов состояли «из семей, находившихся в той или иной степени родства и связанных сознанием происхождения от одного,

как правило, не столь отдаленного реального предка» [134, с. 32–34] и представляли собой «внутриродовые структуры – мелкие родственные подразделения, такие как *ата-балалары* (сыновья такого-то отца) у кыргызов; *хан-торель* (кровные родственники) у тувинцев; *коше* у каракалпаков; *ара*, *аймак* или *тармык* (родственное подразделение) у башкир и т. д.» [135, с. 32].

Г.П. Васильева, исследуя семейный быт туркменов-нухурли, устанавливала: «Отец, собиравшийся женить сына, пристраивал для него помещение к дому, если же это было трудно сделать, то на время свадьбы ставил для молодых юрту» [79, с. 197]. Подобные принципы были характерны и народам алтайской языковой семьи, например, «у монголов для молодоженов обычно ставили отдельную юрту» [136, с. 112].

Обращаясь к исследованиям, касающимся семейных отношений народов раннего средневековья, Л.Н. Гумилев отмечал, что «древним тюркам, характерное аильное хозяйство и малая семья» [137, с. 70, 73]. А.Н. Бернштам, в свою очередь, писал о том, что «патриархальная семья, являясь хозяйственной единицей у древних тюрков, уйгуров и кыргызов, представляла собой большую семью, далее трансформировавшуюся в малую» [138, с. 94]. Ю.А. Зуев предполагал, что «семья в древнетюркском обществе – это экономическая единица, основа общественной структуры, главными характеристиками которой являлись общий дом, общий котел и патриарх – глава семейства, поэтому тюркам была характерна лишь большая семья» [139]. Так, в своей работе Ю.А. Зуев описывает летописи о ранних кыргызах: «Семьи бывают и в тысячу, и в сто человек; живут совместно в одном жилище (доме); общая кровать, общее одеяло» (китайская энциклопедия Тайпин хуаньюй цзи, гл. 199) [139, с. 14–15]. Однако С.М. Абрамзон считает, что информация, содержащаяся в данной китайской энциклопедии, необоснованна и является «следствием непонимания китайцами коллективизма в быту кочевников» [140, с. 300–304].

Исследованиям А.Н. Бернштама и Ю.А. Зуева противоречат взгляды, которые содержатся в работе многих исследователей, к примеру, А. Тортика, В.К. Михеев, Р.И. Кортиев, которые указывали о существовании в средневековье «у кочевников двух

типов семьи: большой и малой» [141, с. 51, 54]. В своем исследовании и С.М. Абрамзон критикует положения А.Н. Бернштама и Ю.А. Зуева, предполагая, что где-то «с середины первого тыс. н. э. в обществе начался процесс укрепления малой семьи, которая затем начала господствовать с X в. почти на территории всей Средней Азии». В то же время исследователь считает, что «малые семьи полностью не могли отделиться от кочевых общин, и сохраняли тесные взаимоотношения и прочную зависимость от большого дома, где проживали родители глав малых семей» [140, с. 300–304].

Г.Г. Пиков также отмечал, что «в I – нач. II тысячелетия у азиатских кочевников существовали в большинстве малочисленные семьи от 3 до 11 человек» [142, с. 26]. Семья «у киданей, примерно, состояла из 5 человек» [135], «у чжурчжэней также были малочисленны, поскольку женатые сыновья сразу же отделялись от семьи» [143, с. 33].

Интересно, что малая патриархальная семья кыргызов имеет схожие черты с семьей по римскому праву [144]. По праву цивилистика считает, что семья – это совокупность лиц, подчиняющихся лишь одной отцовской власти. Отцом (главой) семейства – *paterfamilias* обозначался тот, кто имел власть в доме. По римскому праву этим словом определялось не только лицо, но и его право. Только после смерти домовладыки, лица, которые находились в его подчинении, получали право на собственные семьи и получали титул домовладыки (главы собственного семейства). «То же самое происходило и с теми, кто был эмансипирован из семьи – ведь он, став самовластным, обладает собственной семьей» [145, с. 189].

«Удельный вес семьи изменялся в соответствии с эволюцией самой семьи: малые семьи разрастались и перерастали в большие; большие семьи, достигнув определенной предела, почковались и распадались на малые. Имеются данные, позволяющие говорить о сохранении семейного цикла и в послеоктябрьское время у многих народов» [146, с. 13].

Провозглашение имущественного равноправия женщины и постепенный рост ее экономической независимости, а также

запрещение многоженства увеличили число самостоятельных домохозяйств, вдов и разведенных женщин, которые прежде переходили в состав семей родственников-мужчин. Однако по тем же причинам увеличилось количество неполных семей.

Эволюция кыргызской семьи имеет длительную историю. Необходимо отметить, что структура семьи кыргызов, ее формы, функции и задачи непосредственно зависят от уровня развития общества. Мы можем предположить, что патриархальной семейной общине кыргызов были присущи особенности, вызванные кочевым и полукочевым образом жизни, что и повлияло на существование патриархальной большой семьи.

Малая семья была характерна кыргызам еще с середины I тыс. н. э., однако о полной самостоятельности и независимости такого типа семьи говорить невозможно. В более поздние периоды, а именно после 1917 г., малая семья становится основным типом семьи среди кыргызов, однако, как и в большой семье, в ней господствовали патриархальные отношения, и вся полнота власти принадлежала главе семьи, что ярко выражалось во внутрисемейных отношениях: между супругами, между родителями и детьми. Преобладание малой семьи подтверждается и обычным правом кыргызов, поскольку некоторые положения постановлений народных биев регламентируют раздел семейного имущества и хозяйства, а также порядок наследования, например, статьи 31, 40, 41 Эреже Токмакского чрезвычайного уезда 1893 г.

На сегодняшний же день в кыргызском обществе преобладает малая, индивидуальная семья, которая характеризуется равноправием между супругами и состоящая из супружеской пары, их детей и иногда родителей мужа.

2.2. Правовое регулирование семейных отношений кыргызов

Необходимость правового регулирования семейных отношений объяснялась их общественной значимостью. В реализации данного вида отношений находят реализацию существенные общественные интересы человека. «Многообразие признаков,

характеризующих семью, объясняет существование различных мнений по поводу определения понятия семья» [147, с. 11].

В литературе начала XX века, касающейся вопросов семьи, данный институт рассматривался как союз двух лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих. Далее в период развития советского семейного права такое понимание семьи было отрегулировано более детально. Так, Г.К. Матвеев указывал, что «семья – это основанное на браке или родстве объединение лиц, связанных между собой взаимными личными и имущественными правами и обязанностями, взаимной моральной и материальной общностью и поддержкой, рождением и воспитанием потомства, ведением общего хозяйства». В.А. Рясенцев разделял два понятия института семьи: «1) общее (социологическое) и 2) специальное (юридическое). Под общим понимаем семьи подразумевался союз лиц, основанный на браке, родстве, принятии детей в семью на воспитание, характеризующийся общностью жизни, интересов, взаимной заботы. Юридически семьей считался круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание и призванных способствовать укреплению и развитию семейных отношений» [148, с. 42–43].

Современное право также не содержит в себе общепризнанного определения института семьи. К примеру, по П.И. Седугину, семья – «определенная совокупность (общность, группа) людей, по общему правилу, родственников, основанная на браке, родстве и свойстве, совместном проживании и ведении общего хозяйства, образующая естественную среду для благополучия ее членов, воспитания детей, взаимопомощи, продолжения рода» [149, с. 47]. Согласно взглядам А.М. Нечаевой, «семья обладает своими отличительными особенностями, как правило, общность совместно проживающих лиц, объединенных правами и обязанностями, предусмотренными семейным законодательством» [38, с. 111].

Л.М. Пчелинцева отмечала, что «несмотря на различные взгляды ученых относительно определения института семьи, все они приходили к мнению, что семья – это, во-первых, определенный коллектив, созданный на основании брака, члены которого

проживают и ведут хозяйство совместно и связаны между собой родственными связями, порождающие взаимные права и обязанности, а, во-вторых, семья является важным фактором, предопределяющим развитие общества» [150, с. 18].

Не только в научной литературе, но и в законодательстве различных стран имеют место различные определения семьи. К примеру, в статье 29 Конституции Италии [151] «семья обозначается естественным союзом, основанным на браке». Статья 21 Конституции Греции [152] устанавливает, что «семья – основа сохранения и развития нации». Конституция Ирландии [153] провозглашает, что «семья – естественный первоисточник, объединяющий основу общества, а также нравственный институт, обладающий неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами, предшествующими всякому позитивному праву...» Конституция же Кыргызской Республики в пункте 1 статьи 36 указывает, что «семья – это основа общества. Семья, отцовство, материнство, детство – предмет заботы всего общества и преимущественной охраны законом» [1, с. 84].

Изучая различные определения института семьи, спорными являются точки зрения тех авторов, которые рассматривают семью только как союз лиц, созданный на основании брака или родства. Возникает вопрос, как характеризовать семьи, где дети были усыновлены, ведь такие семьи также обладают всеми характеристиками данного института, даже если не имеются родственных связей между родителями и детьми. Поэтому, на наш взгляд, более точное определение семьи было дано И.М. Кузнецовой, по мнению которой «семья – это круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание в семью» [154, с. 6]; соответствующее определение содержится в нашем семейном законодательстве.

Так, в соответствии со статьей 2 Семейного Кодекса Кыргызской Республики «семья – это круг лиц, связанных имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание и признанными способствовать укреплению и развитию семейных отношений» [39, с. 2].

По адату же семья (үй-бүлөө) кыргызами понималась в первую очередь как средство продолжения рода. Одной из основных задач семьи кыргызов было продолжение патрилинейной линии родства.

Семья была такой ячейкой общества, которая должна была состоять из супружеской пары и их детей. Наличие детей в традиционной системе ценностей занимало важное место. Бездетность рассматривалась как одно из оснований расторжения брака и часто приводила к добровольным разводам. Вот как в кыргызских пословицах описывали семьи, в которых не было детей: «Куу баш отчу жигитке, туубас катын жолугат» (Парню, которому суждено быть бездетным, бесплодная жена попадетя) [15 с. 71], «Балалуу үй – базар, баласыз үй – мазар» (В доме, где есть дети, – оживление, как на базаре, в доме без детей – уныние, как на кладбище) [155, с. 79]. Такое же понимание семьи было и у хакасов. Так, одна из их пословиц гласила: «У вырастившего скот сыт желудок, у вырастившего детей сыта душа» [156, с. 206].

По нормам обычного права все сферы семейной жизни индивида были четко регламентированы, поскольку семья как таковая являлась основной ценностью всего общества. Личные немущественные отношения в семье носили публичный характер, а нормы, регулирующие такие отношения, в своем большинстве были императивными. Такая жесткая регламентация прав и обязанностей каждого члена семьи, может, и не учитывала мнения и желания каждого, однако в интересах всей семьи помогала организовывать быт и совместными усилиями решать ежедневные проблемы.

Сущность кыргызской семьи отражалась в ее основных функциях, в структуре и в ролевом поведении ее членов. Так, на наш взгляд, важнейшими функциями традиционной семьи кыргызов являлись: репродуктивная, воспитательная, восстановительная, образовательная, охранительная и хозяйственно-потребительская. Многие исследователи единодушны в том, что функции семьи отражают исторический этап развития общества, поскольку они показывают взаимоотношения между семьей и социумом. Так, в силу развития рыночных отношений и изменения семей-

ных ценностей современная семья имеет целый ряд определенных функций, при этом утратив функции, которые были ей присущи в прошлом, например, производственную, охранительную и др. Однако семье присущи функции, которые являются неизменчивыми (традиционные) – репродуктивную, хозяйственно-экономическую, регенеративную [157, с. 132–133], образовательную-воспитательную [158, с. 58], социально-статусную и др.

Для традиционных семейных отношений кыргызов были также характерны такие признаки, как прочность и постоянство. Это обеспечивалось следующими факторами:

– во-первых, старшие родственники были обязаны прививать особые нормы поведения младшему, и в силу совместного их проживания нормы поведения передавались в неизменном виде из поколения в поколение;

– во-вторых, основной целью создания новой семьи было продолжение патрилинейного рода, в связи с чем традиционному кыргызскому обществу была характерна незначительная практика разводов;

– в-третьих, адат детально регулировал положение каждого члена семьи, в силу чего общественное мнение имело сильное влияние на каждого индивида.

Согласно вышесказанному, мы можем предположить, что *традиционная семья кыргызов* – это регламентированная обычным правом общность лиц, созданная на основании брака, родства, свойства, усыновления или принятия детей на воспитание, связанных совместным бытом и взаимной ответственностью.

Со вступлением Кыргызстана в состав Российской империи статьей 11 Положения об управлении Туркестанским краем от 2 июня 1886 года, статьей 10 Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 года нормам обычного права кыргызов придается статус правовых обычаев. Таким образом, обычное право в правовой системе российского государства становится частью позитивного права, в связи с чем, мы постарались определить сферу правового регулирования семейных отношений кыргызов, уточнить предмет, метод и содержание право-

вого регулирования семейных отношений по нормам обычного права кыргызов.

Как предмет правового регулирования семейных отношений семья как таковая не рассматривается, здесь имеются в виду существующие между ее членами связи – семейные отношения. Однако необходимо отметить, что сегодняшнее законодательство регулирует не все отношения в семье, а лишь его определенную часть, ранее же в традиционной семье кыргызов правовому регулированию подлежали и те отношения, которые сегодня подпадают под действие норм морали, обычаев и религий. К примеру, нормы обычного права обязывали «детей беспрекословно подчиняться и уважать своих родителей» [45, с. 30]. За невыполнения данного положения дети могли быть наказаны, то есть были соответствующие санкции, и жалобы детей на своих родителей судом биев рассматривались только в исключительных случаях.

Поскольку до начала XX века обычай конкретно не разграничивался на отрасли права, все отрасли были тесно взаимосвязаны, то в сферу правового регулирования семейного права входили нормы из различных отраслей права. Так, профессор Г.А. Мукамбаева отмечала, что «как таковая отрасль семейного права дифференцировалась от гражданского в середине 70-х годов, а в те времена семейные отношения регулировались больше, видимо, правовыми обычаями...» [159, с. 30]. Мы не можем говорить о самостоятельности семейного обычного права кыргызов как отрасли обычного права, однако предмет брачно-семейных отношений может быть рассмотрен в качестве особых общественных отношений, регулируемых отраслевыми нормами обычного права. Специфика семейных обычных норм заключалась в том, что они регулировали определенный вид общественных отношений, которые возникали из факта брака и принадлежности к семье, основанного на родстве, свойстве и иных юридических фактах.

Семейное обычное право кыргызов не регулировало общественные отношения строго определенного характера, оно могло регулировать все гражданско-правовые имущественные, неимущественные и иные отношения в рамках семьи, поскольку в се-

мые любые отношения (вещно-правовые, обязательственные, наследственные и др.) характеризовались как семейные.

К предмету правового регулирования семейных отношений кыргызов относились:

1) Отношения, возникающие из брака (условия и порядок вступления в брак, прекращения традиционного брака кыргызов).

2) Личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми, между родственниками различной степени родства и в случаях между родственниками и иными лицами.

3) Отношения, возникающие из юридических фактов, приравненных обычным правом к родству (усыновление, принятие детей на воспитание в приемную семью).

4) Имущественные отношения в семье.

5) Наследственные отношения.

Из этого следует, что предметом правового регулирования семейных отношений кыргызов по нормам обычного права являлись общественные отношения, возникающие из брака, кровного родства, свойства, усыновления, принятия детей на воспитание и из личных неимущественных и имущественных отношений в семье и наследственных отношений.

Метод правового регулирования, наряду с предметом, есть основной признак, который позволяет ограничить одну отрасль права от другой. «Метод выражает содержание отраслевых норм по способу их воздействия на опосредуемые отношения» [160, с. 10].

На наш взгляд, для семейного обычного права кыргызов был характерен свой особый метод регулирования, который отличается от современного семейно-правового метода. Мы можем предположить, что методом регулирования семейных отношений по нормам обычного права являлась совокупность способов, средств, приемов, с помощью которых обычаи могли воздействовать на семейные отношения.

До настоящего времени в теории семейного права нет единого подхода к разрешению вопроса относительно сущности семейно-правового метода. «При помощи соответствующих способов воздействия на семейные отношения право подчиняет их опре-

деленным правилам в целях укрепления семьи и обеспечивает реализацию всеми его членами своих прав и интересов, а также исполнение ими своих обязанностей» [160, с. 10; 55, с. 12].

Относительно сущности метода семейно-правового регулирования В.Ф. Яковлев считал, что «метод семейного права по своему содержанию воздействия на отношения является дозволительным, а по форме предписаний – императивным... Вследствие этого семейно-правовой метод может быть обозначен как дозволительно-императивный» [147, с. 11]. Необходимо отметить, что такие взгляды существовали в период советского союза, поскольку советское право старалось детально регулировать семейные правоотношения. Сегодня в связи с провозглашением прав современной, светской модели семьи, значение диспозитивных норм в данной сфере увеличивается. Так, участникам семейных отношений предоставляется возможность самим выбирать содержание таких отношений.

Говоря о традиционных семейных отношений кыргызов, мы приходим к выводу, что методом регулирования таких отношений выступал дозволительно-императивный метод с усилением императивных начал (запрет брака с инородцами, отношения, возникающие в связи с открытием наследства, и др.). Данное положение подробно раскрывается при рассмотрении конкретных вопросов в содержании настоящей работы.

К числу распространенных способов регулирования семейных отношений в обычном праве относятся содержащиеся в нормах адата запреты и дозволения. Примером запрета может выступить детальная регламентация порядка вступления в брак. Так, без согласия родителей или законных опекунов было запрещено вступление в брак. Дозволение в адате могло выражаться при реализации такого института, как многоженство, когда мужчина имел право жениться на двух и более женщинах, при левирате, когда женщина имела право выбора выходить ей замуж за близкого родственника покойного мужа или оставаться в статусе вдовы.

Таким образом, исходя из предмета и метода правового регулирования семейных отношений, следует, что традиционные семейные отношения кыргызов – это общественные отношения,

урегулированные нормами обычного права кыргызов, возникающие из брака и принадлежности семье, основанные на кровном родстве, свойстве или иных юридических фактах, а также принятии детей на воспитание и открытия наследства.

Как и любой вид правоотношений, семейные правоотношения состоят из определенного ряда элементов: субъектов, объектов и содержания.

Субъектами семейных правоотношений по адату выступали физические лица, обладающие правами и обязанностями в семейной сфере, причем семейные правоотношения могли возникать не только между членами одной семьи, но и между членами разных семей: обязанность родственников помочь жениху в сборе калыма, обязательства родственников по опеке и попечительстве детей, оставшихся без родителей, с которыми существовали родственные связи, поддержание родства *куда сөөк* и др.

Поскольку физические лица являются единственными возможными участниками семейных правоотношений, они выступают в таких отношениях в особом статусе, то есть как супруги, родители, дети, опекуны и др. В этих статусах физические лица являются незаменимыми, в силу чего любое семейное правоотношение должно быть рассмотрено как уникальное по составу его участников. Согласно нормам обычного права кыргызов участники семейных отношений обладали семейной правоспособностью и дееспособностью.

По адату объектами семейных правоотношений являлись действия и вещи. Действия могли быть как положительными (выдел сыновей отцом), так и в форме воздержания (например, жена не вправе была самостоятельно распоряжаться всем имуществом семьи). По обычаю вещи, также как и современному семейному праву, являлись объектами имущественных отношений членов семьи и могли быть как движимыми (например, скот), так и недвижимыми (пастбища, принадлежавшие одному роду).

Содержание семейных отношений выражается в правах и обязанностях участников такого вида отношений, что будет рассмотрено в следующих параграфах настоящего исследования.

Подводя итоги по данному разделу, мы можем заключить следующее:

– Сущность традиционной семьи кыргызов отражалась в ее основных функциях, в структуре и в ролевом поведении ее членов. Так, на наш взгляд, важнейшими функциями традиционной семьи кыргызов являлись: репродуктивная, воспитательная, воспитательная, образовательная, охранительная и хозяйственно-потребительская.

– Традиционным семейным отношениям кыргызов были также характерны такие признаки, как прочность и постоянство, которые обеспечивались следующими факторами: во-первых, старшие родственники были обязаны прививать особые нормы поведения младшим, и в силу совместного их проживания нормы поведения передавались в неизменном виде из поколения в поколение; во-вторых, основной целью создания новой семьи было продолжение патрилинейного рода, в связи с чем для традиционного кыргызского общества была характерна незначительная практика разводов; в-третьих, адат детально регулировал положение каждого члена семьи, в силу чего общественное мнение имело сильное влияние на каждого индивида.

В связи со всем вышесказанным мы можем предположить, что традиционная семья кыргызов – это регламентированная обычным правом общность лиц, созданная на основании брака, родства, свойства, усыновления или принятия детей на воспитание, связанных совместным бытом и взаимной ответственностью.

– Традиционные семейные отношения кыргызов регулировались обычным правом, отражающим различные аспекты общественного быта. Однако после вхождения в состав России обычаи кыргызов были официально признаны нормами права и частью правовой системы империи.

– Предметом правового регулирования семейных отношений кыргызов по нормам обычного права являлись общественные отношения, возникающие из брака, кровного родства, свойства, усыновления, принятия детей на воспитание и из личных неимущественных и имущественных и наследственных взаимоотношений в семье.

– Семейно-правовым методом по нормам обычного права кыргызов выступал дозвоительно-императивный метод с усилением императивных начал.

– Семейные отношения состояли из субъектов, объектов и содержания.

– Для семейных отношений кыргызов был характерен лично-доверительный характер, так как личные взаимоотношения членов семьи играли важнейшую роль.

2.3. Юридическое значение родства и свойства в обычном праве кыргызов

Семейные отношения, как личные, так и имущественные, возникают из своеобразных юридических фактов, именуемых состояниями (брак, родство, свойство, материнство, отцовство, усыновление и др). Это означает, что для семейного права характерны юридические факты – состояния, хотя семейные права и обязанности могут возникать и на основании юридических фактов – действий (к примеру, помолвка малолетних детей их родителями может быть рассмотрена как особый вид договора).

Считается, что «семья принадлежит к важнейшим общественным ценностям. Каждый член общества, помимо социального статуса, этнической принадлежности, имущественного и материального положения, с момента рождения и до конца жизни обладает такой характеристикой, как семейно-брачное состояние» [161]. Под состояниями понимаются «жизненные обстоятельства длительного действия, в течение которого они постоянно или периодически порождают правовые последствия» [160, с. 46]. В системе юридических фактов состояние рассматривается в качестве своеобразного вида события. Состояние может выражаться в таких формах, как родство или свойство.

«Родство – это кровная связь лиц, происходящих от одного предка. При наличии достаточно близких и тесных взаимоотношений, родство приобретает значение юридического факта, то есть порождает определенные правовые последствия. Свойство –

социальная связь, возникающая между родственниками супругов» [154, с. 11].

Обычное право детально регламентировало родственные отношения, и рассматривало систему родства как одну из основных ценностей брачно-семейных отношений кыргызов.

Основу общественного строя кыргызов в ближайшем прошлом составлял род, ранее под этим выражением понимался «союз всех лиц, связанных между собой действительным и предполагаемым родством» [162, с. 13]. Родственные связи для кыргыза – важный элемент в его семейно-брачном цикле, поскольку общение с родственниками являлось у кыргыза повседневным делом, в связи с чем узы родства и имели особое значение. Учитывая малочисленность кыргызского народа, то все кыргызы кому-то другому являлись «тууган» (родственником).

Предложенное Л. Морганом понимание семейно-брачных отношений определенного этапа развития общества в системе родства «позволило науке обрести новый важный источник по истории семьи и брака» [85, с. 218]. Выявляемые в результате анализа противоречия между современными для наблюдателя формами последних и системами родства ложатся в основу реконструкций предшествующих семейно-брачных отношений.

«Система родства определяется не принадлежностью языка к данной языковой группе, а отражает определенные общественные условия. Термин родство определяет статус, имущественное положение, право на наследство, на занятие должности или, точнее, на звание и т. п.» [163, с. 25]. Так, систему родства следует рассматривать шире, чем только структуру, организующую семейно-брачные отношения. Под структурой же семьи понимается совокупность отношений между ее членами, включая, помимо отношений родства и систему духовных, нравственных отношений, отношения власти, авторитета и т. д.

Изучение системы родства у кыргызов вызвано необходимостью анализа бытующих родовых обычаев, а также рассмотрения эволюции родовых отношений в кыргызском обществе. Впервые типы родства у кыргызов были выделены Н.П. Дырэнковой в ее

работе «Брак, термины родства и психические запреты у киргизов» [78], далее А. Джумагуловым [88, с. 25–26].

Каждый кыргызский род имеет свое название, происходящее от имени «аксакала», то есть главы семьи, от которого началось исчисление рода. Семейно-родственная группа у кыргызов называлась «бир атанын балдары» – дети одного отца, все эти дети являлись потомками ата – ближайшего предка и были связаны определенными степенями родственных отношений [88, с. 18]. Между семьями, входящими в такие группы, сохранялись формы личных неимущественных отношений в виде взаимопомощи, взаимоподдержки, например, при уплате калыма, в сборе приданого и др. Каждый кыргыз был обязан знать, потомком какого предка он являлся. Одной из важнейших традиций кыргызского народа являлась передача своей родословной по восходящей линии отца или матери до седьмого поколения. Гродеков же отмечал, что «незнакомому киргизу прежде всего предлагают вопрос о его роде» [45, с. 27].

Кровное происхождение кыргыза называлось *сөөк* (кость). Также вместо термина *сөөк* употребляется определение род, но так как последнее получило особое значение, более обширное, то удобнее и точнее пользоваться словом кость, означающим только кровное происхождение. По мнению Г.Н. Потанина, «кыргызы поколения или роды называли эл» [164, с. 2].

Н.А. Аристов в своей статье «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргиз» отмечал, что «у кара-киргизов, в отличие от киргиз-казаков, существуют, независимо от политико-общественных или союзно-родовых делений и имен, истинные деления и имена, показывающие действительное происхождение. Это сөөки или кости, имеющиеся имена, неизменно и строго сохраняемые, в какой бы родовой союз члены кости не попадали» [165, с. 58].

В основе семьи лежала генеалогия сөөк, и его деления, к которому относится глава семейства – отец. По общим правилам продолжение рода происходило по патрилинейной линии, и отец передавал своим потомкам принадлежность к определенному сөөку. Важность продолжения родства по линии отца выражает-

ся в обычае усыновления сирот со стороны отца: если в случае смерти родных из своего сөөк, дядя по отцовской линии (байке, аке) обязан был взять оставшегося ребенка к себе на воспитание, у дяди по матери (тай аке) такой обязанности не было. По обычаю дочери не передавали свою родовую принадлежность, они лишь продолжали род мужа.

Система родства у кыргызов состояла из следующих элементов:

- родство по отцу – *карындаш сөөк* (единоутробный);
- родство по матери – *тай сөөк*;
- родство в замужестве – *кайын сөөк*.

Вышеуказанные категории родства в своей совокупности составляли родственный союз кыргыза.

Однако помимо указанных трех видов родства, Н.П. Дыренкова в своих работах выделяет также «родство по сватовству – *куда сөөк*» [78]. Мы также рассмотрим данный вид родства, но, на наш взгляд, *куда сөөк* является «искусственным» родством, так как не порождает соответствующих правовых семейных прав и обязательств между субъектами такого родства.

Кыргызы, в первую очередь, признавали родство, как с отцовской, так и с материнской стороны, но лишь по прямой линии, в боковых же разветвлениях – только до третьей степени. Родственники со стороны отца различались по возрасту – старшие, младшие и в зависимости от возраста назывались по-разному. Для родственников со стороны матери возрастных различий не было: к примеру, брата матери, других родственников независимо от возрастов и степени родства с материнской стороны называли одним термином – *тай аке*. В свою очередь, всех детей сестер своего отца и детей своей сестры определяли термином «жээн» [88, с. 26].

Отцовская линия родства называется «*карындаш* (кровно-родственная линия)» [166], что означает «*единоутробный*», от слова «*карын*» – «*утроба*».

Кровное родство «*карындаш сөөк*» предполагает: 1) братьев и сестер от одного отца и относящихся к одному сөөку отца; 2) братьев и сестер, рожденных одной матерью от разных отцов и при-

надлежащих к разным сөөкам; 3) представителей одного сөөка; 4) представителей родственных сөөков, объединенных в группу. Лица одного сөөка называют друг друга по-родственному «ага», «эже» – дядя, сестры, братья и т. д. В силу кровного родства браки между представителями одного сөөка или сөөков – «карындаш» – не допускаются. «Родословные подтверждают вывод о том, что в основе экзогамии лежит не запрет, а обязательность оптимального воспроизводства, сначала биологического в некотором социальном и культурном контексте» [167, с. 14]. Было запретным нарушать обычай экзогамии между представителями «карындаш», такое действие считалось «противоправным поступком и порицалось со стороны родственников» [106] и общества.

На наш взгляд, название линии родства по отцу у кыргызов является некорректным. Впервые термин *карындаш* был введен в научный оборот Н.П. Дыренковой, но он не охватывает все понятия, которые включает в свое содержание. Карындаш на кыргызском означает обращение только к родной младшей сестре, старшую сестру принято называть *эже*, старшего брата – *ага*, *байке*. Тем более, что сводные братья и сестры (имеется ввиду один отец, разные матери) также относятся к одной линии родства. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо пересмотрение использования термина *карындаш* по отношению к линии родства по отцу и данный вопрос требует дальнейшего изучения с точки зрения филологии и иных наук.

Линия родства «*кайын*» возникает через связь по браку. По существующей версии это название связано со свадебным обрядом, который совершался в обстановке березы. «Каиң и кайын – береза и родство, старшие родственники мужа. Видимо, отсюда родство называется кайын» [168, с. 8, 11]. Действительно, ранее по обычаям тюркских народов «березу (*кайың*) как свадебное дерево выставляют у входа, в дымоход, на почетном месте юрты и используют для занавеса новобрачных» [169, с. 211]. Однако данные обряды существовали и у алтайских народов. О происхождении этого термина у кыргызов науке ничего неизвестно. Мы можем только предположить, что, возможно, такое обозначение родства по браку было заимствовано у других тюркских народно-

стей, возможно, и у алтайцев. Термином «*кайын*» кыргызы обозначают родственников мужа, по отношению к которым невестка (келин) должна соблюдать обычай избегания «*кайындаш*».

После выхода замуж у женщины принадлежность к своему уруу (родовая принадлежность) не меняется. Но на практике родовую принадлежность замужней женщины – *келин* – определяют по роду мужа. Например, если муж из рода «сарыбагыш», то его именуют «*сарыбагыштардын келини*», «*барган жери сарыбагыш*».

По мнению Н.П. Дыренковой, линия родства «кайын» тесно переплетена с линией родства «куда». Сватовское родство, сходное родству по браку, можно обозначить термином «*куда сөөк*» – искусственные отношения, возникшие между родственниками жениха и невесты [78]. «Мужчин, породнившихся свадьбой, называют куда (сваты), женщин – кудагый» [170, с. 73].

Ограничения при вступлении в брак относились и к близким свойственникам (*жакын кудалар*). По сведениям А.В. Анохина, «не допускается брак зятя с тещей, невестки со свекром, отчима с падчерицей, мачехи с пасынком, а также отца и сына с двумя родными сестрами» [168, с. 8, 11].

Одной из особенностей генеалогического древа кыргызов является структура материнской линии родства. Особо почтительным отношением к представителям материнского сөөка (*тай сөөк*) характеризовались обычаи кыргызов.

Дети дочерей принадлежали к родословной зятя, в связи с чем для родителей матери они являются племянниками («*жэ-эндер*»), и они обращаются к родителям матери, называя их «*тай-ата*» (отец матери), «*тай-эне*» (мать матери). По мнению Н.П. Дыренковой, «если по линии отца к младшим обращаются «карындаш» (младший по возрасту), то по материнской линии – «жээн» (младший по степени родства)», однако с такой точкой зрения трудно согласиться (как мы указывали ранее), поскольку не все имели право называть младших по возрасту по линии отца карындаш, это было лишь право старшего брата по отношению к своей младшей сестре.

Род матери проявлял особое отношение к племянникам по женской линии. Если далее говорить относительно родства по

материнской линии, то в жизни детей особое значение имеет «тай-аке» – брат матери. Все родные братья матери, а также иные мужчины из ее родства, даже малолетние мальчики, для ее детей являются «тай аке». Следующими по значимости выступают: сестра матери – «тай-эже» и ее муж – «тай-жесте», жена брата матери – «тай-жеңе». Всем им как из родства «тай» племянники всегда выражают почтение.

Необходимо отметить, что между братом матери «тай аке» и племянником или племянницей «жээн» существуют определенные близкие отношения, которые выражались в *обычае авункулат* [171, с. 125].

Авункулат (от латинского *avunculus* – дядя по матери) – это обычай, устанавливающий особые права и обязательства между дядей с материнской стороны и племянниками. В виде пережитка известен у некоторых современных народов (например, у чеченцев, нанайцев) [172]. Например, в традиционных семьях кыргызов близкие родственники со стороны матери (обычно это были дяди) были обязаны брать на себя воспитание и материально помогать племянникам, что можно рассматривать как пережитки существовавшего ранее матрилокального брака, об этом в своих исследовательских работах утверждал и Н.А. Кисляков, изучавший обычай авункулата у народов Центральной Азии [173, с. 26–27]. У кыргызов племянник (жээн) должен был с особым уважением относиться к своему дяде (тай-аке), поскольку «на тай-аке лежала обязанность женить жээна, принимать участие в уплате калыма, постоянно оказывать поддержку» [88, с. 22]. Существовал обычай *жээндик*, то есть тай-аке должен был приготовить специальные подарки для своего жээна: такие подарки были различны и начинались с момента рождения племянника и в течение всей его жизни. Смысл этого обычая выражался в укреплении родственных отношений между представителями родовой линии матери – тай. Согласно обычаю племянник «жээн» имеет право на «жээндик». Если же дядя отказывался от преподнесения такого дара, то племянник имел право и без разрешения тай-аке взять любую его вещь, при этом он не считался вором. Жалобы тай-аке были напрасны, поскольку нормы адата и мнения аксакалов

всегда были на стороне племянника «жээна» [88, с. 23], в связи с чем среди кыргызов до сих пор существует следующая пословица: «Жээн келгиче жети бору келсин» («Лучше пусть придет семь волков, чем племянник») [174, с. 172].

Относительно обычая авункулата у казахов Ю.А. Зуев писал: «В период перехода от материнско-правовой семьи к патриархальной дядя по материнской линии воспринимался как мать в мужском обличи. Несмотря на то, что к этому времени матрилокальное брачное поселение стало сменяться патрилокальным, жена и ее дети еще сохраняли свою принадлежность материнской семье и роду» [139, с. 15].

Далее рассмотрим терминологию в системе родства, используемой среди кыргызского населения и по настоящее время.

В связи с тем, что выше мы уже рассмотрели часть терминологии, используемой в кыргызской семье, то остановимся только на основных понятиях.

Так, в кыргызской семье основное почетное место занимало старшее поколение: отец отца назывался термином «чоң ата», мать отца – «чоң эне, чоң апа» [88, с. 33]. Отца матери именовали «тай ата», мать матери – «тай эне». Родители детей сына называют «небере» (внуки), «чөбөрө» (правнуки), так как они принадлежат к сөөку их семьи, а детей дочери – племянниками «жээндер» как относящихся к другому сөөку – роду их зятя.

Уважать своих родителей «ата-эне» является обязательной нормой кыргызского адата, и это норма беспрекословно переходит из поколения в поколение до настоящего времени: «Ата-эненди сыйласан оз баландан жакшылык коросун» (если будешь уважать своих родителей, увидишь добро от своих детей) [15, с. 18]. Ата, отец, является главой семьи и пользуется непререкаемым авторитетом, его слово – закон. Мать – «эне или апа» – имела в семье статус хранительницы домашнего очага. Поскольку мать, «эне», воспитывала будущее поколение кыргызов, то к ней с почтением и уважением относились все члены семьи. Особый статус матери выражается и в брачно-семейных правоотношениях, поскольку кыргызская женщина как в статусе жены, так и матери, имела определенный круг правомочий и обязанностей. Насколько

культ матери важен в кыргызской культуре можно проследить из «Легенды о матери Оленихе – Бугу-эне» из повести «Белый пароход» Ч.Т. Айтматова [175]. Само существование кыргызского рода «бугу» подчеркивает важность культа матери в обществе.

Дети – «балдар» – в кыргызской семье беспрекословно повиновались старшим. «Атасы болушчаактын уулу урушчаак, энеси болушчаактын, кызы ыйлаак (У сердобольного отца сын драчлив, у сердобольной матери дочь плаксива)», – говорится в пословице [15, с. 18].

Как мы уже указывали, у кыргызов дети являлись одним из основных признаков семьи. Бездетные же семьи осуждались обществом. О данных нормах, существовавших у кыргызов, повествует и народное кыргызское творчество: «Баласы жоктон жүдөдүм, эркек деп бирөө жүгүрсө, жарылып кетер жүрөгүм» (Не имея ребенка, я похудел, если бы хоть один мальчик бегал, просветлело бы мое сердце) [49, с. 278]. Также и в эпосе «Манас» в завещании хана Кокетея сыну Бокмуруну говорится: «Если взятая им (супруга) не родит сына, если после (умершего) не будет ребенка (наследника), без хозяина останется скот, некому будет поделить наследство; когда скот останется (без призора), все разграбят дальние родственники [49, с. 279].

О том, что бездетная женщина подвергалась резкой критике, говорят и другие кыргызские пословицы: «Бээ туумайынча байтал аты калбайт, катын туумайынча келин аты калбайт» (Пока кобыла не ожеребится, ее не перестанут называть «байтал», пока женщина не родит, ее не перестанут называть «келин»). «Туубаган катындан улактуу эчки артык» (Имеющая козлят коза лучше нерожавшей женщины). «Куу баш болчу жигитке туубас катын жолугат» (Парню, которому суждено быть бездетным, бесплодная жена попадается) [49, с. 279].

Поскольку сын, «уул», являлся продолжателем рода отца, то рождение мальчика являлось важным событием в кыргызской семье. «Рождение мальчика означало для тюркоязычных этносов повышение социальной значимости отца и семьи в целом. Однако рождение дочери не воспринималось как какое-то несчастье еще в раннем средневековье» [176, с. 38]. К дочери, «кыз», с самого

рождения относились с почетом, поскольку предполагалось, что в будущем она будет частью другой семьи: «кыз – конок» (дочь – гость в доме отца) [15, с. 72], «уулу оссо – урумга, кыз оссо – кырымга» (если сын у тебя вырастит – в родню (род продолжит), если дочь вырастит – уйдет в даль) [15, с. 101].

Следующим термином «ага или байке» называли родного брата, а также и двоюродного брата, и дядю. Термином «эже» определяли старшую сестру, тетю. Определение одними и теми же терминами разных лиц было обусловлено бытом и укладом кыргызского народа (родственные семьи старались жить в одной местности и помогали друг другу). Так, в случае смерти обоих родителей, детей на воспитание к себе забирали близкие родственники, обычно это были родственники со стороны отца, но могли быть и со стороны матери: братья, сестры, дяди или тети. Поэтому и не было различия в терминах между братом или дядей, или родной сестрой и тетей; ту и другую ребенок одинаково называл «эже». Таким образом, можно предположить, что даже терминология, которая использовалась в кыргызском обществе, предусматривалось системой взаимной ответственности родственников за детей, оставшихся без родителей и опеки.

Если же младшие по возрасту одинаково называли старших, то существовало различие, как мужчина или женщина называли своих младших сестер и братьев. Между родным старшим братом «бир тууган байке» и родной младшей сестрой «бир тууган карындаш» были определенные отношения. Так, старший брат должен был нести родственную ответственность за нее в период всей ее жизни, у него были широкие права в участии ее судьбы. При отсутствии родного брата роль старшего брата возлагалась на двоюродного брата или дядю. Например, в отсутствие отца старший брат мог выдать младшую сестру замуж по своему усмотрению, решал вопросы калыма и др. Так, в деле Усубалы Таласпаева о возврате калыма говорится: «Я, Усубалы Таласпаев, засватал за своего сына сестру граждан Какчаке Давлеткалдиевой и Орозалы Уметалина по имени Кулсун. При этом *братья* Кулсун взяли с меня за свою сестру калым в количестве 11 голов крупного рогатого скота и 1000 рублей старыми деньгами еще в 1915

году. Братья продали ее за другого, а мне возвращают забранный калым» [177, с. 1].

Женщина называла младшую сестру – «синди». Данный термин предусматривал, что «бир тууган эже» – родная старшая сестра – должна была быть во всем хорошим примером для сестренки и стараться всегда помогать своей синди, о чем говорит следующая поговорка: «Эжекем эрге тийди, эскиси мага тийди» (Моя старшая сестра вышла замуж, ее обноски мне достались) [15, с. 110].

Относительно младшего брата, то, как мужчина, так и женщина называли его «ини». Отношения байке и ини имели особый статус, поскольку для младшего старший брат являлся вторым отцом. «Агасы бардын – жакасы бар, иниси бардын – тынчы бар» (У кого есть старший брат – у того есть защитник, у кого есть младший брат – у того есть покой). Эта кыргызская пословица показывает особую роль отношений братьев друг к другу. Старший брат был обязан материально позаботиться о младшем, а тот беспрекословно выполнял все указания и поручения старшего. Даже после женитьбы братья придерживались тесных родственных отношений и старались жить недалеко друг от друга, в связи с чем возникали родственные отношения и между снохами – «абысын» (жены братьев).

Мужа сестры именовали «жезде». Он должен был, по замыслу адата, быть в дружественных отношениях с самыми близкими родственниками жены – с младшим братом или сестрой жены – «балдыз». Мужья сестер по отношению к друг другу именовались «бажа», однако в силу жизненных обстоятельств они общались редко, в большинстве случаев они встречались в доме тестя – «кайын-ата».

Таким образом, согласно обычаям, отношениям старших и младших братьев и сестер присваивался особый статус, о чем говорит следующая кыргызская пословица: «Агасын коруп, ини осот, эжесин коруп – синди осот» (Глядя на старшего брата, растет младший, глядя на старшую сестру, растет младшая) [15, с. 6].

В кыргызской семье после женитьбы сына появлялся еще один член семьи – невестка («келин»). Как мы упоминали ранее,

свекор определялся термином «кайын ата», а свекровь – «кайын эне или апа». Родители мужа (ата-эне) должны были принимать «келин» как свою родную дочь. Зять же для родителей жены определялся термином «күйе-бала», он так же как его жена называет ее родителей «ата» и «эне или апа».

Келин должна была уважать и с почтением относиться к своей новой семье. Невестка (келин) должна была быть вежливой и аккуратной в взаимоотношениях со своими золовками: старшая сестра мужа называлась «кайын-эжэ», младшая сестра мужа – «кайын синди». За соблюдением этих правил строго следила «кайын эне».

После замужества для женщины ее собственные родственники уже имели иной статус и назывались «төркүн», данным определением называли всю родню по материнской линии.

Однако необходимо отметить, что в разных регионах Кыргызстана термины иногда различаются.

Таким образом, можно заключить следующее:

– Семейные отношения кыргызов, как личные, так и имущественные, возникали из своеобразных юридических фактов, именуемых состояниями (брак, родство, свойство, материнство, отцовство, усыновление и др). В системе юридических фактов состояние рассматривается в качестве своеобразного вида события. Состояние может выражаться в таких формах, как родство или свойство.

– Изучение системы родства у кыргызов вызвано необходимостью анализа бытующих обычаев, а также рассмотрения эволюции родовых отношений в обществе. В обычном праве кыргызов существенное значение родства и свойства заключалось в том, что у кыргызов, в зависимости от вида и степени родства, существовали определенные права и обязанности по отношению к своим родственникам, поэтому обязанностью каждого кыргыза было знать свою родословную вплоть до седьмого колена.

Так, система родства у кыргызов определяется принадлежностью к отцовскому сөөкү – «карындаш», материнскому – «тай», после замужества – «кайын» родству. Однако помимо указанных

трех видов родства выделяется «искусственное» родство по сватовству – куда сөөк.

– Знание своего положения в системе родства и свойства необходимо было: 1) при заключении брака в силу действия принципа экзогамии и запретов на вступления в брак по признаку свойства; 2) для регулирования отношений, вытекающих из системы родства и свойства, которые устанавливали права и обязанности участников таких отношений. Обычное право кыргызов предусматривало отношения «жээндик», основанные на принципе авункулата, тесные взаимоотношения кровных родственников, предопределяющие круг имущественных обязательств.

– Установление соответствующей терминологии обращения к родственникам было обусловлено бытом и укладом кыргызского народа.

– Основу общественного строя кыргызов составлял род, то есть союз всех лиц, связанных между собою действительным и предполагаемым родством. Родственные связи для кыргыза – важный элемент в его брачно-семейном цикле, поскольку общение с родственниками являлось у кыргыза повседневным делом, в связи с чем узы родства и имели особое значение. Значение родственных отношений в кыргызской семье отражается в пословицах и поговорках – как одном из источников обычного права.

2.4. Защита семейных прав по обычному праву кыргызов

Защита семейных отношений является необходимой гарантией осуществления лицами принадлежащих им семейных прав. Согласно современной юридической литературе, «защита семейных прав – это предусмотренные законом меры по их признанию и восстановлению, пресечению правонарушений, применению к нарушителям других семейно-правовых санкций, а также механизм реализации этих мер. Защита семейных прав и охраняемых законом интересов осуществляется в предусмотренном законом порядке, то есть посредством применения надлежащей формы и способов защиты» [160, с. 49–50].

Что касается защиты семейных прав в традиционном кыргызском обществе, то при рассмотрении данного вопроса необходимо учитывать существовавшую специфику данных отношений. По адату защита семейных прав означало защиту, в первую очередь, интересов семьи. Нарушение прав одного из членов семьи рассматривалось как нарушение прав и интересов всей семьи. Обычай становился на защиту прав и интересов женщины, поскольку кыргызская женщина как в статусе дочери, жены, так и матери, как мы указывали ранее, имела особое положение в семье и обществе.

В соответствии с нормами адата мы можем выделить следующие формы защиты семейных прав и интересов.

Неюрисдикционная форма защиты могла действовать при рассмотрении каких-либо семейных споров без обращения к компетентным органам власти (то есть спор разрешался в кругу близких родственников и т. д.). При возникновении спора между детьми отец являлся своеобразной первой судебной инстанцией при разрешении таких видов спора; при смерти мужа дальнейшую судьбу вдовы решали в кругу близких родственников – наследников и др.

Юрисдикционная форма защиты – эта форма защиты, при которой кыргызы могли обратиться к суду аксакалов, в суды биев, и, после вступления в состав Российской империи, в российские судебные инстанции или иные уполномоченные Российской империей органы по защите нарушенных или оспариваемых прав. Защита семейных прав не знала деления на административный или судебный порядок, каждое лицо могло обратиться в любую инстанцию.

Основания, в силу которых кыргызы могли обратиться в суд за защитой своих семейных прав, были разнообразны и указывались, как правило, в Эреже – постановлениях съездов биев. Так, во многих таких постановлениях указывалось, что будут строго преследоваться те, кто похитит чужую жену или чужую сватанную невесту.

Основной формой защиты семейных прав является судебная защита.

Обычное право кыргызов определяло способы защиты семейных прав, под которыми понимаются закрепленные материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производилось восстановление нарушенных прав и воздействие на правонарушителя. К примеру, адат предусматривал определенную систему штрафов за совершенные противоправные действия. Например, в Эреже чрезвычайного съезда биев указывалось: «Если кто-либо увезет свою невесту у почетного лица – айып 20 голов скота во главе 1 верблюда, у среднего – 10 голов скота во главе 1 верблюда и у низшего сословия – 5 голов во главе 1 верблюда» [14, с. 442].

По адату к основным способам защиты семейных прав можно отнести следующие: самозащита, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, признание права судом, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, принуждение к исполнению обязанности, изменение или прекращение семейных отношений, а также иные способы защиты.

«Семейно-правовая ответственность – это обязанность лица претерпеть лишение субъективного права или иные дополнительные неблагоприятные последствия своего противоправного виновного поведения» [160, с. 52].

Основанием ответственности являлось совершение правонарушения – кылмыш [178, с. 41]. По адату правонарушениями против брачно-семейных отношений считались, прежде всего, действия, которые нарушали устои семейных отношений. Так, согласно нормам обычного права кыргызов, к преступлениям против семейно-брачных отношений относились следующие деяния: оскорбление одного из членов семьи, осквернение могил предков, непослушание родителей, кровосмешение, похищение женщины, изнасилование женщины, прелюбодеяние. Рассмотрим некоторые из них.

Оскорбление одного из членов семьи. Взаимоотношения в кыргызской семье строго регламентировались адатом и базировались на принципах уважения и почтения к каждому члену семьи, и поскольку поддержание дружественных родственных от-

ношений были обязанностью каждого кыргыза, то за нарушение данного обязательства виновный мог понести ответственность. Так, согласно пункту 97 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда от 1893 года, «За всякую обиду родителям и родственникам виновные подвергаются наказаниям по назначению обиженных в пределах прав, предоставленных народным судьям по закону» [14, с. 440].

Адат предусматривал наказание за оскорбление матери другого человека. Поскольку культ матери был особо важен для кыргызского народа, то такие действия могли привести и к продолжительным конфликтам. Видимо, «здесь, несомненно, не имеется ввиду, что оскорбление матери простого человека повлекло бы за собой войну. Возможно, такие войны и велись, но в тех случаях, когда их сыновья были крупными, либо средними манапами, т. е. родоправителями или влиятельными людьми рода» [14, с. 501].

Отказ от сватовства со стороны невесты также рассматривался как тяжкое оскорбление для стороны жениха, за что виновная сторона могла понести ответственность согласно статье 11 Эреже Пржевальского чрезвычайного съезда от 5 мая 1907 года «за оскорбление действием без всякого повода и безвинно присудить 9 голов скота» [31, с. 296–298].

У кыргызов *надругательство над могилой предков* (осквернение и их разрытие) рассматривалось как одно из самых тяжких оскорблений, поскольку могилы предков у кыргызов, как и у других народов, являлись и являются священным местом. В связи с этим, например, по адату очистительные или обвинительные присяги давались у могилы предка, согласно которой «присягатель был обязан семь раз обойти вокруг могилы своего предка» [14, с. 502].

Непослушание родителей детьми. основополагающий принцип при взаимоотношениях как внутри семьи, так между людьми, который являлся основой воспитания кыргыза, – это принцип «улуу-кичуу» (старший – младший), который обозначает, что старший должен осознавать свой статус и быть примером для младшего, младший же должен с почтением относиться к старшему: «Улууга урмат, кичууга ызат» (Старшему – почет, младше-

му – уважение). Данная норма обычного права кыргызов сохранилась и до нашего времени, обретя уже правовую форму. Так, согласно пункту 2 статьи 37 Конституции Кыргызской Республики, «Уважение к старшим... – обязанность каждого» [1, с. 84].

Почитание и уважение старшего поколения являлось обязательством каждого кыргыза. За нарушение данного положения предусматривалась ответственность. Так, согласно статье 64 Указа, введшего в действие положения об управлении степными областями и об изменении некоторых статей положения об управлении Туркестанским краем от 25 марта 1891 г., «уездные начальники имеют право подвергать туземцев за ослушание законным распоряжениям властей и за *проступки*, означенные в примечании к сей статье, аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей... Примечание. Проступками, за которые уездный начальник может налагать на туземцев взыскания, определенные в сей статье, признаются: ссоры, драки или другого рода буйство в публичных местах и вообще нарушение общественной тишины, непочтение и грубость к лицам, облеченным правительственною и общественною властью, *непослушание родителям и оскорбление их*» [179, с. 38–39]. Такое же положение предусматривалось статьей 39 Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 г. и статьей 64 Положения об управлении Туркестанского края от 2 июня 1886 г. [14, с. 294–295].

Кровосмешение, по обычаю кыргызов, рассматривалось как серьезное правонарушение [178, с. 41]. За совершение данного преступления виновные наказывались по усмотрению своих же родственников.

Похищение женщины. Похищение женщины для вступления в брак является одним из древнейших институтов и встречается, как указывал Ф. Энгельс, со времен возникновения парного брака у многих народов: «Тогда как при прежних формах семьи у мужчин никогда не было недостатка в женщинах, а напротив, их, скорее, было более чем достаточно, теперь женщины стали редки, их

приходилось искать. Поэтому со времени возникновения парного брака начинается похищение и покупка женщин» [100, с. 20].

Похищение женщины как преступление было знакомо и нормам обычного права кыргызов. Оно являлось одним из средств принуждения женщины к вступлению в брак, однако такое похищение женщин считалось преступлением только в тех случаях, когда это совершалось без согласия родителей или кого-либо из членов ее семьи. Об этом говорится в Эреже 1893 года: «Никто не имеет права, не уплатив по договору калыма и обычных подарков, брать к себе невесту». В случае похищения девушки без уплаты калыма похититель подвергался айыпу, в зависимости от сословной принадлежности и влиятельности родителей невесты. Например, в Эреже чрезвычайного съезда биев пригородных волостей Пржевальского уезда от 5 мая 1907 года указывается: «За похищенную у почетного лица не сватанную девицу взыскивается 40 голов скота во главе 1 верблюда, за похищенную невесту у киргизов среднего сословия – 20 голов во главе 1 верблюда, за похищение таковой же низшего сословия – 15 голов скота» [14, с. 442].

«Похищение очень часто сопровождалось барымтой, ограблением целых айлов, насилием над личностью, даже убийствами», – рассказывал Садыбек, проживающий в селе Чырпыкты Иссык-Кульского района [88, с. 33].

Обычное право кыргызов особенно строго преследовало тех, кто похищал чужую жену или чужую сватанную невесту. Об этом говорится в Эреже 1893 года, в Эреже чрезвычайного съезда биев пригородных волостей Пржевальского уезда от 5 мая 1907 года и в других материалах других съездов биев. Так, статьи 12, 13 Эреже Пржевальского чрезвычайного съезда 5 мая 1907 года устанавливали: «За увоз замужней женщины возратить ее и кроме того взыскать с похитителя 60 голов скота. За похищение сватанной девицы – 100 голов скота и деньгами 100 руб.; истец может взыскать с отца похищенной девицы или же с похитителя» и др. [14].

За увоз невесты или похищение несватанной девицы с ее согласия, по иску родителей, взыскивался с жениха сверх калыма, штраф до девяти голов скота с верблюдом. Если же увоз был учинен без согласия девицы и с насилием, тогда невеста воз-

вращалась к родителям по их желанию, а похититель приговаривался к штрафу, который равнялся калыму похищенной девицы. Если же родители отказывались от похищенной девицы, то кроме штрафа присуждался калым [14, с. 441].

В 1905 года 18 сентября бии и почетные аксакалы Семиреченской области Пржевальского уезда от 9 волостей Атбашинского участка биев на чрезвычайном съезде народных судей утвердили Эреже, в котором говорилось: «За похищение замужней женщины виновный платил айып потерпевшему в размере 30 голов скота (начиная с верблюда) и, кроме того, уплачивал ее мужу отданный им за нее калым. Если же была похищена жена у бедного человека, то виновный платил 9 голов скота и возвращал мужу ее уплаченный им за нее калым. Виновный в похищении сватанной девицы или в выдаче таковой незаконному жениху подвергался штрафу в 30 голов скота, начиная с верблюда и уплате законному жениху уплаченного им за невесту калыма. Если похитит жених свою невесту и по своему благосостоянию окажется не в состоянии выплатить калым в установленные сроки, то должен перед судом, переговорив с тестем, войти с последним в согласие. За похищение не сватанной дочери *хорошего* кыргыза виновный приговаривался к уплате айыпа в 50 голов скота (начиная с верблюда), а за похищение у бедного (бечара) – к уплате 9 голов скота» [31, с. 286–287].

Данная форма брака была неправомерна в связи с тем, что увоз невесты зачастую был сопряжен с изнасилованием. Так, согласно статье 30 Токмакского Эреже, «за растление имеющей более 12-летнего возраста, но не сватанной еще девицы, сопряженное с насилием, виновный был обязан на ней жениться, заплатить по условию с родственниками калым, а за бесчестие – штраф 9 голов скота» [14, с. 442]. В случае же несогласия кыргыза жениться на растленной им девице, или если девица не захочет быть женою того киргиза, то отказ на женитьбу с чьей-либо стороны не избавлял преступника от уплаты должного калыма и айыпа (штрафа).

«Если же растление произошло с согласия девицы, виновный подлежит взысканию штрафа – трех тогузов, если родители

или родственники растленной жаловались на бесчестие. За растление девицы, имеющей менее 12 лет от роду, и за изнасилование сосватанной за другого девицы, виновный подвергался взысканию сверх уплаты полного калыма, какой условились отдать родственники жениха за невесту еще уплате от 3 до 5 тогузов. За подобное преступление, совершенное муллою наставником или опекуном, с виновного взыскивались от 3 до 7 тогузов. Если же жених обещанной отказывался взять ее в жены, то виновный в бесчестии был обязан жениться на этой девушке, выплатив за нее родным ее вторичный калым» [25, с. 32].

Эреже других областей подтверждали вышеуказанные нормы, но устанавливали свои санкции [14]. Так, «в апреле 1881 г. пять биев Карабалтинской волости Токмакского уезда, рассмотрев дело Шамурза Фарманкулова на кыргыза той же волости Авена Иркенбулатова о возврате ему украденной снохи Бурмы, без уплаты калыма, определили взыскать в пользу истца 1 верблюда, 4 лошадей, бийлику 12 рублей и штраф 14 рублей» [180, с. 9].

С объективной стороны, преступление заключается в похищении женщины для вступления в брак. Оно может быть совершено открыто, тайно или путем обмана, причем с применением насилия или угрозы. Преступление считается совершенным с момента похищения женщины.

Рассматриваемое преступление представляет опасную форму принуждения женщины к вступлению в брак. Общественная опасность данного преступления заключается не только в том, что оно нарушает право на свободу личности и право по своему усмотрению решать вопрос о вступлении в брак, но и в том, что оно может породить вражду со стороны родителей или родственников похищенной женщины к похитителю, его родителям или родственникам.

Более позднее умыкание рассматривалось советским законом как преступление, нарушающее права и свободу, а также личную неприкосновенность женщины, однако случаи кражи невесты также происходили. На сегодняшний день кража невесты подпадает под статью 155 (принуждение женщины к вступлению

в брак или воспрепятствование вступлению в брак) Уголовного кодекса Кыргызской Республики [53].

На международном уровне 10 декабря 1962 году была принята Конвенция «О согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации брака», Кыргызстан присоединен к данному Договору. Согласно первой статье Конвенции, «в странах-участницах данной Конвенции не допускается принудительный брак, что брак не должен осуществляться без обоюдного согласия обеих сторон; также говорится, что регистрация брака осуществляется при свидетельстве органов правомочных регистрации брака, а также при личном согласии обеих сторон» [181]. Пункт 2 статьи 16 Всеобщей Декларации прав человека 1948 года содержит идентичное положение.

«В Кыргызстане более 70 % замужних женщин в селах – это, как правило, в прошлом *украденные невесты*. Однако по признанию сотрудников правоохранительных органов, довести дело до суда удастся крайне редко. Хотя кража невесты и является уголовным преступлением, за последние пять лет по этой статье были наказаны всего около 100 молодых людей» [182]. Практика принуждения женщины к вступлению в брак в Кыргызстане широко распространена. Так, по данным омбудсмана Кыргызской Республики, «Ежегодно в Кыргызстане крадут более 15 тысяч невест, объясняя это национальными традициями» [183].

В связи с тем, что похищение невесты с целью вступления в брак является одним из тяжелых нарушений прав человека, в ноябре 2011 года в Кыргызстане прошел месячник, приуроченный к Международному дню защиты прав человека, который был посвящен проблеме похищения невест. «В сообщении говорится, что цель месячника заключается в том, чтобы «развенчать миф о том, что умыкание невест является национальным обычаем», он требует пристального внимания правоохранительных органов и правозащитных организаций» [184].

Современное понимание умыкания невесты, на наш взгляд, ничего общего не имеет с его традиционным пониманием, поскольку мотивы и предпосылки были совершенно разными.

Согласно Закону о внесении изменений в Уголовный Кодекс Кыргызской Республики, принятый 20 декабря 2012 года Жогорку Кешеном Кыргызской Республики [185] и утвержденный Приказом Президента Кыргызской Республики в январе 2013 года, предусматривается «ужесточение наказания и изменение санкции части второй статьи 154 УК КР путем увеличения минимального срока наказания – от трех до пяти лет лишения свободы, максимального – от семи до десяти лет; и разделение статьи 155 УК КР на две части, выделение в части второй самостоятельного квалифицирующего признака преступления – похищение женщины для вступления в брак вопреки ее воле и усиление ответственности за совершение данного преступления путем установления наказания в виде лишения свободы на срок от пяти до семи лет» [186]. Мы считаем, что принятие такого закона было целесообразным, поскольку, например, за скотокрадство по статье 165 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики санкция была о выше, чем за «умыкание невесты» по предыдущей версии статьи 155 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики.

Необходимо подчеркнуть, что адатом ранее предусматривались жесткие санкции за похищение замужней женщины, однако современное законодательство до сих пор не учитывает данные моменты, хотя практика знает такие примеры. Несмотря на принятие изменений в статьи 154, 155 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики, уголовным законодательством не учтены отягчающие обстоятельства при совершении данного преступления. Так, в процессе умыкания невесты участие принимают несколько человек, однако при «краже невесты» законодатель не предусматривает таких обстоятельств, как групповой характер преступления, пособничество, нанесение телесных повреждений, доведение до самоубийства.

На наш взгляд, в данной ситуации необходимы меры, направленные на коррекцию сложившейся практики по краже невест. К таким мерам можно отнести: дальнейшее ужесточение законодательства за похищение невесты, «создание женских групп взаимопомощи, поддержка со стороны государства действующих кризисных центров для пострадавших женщин» [187]. Необходи-

мо также осуществлять меры по информированности населения о неправомерности такого деяния (ала качуу).

Изучив данный вопрос более детально, мы можем сделать вывод, что похищение невесты в традиционном кыргызском обществе являлось тяжким преступлением, за совершение которого предусматривалась ответственность и жесткие санкции. Сегодня вопрос относительно похищения женщины с целью вступления в брак требует дальнейшей детальной правовой доработки.

Насилие над женщиной. Насильственные действия в отношении женщины, в первую очередь, рассматривались обычным правом как посягательство на ее неприкосновенность. Так, согласно статьям 93, 96 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда от 1893 года, «за обиду или за нанесение побоев женщине назначались соответствующие айыпы» [14, с. 440].

Женщины могли обращаться в суд биев с просьбой о защите в связи с истязаниями ее со стороны мужа. «За насильственные действия суд мог применить наказание к мужу» [14, с. 442].

В отношении изнасилования женщин следует отметить, что не только уголовное обычное право кыргызов, но и обычное право других народов к этим видам преступлений всегда относилось очень строго.

Необходимо отметить, что изнасилование считалось одним из тяжких преступлений в области семейно-брачных отношений. По адату изнасилование женщины рассматривалось как грубейшее нарушение устоев чужой семьи. Изнасилование женщины являлось позором для ее семьи, мужа и родственников. Кыргызское обычное право различало изнасилование не сватанной, сватанной или замужней женщины. Виновного в изнасиловании не сватанной девушки заставляли жениться на ней, уплатив ее родителям калым, а также айып за бесчестие.

Покушение на совершение данного преступления также было наказуемо.

После вхождения в состав России, под воздействием имперского законодательства, смертная казнь за изнасилование женщин в Кыргызстане применяться не стала, а стали взыскивать с виновных калым, айып, а в случае смерти – кун. Об этих изменениях

Г. Загряжский писал: «Если растление произошло с согласия еще не сосватанной девицы или незамужней женщины, то виновные подвергались штрафу, начиная от ат-тона до трех (тогузов) – девятки скота, а когда изнасиловали девочку, не достигшую 12-ти лет или сватанную девицу, то виновные обязаны были уплатить полный калым и сверх этого еще и штраф от 3-х до 5-ти тогузов» [25, с. 31].

Прелюбодеяние со стороны женщины считалось серьезным нарушением семейных ценностей и кыргызского общества в целом. Нарушение супружеской верности со стороны мужчины же не рассматривалось как преступление. Максимум, за такой проступок мужчина наказывался лишь штрафом, поскольку данный проступок рассматривался как нарушение правового пространства чужого семейства. По нормам кыргызского адата за прелюбодеяние к совершившим его могли применить различные виды наказания, такие как кун, телесные или позорящие наказания, изгнание из общины или даже смертную казнь. Наказание применялось как к женщине, совершившей измену, так и к мужчине. Так, Путницев в своих описаниях «О киргизских законах» указывал: «Буде сватанная девка целомудрие отдаст другому, то отец оной отдать должен жениху, яко предателю ту и еще сверх оной другую. Равно родственники блудодетеля отдать должны жениху девку же, а виновных отдают на произвол его убить или оставить живыми, ибо хотя и следовало бы за поношение чести оных живого лишить, но это в его воле отдать или отнять им жизнь» [188, с. 20]. Так, прелюбодеяние женщины влекло очень строгое наказание и по обычаям других народов. М. Ковалевский писал: «Жену-прелюбодейку раздевали донага и сажали у индусов на обезьяну и на осла у осетин и водили по площади или улице, на которой стояли собравшиеся родственники, причем каждый из них, и во главе их муж, обязаны были ей наносить удары, от которых она подчас и умирала» [189, с. 53].

С середины XIX века наказания за прелюбодеяние были смягчены. Помимо права на развод, разрешались только айып, телесные или позорящиеся наказания. Смертная казнь, либо же осуществление личной мести уже были запрещены царской властью. «Телесные наказания назначались от 10 до 60 ударов розга-

ми или до 90 ударов камчой» [190, с. 78]. Айып назначался в размере от одного халата и лошади до трех тогузов.

Так, «прелюбодеяние жены должно было быть доказано суду или свидетелями, или присягами двух родичей со стороны истца. За доказанное прелюбодеяние жены с любовником приговаривается штраф, смотря по значению оскорбленного лица, от одного халата до девяти, начиная с лошади. Кроме того, по желанию мужа дается жене развод с лишением виновной права на детей и имущество, а мужу приговаривается часть калыма. За блуд с девицею взыскивается штраф один халат, или лошадь и халат» [14, с. 442]. В зависимости от региона устанавливались разные размеры айыпа.

Нормами кыргызского обычного права, хотя и в ограниченных пределах, потерпевшему представлялось право по своей инициативе преследовать обидчика и мстить ему за нанесенные обиды. В праве сохранялись пережитки патриархально-родового начала в виде кровной и частной мести, право потерпевшего на самосуд над обидчиком, самоудовлетворение потерпевшего за обиды посредством барымты, власть главы семьи в отношении членов семьи, родственная ответственность сородичей за преступление, совершенное кем-либо из ее членов и др. Однако после вхождения Кыргызстана в состав России они стали постепенно исчезать под влиянием русского законодательства.

Подводя итоги всего вышеизложенного, мы приходим к выводу, что обычное право кыргызов определяло формы и способы защиты семейных прав, адат выделял понятие семейно-правовой ответственности, основанием которой являлся совершение противоправного деяния.

Таким образом, по второй главе автор сформулировал следующие выводы:

1) Преобразования общественных отношений кыргызов привели к распаду большой патриархальной семьи и переходу к малой индивидуальной, что было вызвано развитием частной собственности и ослаблением влияния норм обычного права. На основании анализа норм обычного права кыргызов автором предлагается определение «традиционной семьи», под которой

понимается регламентированная обычным правом общность лиц, созданная на основании брака, родства, свойства, усыновления или принятия детей на воспитание, связанных совместным бытом и взаимной ответственностью.

2) Традиционные семейные отношения кыргызов регулировались адатом, однако после вступления в состав России обычаям кыргызов нормативными актами российского государства придается статус правовых обычаев. В связи с этим автором сформулированы предмет и метод регулирования семейных отношений кыргызов. Исходя из специфичного предмета и метода правового регулирования семейных отношений, предполагается, что под традиционными семейными отношениями кыргызов понимались общественные отношения, возникающие из брака, кровного родства, свойства, усыновления, принятия детей на воспитание и из личных семейно-неимущественных, имущественных и наследственных отношений.

Нормы, регулирующие семейные отношения кыргызов, признавались общеобязательными; имели общий характер, заключающийся в том, что эти требования действовали постоянно при однородных условиях и носили повелительно-предосудительный характер.

3) Знание кыргыза своего положения в системе родства и свойства требовалось нормами обычного права, и было необходимо: а) при заключении брака в силу действия принципа экзогамии и запретов на вступления в брак по признаку свойства; б) для регулирования отношений, вытекающих из системы родства и свойства: взаимоотношений между близкими родственниками, обычай «жээндик», основанный на принципе авункулата, отношения с лицами по признаку свойства, предопределяющие круг имущественных обязательств.

4) Обычное право кыргызов защищало интересы семьи, и нарушение права одного из членов семьи рассматривалось как нарушение прав и интересов всей семьи. Адат становился на защиту прав и интересов женщины, поскольку кыргызская женщина как в статусе дочери, жены, так и матери имела значимое положение в семье и обществе. Обычное право кыргызов пред-

усматривало формы и способы защиты семейных прав, выделяло понятие семейно-правовой ответственности, основанием которой являлось совершение правонарушения. К правонарушениям против брачно-семейных отношений относились следующие деяния: оскорбление, нанесение обиды родителям и родственникам, осквернение могил предков, похищение женщины, изнасилование, прелюбодеяние, кровосмешение.

ГЛАВА 3. ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ И ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КЫРГЫЗОВ

3.1. Личные неимущественные отношения в семье

3.1.1. Личные отношения между супругами. По своей природе личные отношения между супругами не могут быть регламентированы подробно юридическими правилами, в связи с чем нельзя ожидать и от обычного права подробной юридической регламентации личных неимущественных отношений супругов. Однако, поскольку отношения между супругами у кыргызов характеризовались наличием сильных пережитков патриархальных отношений, то сфера личных отношений супругов все-таки регулировалась обычным правом: так, отношения внутри семьи строились на основании строгой субординации: младшие подчинялись и беспрекословно исполняли волю главы семейства.

Личные отношения между супругами представляют собою две категории прав и обязанностей: одну из них составляют те отношения, которые можно назвать лично-хозяйственными – обязанность совместного жительства и обязанность содержания и обеспечения жилищными условиями; вторая категория вытекает из отношений личностного характера (обязанность супружеской верности, обязанность повиновения, обязанность уважения другого члена семьи и др.).

Правовой статус главы семьи – отца, мужа – определялся обычно-правовыми нормами. Право главы семьи включало в себя ряд следующих правомочий:

- 1) Решение семейных вопросов. Так, мужчина, глава семьи, принимал основные решения во всех вопросах семейной жизни.
- 2) Разрешения внутрисемейных споров.

3) Глава семьи имел право наказывать сыновей за непослушание по своему решению и даже в некоторых случаях прогнать их из своего дома.

4) Распределение наследства по своему усмотрению и даже право лишения наследства своих детей.

5) Право выбора мужа для дочерей, а также решение вопросов относительно приданого дочери.

6) Право распоряжения общей семейной собственностью.

7) Право иметь несколько жен.

Помимо вышеуказанных прав на главу семьи налагались определенные обязанности, важной из которых была обязанность содержать жену. Бии удовлетворяли жалобы жен в случае нарушения мужьями этой обязанности и принуждали их к тому, что бы они доставляли женам необходимые средства на жизнь. Также обязанностью отца была ответственность за содержание и воспитание несовершеннолетних детей.

Старший по возрасту мужчина являлся главой семьи до конца жизни. Даже в преклонном возрасте, в силу невозможности управлять хозяйством, юридически он оставался главой семьи.

С. Абрамзон писал: «Женщина при посторонних лицах называла мужа *абышка* (старик) или *кожоюнум* (мой хозяин). Еще чаще было обращение к мужу *байым* (мой господин или муж). Муж, со своей стороны, жену называл *жанагы* (давешняя, та самая), *ой, катын*, (эй, баба), *биздин үйдөгү* (та, которая в нашем доме)» [49, с. 277].

Согласно нормам обычного права, учитывая кочевой образ жизни кыргызов, статус женщины в семье выражался в равном положении с мужчиной, как хранительницы домашнего очага. «Домашняя работа, – отмечал А. Бебель, – приучила женщину не знать никакой меры во времени для своего труда, она без всякого сопротивления позволяет предъявлять к себе повышенные требования... Женщина, кроме того, более, чем мужчина, прикреплена к своему месту жительства» [191, с. 263, 266].

Согласно исследовательским работам многих досоветских и советских авторов (Гродеков, Загряжский, Керимбаева и др.) воззрение кыргызов на женщину было проникнуто крайним пре-

небрежением – кыргызская женщина была имуществом своего мужа. Продолжая идею английского историка права Г. Мен, некоторые ученые считали, что «женщина, лишённая гражданских прав в обществе, обречена на пожизненное подчинение семье. На смену подчинения женщины ее кровным родственникам идет подчинение мужу» [192, с. 93]. В свою очередь, М.О. Косвен указывал, что «все это увеличивает юридический институт «вечной опеки», представляющий собой не что иное, как искусственное продолжение отцовской линии» [193, с. 27–33].

Однако по отношению к кыргызской женщине с такими взглядами трудно согласиться, поскольку на практике кыргызские женщины имели определенную самостоятельность в семейном быту, а порой и за его пределами. Во-первых, положение кыргызской женщины в семьях из различных классов было не одинаковым. «Именно в этих семьях, – писал С. Абрамзон про положение женщины в семьях низшего класса, – можно было встретить товарищеские отношения между мужем и женой, основанные на совместном труде в хозяйстве. Здесь патриархальные порядки тоже сохранялись и поддерживались, но лишь в весьма ослабленном виде» [49, с. 276]. Так, Н.А. Северцов отмечал: «...вообще киргизки не робкого десятка... киргизские женщины вообще отличаются «вольнодумством», они «властей не признающие». Хотя женщина и вечная работница в кибитке, но «далеко не раба, а полная хозяйка» [194, с. 390]. И.П. Ювачев имел такие же идентичные суждения: «Киргизка – прекрасная наездница, отличная работница и разбитная женщина в кругу гостей. Случалось, что киргизки выступали и на общественную деятельность» [195, с. 964]. Ярким примером участия кыргызской женщины в общественной и политической деятельности была «Курманжан Датка – государственная и военная деятельница, предводительница и правительница алайских киргизов («мать нации») с 1832 по 1876 годы. Также она известна как «Алайская царица», «Королева Юга» и «Мать нации». Имела звание датка (генерал) в Кокандском ханстве и Бухарском эмирате и Полковника Российской императорской армии (1876)» [196].

Кыргызская женщина имела более благоприятный правовой статус по сравнению со статусом женщины других народов Центральной Азии. Кыргызская женщина «не была затворницей, не должна была закрываться, имела право открыто находиться в мужском обществе (если в таком мужском обществе не присутствовали лица, по отношению которых женщина обязана была соблюдать обычай *кайындаш*)» [49, с. 276]. Значимой особенностью в ведении хозяйства кыргызской семьи являлось равноправие между мужчиной и женщиной. Так, по этому поводу С.Г. Кляшторный писал: «В условиях патриархального натурального хозяйства, а любое кочевое или полукочевое хозяйство является таковым, благосостояние семьи зависело не только от количества скота, его сохранности и воспроизводства, но и от способности своевременно и полностью переработать, подготовить к использованию и хранению всю многообразную продукцию животноводства, охоты, собирательства, подсобного земледелия. Во всем этом женский труд играл основную роль» [197, с. 165]. «Жена у кочующего если не раба, то уже безусловная работница по дому. Муж лежит или сидит у огня, курит табак, ест, пьет и работа его состоит в том, что два раза в неделю объедет посмотреть свои стада; жена рубит дрова, готовит кушанья, шьет платья, обувь, выделывает звериные шкуры...» [198, с. 46]. С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов считали, что «у кочевников доля участия женщин в повседневной трудовой деятельности превышает трудовой вклад мужчин» [199, с. 74]. В связи с этим труд женщины играл значимую роль в быту семьи, что и давало ей определенную свободу и самостоятельность в управлении домашним хозяйством. «Для мужчины было зазорным выполнять домашнюю работу, поэтому от работоспособности жены зависит целиком все домашнее хозяйство», – писал о кыргызских женщинах П. Кушнер [43, с. 69]. «Женщины у инородцев всегда в работе, без них едва либо возможно было хозяйство; они не только ходят за скотом, но выделывают мерлушки, овчины, кожи конские и скотские, одежду и обувь себе, детям, мужу и работникам, ездят по дрова и сено и нередко пасут лошадей и скот» [200, с. 26].

Также о достаточной самостоятельности жены в сфере домашнего хозяйства говорят следующие кыргызские поговорки: «Катын ишин билет, эркек кушун билет (Женщина своими домашними делами заправляет, мужчинами соколами ведает)»; «Катындуу жерде челек бар (Где есть женщина, там есть и ведро, то есть предметы домашнего обихода)»; «Катын жакшы – эр жакшы» (Жена хороша, так и муж хорош, репутацию мужа создает жена); «Катыны жамандын казаны сынык, эркеги жамандын бычагы ийри» (У кого жена дрянная, у того котел с трещиной, у кого муж дрянной, у того нож кривой) [15, с. 59] и др.

Таким образом, кыргызская женщина имела определенную самостоятельность в сфере управления домашним хозяйством, согласно обычаям она имела существенные права в юридических, политических аспектах семейной и общественной жизни.

На основании вышесказанного мы можем заключить, что правовой статус замужней женщины заключался в следующих правомочиях и обязанностях:

- правовое положение кыргызской женщины базировалось на принципе равноправия сторон брачного союза, а также на принципе уважения и почтения женщины как хранительницы домашнего очага;

- однако замужняя женщина не имела права выступать как полноценный субъект правоотношений. Все юридически действия от ее имени совершал муж, это было необходимо для защиты семейной собственности, за сохранность которой полностью отвечал глава семьи;

- на женщине, как на матери, лежала обязанность по воспитанию и уходу за детьми;

- женщина имела право обращаться с жалобой в суд в качестве истца или обвиняемого;

- замужняя женщина имела право на развод;

- женщина имела право на наследство.

Необходимо отметить, что обычное право устанавливало для замужней кыргызской женщины соответствующие нормы поведения, выразившиеся в обычаях – запретах (кайындаш). Так, она не могла сидеть спиной к родственникам мужа, сидеть с протяну-

той ногой, резко и громко говорить, ходить с непокрытой головой, босой, называть по имени родственников мужа и должна была избегать прямой встречи со старшими родственниками мужа. Обычай избегания, по словам З.Л. Соколовой, «широко известное правило у народов Кавказа, Средней Азии, Индии, Южной Америки» [201, с. 47]. «Этот запрет действовал в течение всей жизни невестки. Обычай избегания был именно правовым обычаем, а не обремененностью невестки. Даже в глубокой старости женщина в дань уважения не называла имени умерших родственников мужа, за них их имена озвучивали, кто-нибудь из присутствующих, которые их знали. Существовавшие нормы общения можно рассматривать как традиционный этикет, об этом говорит и устное народное творчество: «Калынсыз кыз болсо да, каадасыз болбойт» (Невеста бывает и без калыма, но без соблюдения обычаев не бывает) [15, с. 55].

3.1.2. Взаимоотношения между родителями и детьми. Личные неимущественные отношения между родителями и детьми делились на:

- отношения между родителями и совершеннолетними детьми;
- между родителями и несовершеннолетними;
- отношения усыновитель – усыновленный.

Взаимоотношения между родителями и детьми были основаны на патриархальных принципах. Поскольку у родителей была обязанность воспитания и полного обеспечения своих детей, то отсюда и вытекала обязанность абсолютного подчинения со стороны детей. Личные отношения между поколениями сводились к праву власти, принадлежащему родителям по отношению к детям и к обязанности детей повиноваться приказам родителей. «Отец не имеет права продавать своих детей и лишать их жизни. Для исправления своих детей отец имеет право употреблять домашние исправительные меры. В случае недействительности этих мер родители имеют право жаловаться на своих детей биям, которые наказывают их, по желанию отца и матери» [25, с. 27–28]. Также за отцом было право выгнать сына за непослушание, предоставив ему выдел по своему усмотрению.

Власть родителей простирается и на выбор мужа для дочери и жены для сына. Дочь в сравнении с сыном находится несколько в ином положении. Объясняется это тем, что остается членом семьи лишь временно, до выхода замуж, и что за тем прекращается почти всякая связь между семьей и ею.

«Ата жакшы – уул жакшы, эне жакшы – кыз жакшы» (Отец хорош – сын хорош, мать хороша – дочь хороша), говорит кыргызская поговорка [15, с. 17]. Эта поговорка прямо вытекает из основанных на обычаях обязанностях родителей по отношению к своим детям. Власть матери не в такой степени простирается над сыновьями, как над дочерьми. Дочь находится в непосредственном распоряжении матери, отец не имеет на нее прямого влияния и, будучи недоволен ею, не наказывает ее сам, а поручает это матери.

Дети же обязаны были почитать своих родителей, «повиноваться им и доставлять содержание и пропитание, если они бедны».

Практика не знает дел обращения кыргызов в народные суды об избиении своими детьми. Однако в настоящее время, учитывая падение традиционных нравов в обществе, такие факты по отношению к престарелым людям непосредственно в семейном быту участились, в связи с чем, мы предлагаем ужесточить меру наказания за избиение престарелых людей. Так, пунктом 6 статьи 55 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики «Обстоятельства, отягчающие ответственность» предусматривается такое обстоятельство, как совершение преступления в отношении престарелого, однако статьями 104, 105, 110, 111 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики, касающиеся причинению вреда здоровью, данное обстоятельство отсутствует. В связи с этим мы предлагаем в особенную часть вышеуказанных статей включить пункт «в отношении престарелого».

Обычное право кыргызов содержало такой институт, как «асырап алуу» (усыновление). «Основными причинами этого обычая являлись: высокая детская смертность, бесплодие женщин, материальное затруднение семьи. Акт усыновления совершался в присутствии свидетелей – сородичей и сопровождался обрядом, заключавшемся в том, что приемная мать усыновляемо-

го дает пососать свою грудь усыновляемому» [202, с. 111]. «Так приемный ребенок становится молочным братом родного сына. Усыновление происходило как в младенческом, так и старшем возрасте, примерно до 15 лет. Усыновленному давали новое имя, и он принимал имя приемного отца» [19, с. 80].

Каждый кыргыз мог усыновлять как ближайших своих родственников, так и посторонних. Кыргызы добровольно отдавали на воспитание другим лицам своих детей только в знак особой дружбы, уважения к ближнему и, в большей части, бездетному родственнику. Порядок обычая усыновления ярко описан в кыргызском эпосе «Манас», где есть рассказ об усыновлении родителями Манаса будущего его сподвижника Алмамбета [203, с. 101].

Воспитание, содержание всецело лежали на обязанности усыновителя; родители не имели права вмешиваться, так как вмешательство рассматривалось как недоверие. «В большинстве случаев усыновляли мальчиков – сыновей родственников (часто близких) по мужской линии (сына брата, внука, внучатого племянника)» [204, с. 155]. Если была удочерена незамужняя девушка, то калым за нее получает ее приемный отец, родителям же девушки передавалась только часть подарков и часть «эне сүтү». Если родителей не было в живых, то все оставалось у усыновителя.

Воспитание и содержание ребенка в случае смерти его обоих родителей являлось обязанностью родственников родителей. На собрании старшие родственники умерших родителей назначали из числа близких родственников, в основном со стороны отца, будущих усыновителей этого ребенка. Таким образом, вопрос усыновления решался всегда родственниками родителей усыновляемого ребенка. Это доказывается тем, что в судебной практике до 1917 года отсутствуют дела об опеке или попечительстве над кыргызскими детьми. Так, изучив судебные дела государственного архива Кыргызской Республики, мы приходим к выводу, что после установления в Кыргызстане российской власти существовали специальные судебные учреждения, которые, непосредственно, рассматривали дела, касающиеся установления опеки и попечительства над ребенком (к примеру, Пржевальский городской сиротский суд, Пишпекский городской сиротский суд, дела

Мирового судьи Ошского уезда). Основной характеристикой дел, рассматриваемых в судах до установления советской власти, являлось указание национальности или социального статуса истца, либо же указание по делам установления опеки над малолетними в связи со смертью родителей. Среди исследованных судебных прецедентов не было дел с участием представителей кыргызской национальности; дела касались, в первую очередь, представителей Российской империи, видимо, русской национальности или узбеков. Изучены были следующие дела: Дело Пржевальского городского сиротского суда об опеке над имуществом и малолетними детьми, оставшимися после смерти крестьянина Пензской губернии Алексея Паршина от 19 декабря 1900 года [205, с. 1], Дело Пишпекского городского сиротского суда по опеке над имуществом и детям ташкентского сарта И. Мурзабаева от 2 июня 1889 года [206, с. 1], Дело Пржевальского городского сиротского суда об опеке над имуществом и малолетними детьми, оставшимися после смерти пржевальского мещанина Ильгабата Катаева [207, с. 1], Дело Пржевальского городского сиротского суда об опеке над имуществом и малолетними детьми, оставшимися после смерти семипалатинского мещанина И. Курочкина от 7 августа 1907 года [208, с. 1], Дело мирового судьи Ошского уезда по утверждению опеки над малолетней Н. Теминой от 1887 года [209, с. 1] и др. [210]. Проведя анализ практики судов, мы можем предположить, что по вопросам усыновления кыргызское население не обращалось в судебные учреждения, а решало такие вопросы самостоятельно.

Согласно обычаю *күч күйөө*, случалось, что «жених, а в будущем зять, если у него нет родственников, переходит к тестю и полностью подчиняется ему как сын» [19, с. 78]. По своему статусу он приравнивался к усыновленному. После смерти тестя он участвовал в разделе наследства на правах одного из средних сыновей.

Такого юридического понятия, как «рожденный вне брака» в адате, не существовало. В семье все решения принимал глава семьи, и в силу этого ребенок, рожденный вне брака, мог иметь такие же права, как законные дети, если только его признавал

отец. Незаконнорожденными по адату считались дети, рожденные вне брака или же замужней женщиной не от своего мужа. «Дети, прижитые с посторонними людьми, например, не сватанной девушкой с кем-нибудь, сватанной не с женихом, прислугой с чужим человеком и т.д., остаются при матери, а после ее смерти переходят к ее роду и всю жизнь считаются презренными существами» [202, с. 111].

3.1.3. Личные отношения между другими родственниками. Как мы отмечали ранее, родственные связи для кыргыза являлись существенным звеном в регулировании любых общественных отношений, которые регламентировались нормами обычного права кыргызов.

Адат выделял личные отношения членов семьи с другими родственниками и личные отношения между родственниками, вне зависимости от степени родства.

Обычное право кыргызов устанавливало право ребенка на общение с дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками, например, существовали особые отношения в виде *жээндик* между ребенком и дядей по линии матери. Далее, адатом определялись соответствующие обязательства старших кровных родственников по отношению к младшим, обязанности дедушки и бабушки по содержанию внуков и т. д. Так, если кыргыз брал на воспитание внука или сына дочери – жээн, то он не должен был предоставлять ему выдел; внук, женившись на средства деда, обычно возвращался к своему отцу, от которого и получал юрту и выдел. На наследство деда внук не имел никаких особых прав, в качестве усыновленного, поскольку он рассматривался не как усыновленное лицо, а как принятый на воспитание.

Личные отношения между родственниками находили свою реализацию через «обычай *«родовой помощи»*», который носил характер родовой поддержки и выручки» [211, с. 198]. «Родовая помощь» могла выражаться в виде: 1) *кошумча* – обычая, состоящего в помощи родственнику в организации поминок, свадеб, или при уплате калыма, приданого, штрафа и т. п. «Если у ответчика не хватало собственного скота, то взыскание было обращено сначала на его родственников в ауле, а при их несостоятель-

ности – на родственников в волости, только в случае недостатка средств у родственников взыскание обращалось на десяток, потом на пятидесяток, а затем на весь аул»; 2) *журтчулук* – обычая обращения за помощью к родственникам в связи с падежом скота или набегах; 3) *конок алуу* – обычая принятия гостей родственников с ночлегом и угощением во время тоя или поминок. «Лица, отказавшиеся от уплаты сборов, связанных с угощением гостей во время аша или тоя, облагались большим штрафом, который мог состоять из 9 голов скота» [211, с. 198].

В данном разделе были рассмотрены вопросы регулирования взаимоотношений между членами одной семьи и с другими родственниками. Семейные ценности опирались на сложенные веками традиции, правила совместного проживания членов семьи, выраженные в нормах обычного права. Поскольку личные неимущественные отношения в семье были публичного характера, то нормы, регулирующие такие отношения, в своем большинстве были императивными. Такая жесткая регламентация прав и обязанностей каждого члена семьи, может, и не учитывала мнения и желания каждого, однако в интересах всей семьи помогала организовывать быт и совместными усилиями решать ежедневные проблемы. Таким образом, мы можем сказать, что семья у кыргызов характеризовалась такими признаками, как организованность и взаимоуважение. Одним из положительных аспектов адата было в том, что он предусматривал систему взаимной ответственности родственников за детей, оставшихся без родителей и опеки, тем самым, отражая такую характеристику кыргызской семьи, как взаимопомощь и взаимная ответственность.

3.2. Энци, калым и приданое по нормам обычного права кыргызов

Согласно нормам обычного права выдел имущества (энчи), выкуп невесты (калым) и приданое (сеп) являлись важными и тесно взаимосвязанными друг с другом институтами брачно-семейных отношений между кыргызами.

3.2.1. Энчи по нормам обычного права кыргызов

Рассмотрим первоначально общие положения выдела имущества для детей. Одним из основных имущественных прав детей было право на выдел – энчи [45, с. 49]. Обычай различал энчи для сыновей и энчи для замужних дочерей, поскольку каждый вид выдела имел свои особенности. Раздел имущества для выдела детей являлся одним из самых сложных элементов адата.

У родителей была обязанность обеспечить своих детей определенным имуществом. Это это подтверждает кыргызский фольклор: «Эркек болсо кулуну, энчилейин балама» (Если жеребенок будет мужского пола, я выделю его своему сыну); «Эзелден кыргыз элимден энчилеген жери экен» (Земля, которой мой кыргызский народ исконно владеет по наследству) [174, с. 455–456]. «Отец при жизни старался женить старших сыновей и наделить их известным количеством скота, юртой и домашней утварью, так называемой энчи (доля)» [19, с. 80].

Обычай устанавливает определенные доли каждого сына в семейном хозяйстве при выделе, «обычай запрещает отцу отказывать в выделе, если к тому нет слишком веских оснований» [43, с. 69]. Глава семьи, решившись выделить одного из своих детей, объявлял родственникам о своем намерении и о том, какую часть имущества он предоставляет выделяемому. Величина выдела членов семьи зависела от имущественного состояния семьи и усмотрения родителей. Если сын был не доволен выделенным энчи, то он не мог сказать об этом отцу; сын говорил об этом ему косвенно, через родственников.

Неотделенные сыновья проживали совместно с родителями, отделенные сыновья осуществляли самостоятельное хозяйство. Однако необходимо отметить, что младший сын не имел право на выдел, такое могло произойти только в исключительных случаях, поскольку он должен был жить вместе с родителями, и после смерти отца младший сын наследовал все оставшееся семейное имущество по принципу минората. Поэтому на долю младшего приходилось имущество, оставшееся после выдела братьев, а именно: юрта, домашнее имущество, скот и др.

Помимо выделяемого имущества для энчи отец должен был платить калым за своих сыновей, в связи с чем при выделении сыновей отец разбивал, за вычетом калымов, все имущество на столько частей, сколько у не было сыновей, за исключением младшего сына.

На имущество выделенных сыновей отец не имел каких-либо прав, однако в случае тяжелого экономического положения отец имел право на содержание и помощь со стороны отделенного сына. Если родитель с жалобой на детей обращался к биям, то дело решалось всегда в пользу родителя, поскольку содержание престарелых родителей являлось одной из главных обязанностей детей. Если же отец с матерью проживали у сына, то такие дела решались в пользу родителей незамедлительно. Однако иски детей к родителям бии не принимали, так как такие дела решались в кругу родственников, которые в случае конфликтов в семье помогали отделить сына от отца, предоставив ему небольшую часть имущества. Исключение из этого составляла «жалоба о том, что отец не женит сына и не отделяет его» [43, с. 69].

Одной из важных причин выделов являлись споры из-за наследства, поэтому во избежание таких конфликтов отец при жизни выделял соответствующую часть имущества членам семьи, достигшим совершеннолетия – энчи. Если бы отец желал лишить невыделенного сына наследства, то он непременно должен был выделить его еще при своей жизни. Если же невыделенных не было (это возможно только в случае смерти младшего), то все имущество умершего переходило к отделенным сыновьям и делилось между ними поровну.

«Выделение сыновей происходит по старшинству и после их вступления в брак, но не ранее того, как сын достигнет пятнадцати лет» [25]. Однако в разных регионах Кыргызстана данный возраст варьировался. К примеру, если «у таласских киргизов выделяли сына не раньше, чем ему исполнялось 13 лет, и только после того, как он вступал в брак» [45, с. 43], то «у чуйских и тьянь-шаньских киргизов совершеннолетие наступало позднее, и, следовательно, выдел происходил также позднее» [49, с. 273]. Если же совершеннолетний сын не был отделен, то отец ему все

же выдавал определенное количество скота для пищи и домашнего употребления [212]. «До совершеннолетия дети обоего пола находились в полной зависимости от своих родителей» [213, с. 14].

«Сына, достигшего 20-летнего возраста, если не всегда отделяли, то ставили ему отдельную юрту, недалеко от отца. Но это относилось, конечно, к более обеспеченным слоям населения, потому что рядовая семья не всегда имела возможность ставить отдельную юрту невыделенному сыну» [49, с. 273–274]. Семьи из бедных слоев населения могли выделить своих сыновей только в редких случаях, поскольку, разделив небольшое имущество, ни отец, ни сын не могли бы существовать самостоятельно, в связи с чем и разъясняется существование больших семей кыргызов.

Если отец не мог выделить сына по его просьбе в данное время, то сын имел право выйти из семьи без энчи, но уже с утратой права требования причитающего ему имущества в будущем.

Адат рассматривал энчи дочери как часть приданого. «Дочери имели право на энчи, который выдавался отцом своей замужней дочери в течение от одного года до трех лет после свадьбы», – отмечал А. Джумагулов [88, с. 41]. Энчи состоял, главным образом, из разного рода скота. Так, К.Д. Басаева отмечала, что и «у бурят в приданое невесте давали скот (*энжи*), количество которого зависело от благосостояния родителей» [214].

3.2.2. *Калым (калың)*. На наш взгляд, калым являлся отдельным институтом имущественного обычного права кыргызов, поскольку об этом свидетельствуют как нормы Эреже, так и материалы исследовательских работ, и практика народных биев. Так, Н.Л. Кисляков рассматривал калым как институт имущественного права: «Калым представляет собой покупку невесты и соответствует эпохе разложения первобытнообщинного строя, а именно стадии господства патриархальной (большой) семьи» [114]. Г. Загряжский отмечал, что «вступающий в брак обязан выплатить родственникам невесты калым» [25, с. 27–28].

Однако, по-нашему, такие взгляды на институт калыма являются спорными [215, с. 14]. В конце XX века исследователи В. Наливкин и М. Наливкина отмечали: «Получив калым, родители невесты обязуются соразмерно количеству последнего снаб-

дочь при отправке ее к мужу...» [216, с. 202, 207]. Таким образом, мы можем предположить что, поскольку приданное было соразмерно полученному калыму, получение калыма и передача приданого можно рассматривать как своеобразный договор мены. К такому выводу приходили в своих работах многие исследователи: О.А. Сухарева, Н.Н. Ершов, В. Наливкин [216, с. 202; 217, с. 78, 176.]. Так, в своей статье С. Абашин, отрицая точку зрения Н. Кислякова, возражает представлению калыма как покупки невесты, указывая, что «у народов Средней Азии размеры калыма, т. е. всех подарков, которые сторона жениха передает стороне невесты, соответствуют размерам приданого, с которым невеста приходит в дом жениха» [216, с. 428].

Однако Н.А. Кисляков отрицал такого рода соображения, считая, что «неправильным утверждение, что калым есть эквивалент приданого... Калым, так и приданое – особые, самостоятельные институты, по-видимому, и возникшие на разных стадиях общественного развития, причем институт калыма возник раньше, институт приданого позже... нет ничего удивительного в том, что на определенной какой-то стадии калым и приданое уравниваются» [219, с. 151]. Однако в своих же утверждениях ученый отмечал, что калым должен рассматриваться не только как выкуп за невесту, но и как оплата за расходы, понесенные в связи с организацией свадебных мероприятий: «Калым у оседлых народов Средней Азии как бы уменьшается в размере, сокращается и превращается в некую фикцию или предназначен для покрытия расходов по устройству свадебного праздника и расходов на обзаведение новобрачных» [220, с. 77].

В связи существующей ранее родовой общиной у кыргызов, необходимо указать, что калым ранее уплачивался не только семье невесты, а всему роду, к которому она принадлежала, и только позднее, в связи с изменением патриархально-феодальных отношений, семье девушки, и затем только – ее родителям. Данному вопросу уделяют мало внимания, хотя его изучение раскрывает суть и генезис калыма. «Обычай *собира*ния калыма группой родственников жениха был использован оформившейся родоплеменной, а затем и феодальной знатью в качестве формы *собира*ния

дани с зависимого населения в целях преподнесения ее в качестве богатого свадебного дара знатным родственникам невесты», – отмечал С. Абрамзон [49, с. 233]. Например, «Великая хартия вольностей» также содержит положения об обязательстве знати по отношению к монарху вносить внеочередные подати в случае выхода замуж принцессы [221].

Приготовление и уплата калыма являлось делом всей родовой группы, каждый родственник считал своей обязанностью помочь отцу жениха в уплате калыма и помогал в меру своих возможностей. «Лишь после уплаты большей части калыма и обмена подарками между сторонами будущих супругов, жених имел право посетить аил невесты и впервые на нее взглянуть» [88, с. 36]. Адаг устанавливал, что «в уплате калыма должен участвовать не только отец жениха, но и члены его семейно-родственной группы, так же как и полученный калым в значительной своей части поступал членам семейно-родственной группы невесты» [222, с. 3, 4]. «Сородичи жениха неоднократно собираются вместе для определения их материальной помощи в уплате калыма» [223, с. 233]. «По обычаю в уплате калыма должны помогать жениху его родственники и, если бы он был настолько состоятелен, что сам мог бы уплатить калым, он все-таки просит помощи, потому что ранее сам помогал родным и знает, что будет помогать после, а потому случаем своей женитьбы пользуется, чтобы вернуть то, что сам израсходовал на помощь» [224, с. 7].

Институт калыма существовал у народов Южной Сибири и Средней Азии и с развитием общества видоизменялся, но не терял своей актуальности, – указывали в своих работах многие исследователи [225].

Однако по поводу существования такого феномена, как калым, нам более всего интересна точка зрения С. Полякова, который полностью критикует взгляды ряда советских авторов, считая неправильным рассмотрение калыма как элемента феодально-патриархальных отношений [226, с. 54–57]. В своей работе он пишет: «Генезис этого явления, по существу, такой же, как и у работорговли. Не вдаваясь в анализ научных дискуссий исследователей по поводу калыма XVIII века, я хотел бы отме-

тить, что никто из них не может объяснить, почему это явление до сих пор продолжается. Неправильно определить калым как пережиток ранних социальных отношений, как делают многие советские источники. Калым развивается, а его размеры растут. Калым можно рассматривать как опасную национальную традицию, он не имеет национальных границ. По сути, это социальное явление» [226, с. 54]. Далее С. Поляков отмечает, что «как и другие такие пережитки, калым сделали священной традицией. Пресса и очень небольшое число научных и популярных работ, которые в той или иной форме упоминают о сохранении традиции калыма (и никто из них не подвергался серьезной критике), не в состоянии раскрыть главный вопрос, который имеет много общего с экономической целесообразностью. В лучшем случае есть своего рода бессмысленные мнения о том, как тяжело для семьи жениха накопить калым. Уплата калыма в самом начале существования новой семьи уже создает целый ряд чрезвычайно негативных явлений и служит не только для стабилизации традиционализма, но даже для ее укрепления. Калым деградирует общество в целом» [226, с. 57]. На наш взгляд, точка зрения автора достаточно интересна и, действительно, мы соглашались с тем, что институт калыма изначально порождал негативные предпосылки создания семьи (невозможность начала совместной жизни будущих супругов без полной уплаты калыма, необходимость подготовки приданого и др.), однако мнение С. Полякова является поверхностным, поскольку не отражает весь традиционный быт кыргызской семьи и общества, не учитывает того факта, что калым сплочает родственные связи между кыргызами.

Брак считался юридическим состоявшимся после уплаты калыма за невесту. Так, например, в эпосе «Манас» Атемир просит за свою дочь у Джакыпа, отца Манаса, калым в 500 лошадей, 60 верблюдов, 200 коров, 2000 баранов и 40 тысяч деньгами [44, с. 19]. «Сорок дружинников прибыли, Сорок сотен лошадей пригнали: «Это что за лошадь?» На народ Джакыпа наложенную дань, За Каныкей сорок дружинников пригнали (в качестве) калыма» [227, с. 95].

«Для определения важности калыма в жизни кыргызского общества необходимо ознакомиться с размерами и составом калыма. Сведения о точном размере калыма, сохранившиеся в этнографической литературе, довольно противоречивы... В состав калыма у киргизов входил главным образом скот. У богатых скотоводов он исчислялся часто девятками (*тогуз*). По поводу размеров калыма у киргизов данные настолько разноречивы, что их трудно свести к каким-то определенным величинам», – указывал С.М. Абрамзон [49, с. 235].

На размер калыма влияли многие обстоятельства. Во внимание принимались социальное и имущественное положения обеих сторон, личные качества невесты, и т. д. Размер калыма «зависел от богатства, характера отца невесты и от качества того имущества, которое приготовлено в приданое» [212, с. 41].

В своей работе Л. Макартни указывала, что калым бедных кыргызов в восточном Туркестане приравнивался к 5–10 баранам, у богатых он состоял из лошадей и верблюдов, количество которых зависело от возраста и физических данных невесты [48, с. 145]. Э. Сайкс писала, что «в Восточном Туркестане кыргызы платили достаточно весомый калым за невесту... мужчина, у которого было несколько дочерей, считался богатым... Сотни овец была приемлемой ценой за невесту» [228, с. 119]. «Одну жену имеют только самые бедные киргизы. Для них уплата калыма настолько тяжелое дело, что вторичная уплата (в случае смерти первой жены) не всегда оказывается под силу», – отмечал П. Кушнер [43, с. 69].

Так, в архивном источнике по Прииссыккулю отмечалось: «...как калым у богатых достигает по стоимости нескольких тысяч рублей, так зачастую у бедняков он состоит из девяти вещей, начиная с жалкой лошадки и кончаясь куском сартовской бязи» [229, с. 27].

Главным образом, калым имел натуральный характер. Состав же калыма изменялся в зависимости от изменений в социальном отношении и в характере хозяйства. До присоединения Кыргызстана в состав России «состав калыма у богатых, наряду с крупным скотом, входили также рабы» [230, с. 28]. Начиная со второй

половины XIX века кыргызы платили калым крупным и мелким скотом, в связи с тем, что основной отраслью хозяйства было скотоводство. Так, «в начале XX века в Иссык-Кульской области калым составлял 100 голов крупного скота (лошади, коровы, верблюды), которых считали девятками (тогуз), и 1000 баранов. Средний калым – орто – насчитывал 50 голов крупного скота и 100 баранов. Айак, или бедный калым, – 25 голов крупного скота и 50 баранов» [44, с. 19]. Более позднее, примерно «в конце XIX – начале XX вв., в период широкого развития земледелия, в состав калыма добавляли и зерно» [65, с. 21]. С дальнейшим развитием товарно-денежных отношений, хотя в относительно редких случаях, «в состав калыма входили и деньги» [231]. К примеру, у хакасов в «состав калыма входил главным образом скот, но, начиная с XIX в., калым стал выплачиваться и деньгами» [232, с. 93]. П.Е. Островских относительно калыма у хачянцев в денежном эквиваленте приводит довольно точные сведения: «...чаще он достигал 200-300 рублей» [233, с. 319].

В состав калыма обязательно должна была входить лошадь – баш ат (т. е. за голову невесты). «Баш ат при внесении калыма считался настолько обязательной его частью, что о нем даже обычно не упоминали, считая само собой разумеющимся» [234, с. 20].

У кыргызов калым мог быть определенный или неопределенный. Калым определенного размера был распространен среди бедного и среднего слоев населения, причем это имело место в том случае, когда сватовство начиналось по достижению будущих супругов определенного возраста. Неопределенный калым практиковался у богатых кыргызов, когда будущие супруги еще были в малолетнем возрасте: «У богатых кыргызов нельзя уговаривать о величине калыма, это делают только бедняки» [43, с. 76].

Размеры калыма определяли родители, однако если родители не могли договориться о размере калыма, то вопрос передавали на решение доверителей. «Кара-киргызы при сватовстве не определяют количество калыма, они дают сначала 2-3 головы скота, а потом ежедневно по 1-2 головы» [45, с. 61]. Однако были случаи, когда отец жениха заявлял: «Малым жетти, малым жетпесе кунум жетти, кызды бер, балам да чоңойду, сенин кызын да

чонойду» (Мое имущество истощилось, а если не имущество, то, по крайней мере, мои дни истощились; дай девицу – и мой сын взрослый, и твоя дочь взрослая) [45, с. 62].

Неопределенный же калым не обсуждался. «Родители жениха платили сначала без счета. Переговоры о размерах и составе калыма обычно проводились во время сватовства или же сразу после него» [88, с. 34].

Обязательства по уплате калыма сторона жениха должна была полностью выполнить до даты свадьбы, об этом говорится и в нормах Эреже. К примеру, статья 26 Токмакского Эреже предусматривала: «Если увоз своей невесты сделан по уплате всего калыма и если о невыдаче невесты родителям жених заявлял, то жених к штрафу не приговаривается, невеста не возвращается, родители же понуждаются к выдаче приданого. Если же родители не выдают невесту, или потому что не приготовили приданого, или просто по нежеланию, то им дается срок на приготовление приданого, или отделяется у отца взамен приданого часть скота, какую признает назначить суд биев, а жениху дается право взять невесту и без приданого» [14, с. 441].

Поступал калым непосредственно в распоряжение отца невесты, затем сливался с остальным семейным имуществом и переходил после его смерти его наследникам. Калым мог быть уплачен одновременно, либо постепенно.

Жених мог ежегодно вносить его частями. Невеста же ждала окончательной его уплаты, если же жених не был в состоянии уплатить весь калым, тогда ему или прощали оставшуюся часть и выдавали дочь, либо же прочили за него другую – помоложе, которая могла еще подождать, а старшую выдавали за другого. «В крайнем случае, родители невесты выдавали жениху обратно то, что от него было получено» [14, с. 441]. Но на практике такие случаи были весьма редки.

После уплаты калыма, в случае «смерти жениха невеста должна была выйти замуж за одного из его братьев, близкого родственника, а в случае смерти невесты за жениха отдавали ее младшую сестру», – данное положение предусматривалось как в нормах Эреже, так и в исследовательских работах [110, с. 238].

Поскольку калым являлся одним из спорных вопросов у кыргызов, то, логично, что почти в каждом Эреже народных биев рассматривались случаи уплаты или возвращения калыма. Так, например, Эреже Пишпекского чрезвычайного съезда биев от 1884 года 6 марта устанавливало: «Если кто увезет засватанную девицу, тогда старому жениху должен заплатить скот, который им был уплачен в калым и родители увезенной девицы должны получить от верблюда девять скотин, если взятый калым не в состоянии будут возвратить, тогда должен возвратить девицу и одного верблюда и восемь скотин, если кто увезет незасватанную девицу, должен платить калым одного верблюда и двадцать пять скотин» [14, с. 423–424]. Эреже чрезвычайного съезда Атбашинского участка биев 1905 года 18 сентября устанавливало: «Если похитит жених свою невесту и окажется не в состоянии выплатить калым в установленные сроки, то должен перед судом, переговорив с тестем, войти с последним в согласие» [235, с. 33].

Достаточно пристальное внимание уделяется вопросам калыма и в других Эреже: статьи 13, 14, 15 Эреже населений Иссык-Кульского и Джаркентского уездов от 20 мая 1889 года [236, с. 52–53], Эреже населений Иссык-Кульского Джаркентского уезда от 2 июля 1890 года [237, с. 48–49], Эреже народных судей Аулиеатинского уезда 1906 года [14, с. 458], Эреже Аулиеатинского уезда 1907 года [14, с. 459–460].

Необходимо отметить, что калым существовал не только в Центральной Азии, но и в Российской империи: «На существование калыма указывали свадебные песни нижегородских, калужских и других крестьян» [238]. Калым в разных регионах Российской империи принимал различные формы. В. Танаевский следующим образом описывает плату за невесту в России: «В разных местах она различно называется: запрос, принос, выкуп, принос, ссуда и даже калым» [239, с. 5–6]. Интересен факт, что «в 80-90-х годах XIX века после переселения русских в Кыргызстан, выплата калыма за невесту наблюдалась и у них» [31, с. 118–120]. В своих исследованиях по калыму у казахов Н. Малышев указывал, что «...за невесту платят калым так называемый «кырк жети» [47], который распределялся на определен-

ные части и названия» [46, с. 46]. В отношении калыма у алтайцев, наиболее конкретные сведения предоставляет С.П. Швецов: «На основании решения родового старейшины I алтайской дюжины за 1896 г. калым одного из алтайцев за невесту составил: «2 кобылы, 2 мерина, 2 коровы с телятами, 2 коровы переходицы, 3 четырехлетних бычка, 1 нетель, 1 выдру, 2 куска дабы, 6 аршин киргизского («шведский материал»), 3 аршина кубоват вязи и шаль» [213, с. 14].

В.И. Вербицкий писал, что «калым у алтайцев большей частью составлял скот (*мал*), а также ценные меха (у теленгитов, например, шкурки выдры, соболя), ткани, серебро, чай и прочее» [240, с. 43]. У дубо (уйгурский народ, обитавший между верховьями Енисея и озера Косоголом) богатые «при свадьбе давали лошадей, а бедные приносили олени рога и собранные коренья» [241].

Относительно размера калыма у якутов С.А. Токарев отмечал, что «калым, согласно обычаю, состоял из разных видов скота по равному количеству голов каждого вида» [242]. «Цена за девушку составляет обычно 10 курумов. *Курумом* называется у якутов лошадь или бык, но не корова. Таким образом, в десяти курумах должно быть «3 быка, 3 кобылы и 4 жеребенка или мерина; из этого числа 5 животных могут быть представлены в штуках, а 5 на ногах. Кроме того, часть цены за невесту должна состоять из чистых денег. Если цена устанавливалась на 10 курумах, то денежная часть непременно серебром, употребляемым на украшение седел, поясов и другие поделки» [243].

У северных бурят размер калымы был следующим: «Размер от 500 – маленький калым, до 660-700 – средний, до 1000 рублей и больше – большой калым. Кроме денег, давали еще скот, обычно не более 10-15 голов разного скота (лошадей, овец и коров)» [244, с. 17].

Большинство исследователей в своих трудах, посвященных брачно-семейным отношениям народов, у которых существовал обычай калыма, приходили к выводу, что размер калыма был разнообразным, в зависимости от ряда обстоятельств, но все сходится в том, что калым требовал достаточно больших расходов.

В случае невозможности уплатить калым у кыргызов практиковалась другая форма уплаты – отработка жены.

С момента установления советской власти в Кыргызстане произошел коренной перелом в брачно-семейных отношениях. Так, Туркестанский ЦИК издал декрет от 14 июня 1921 г. «О запрещении калыма и многоженства», который отменял уплату калыма за невесту и устанавливал брачный возраст с 16 лет. 17 января 1921 г. был издан декрет ЦИК Киргизской Автономной Республики об отмене калыма. В нем говорилось, что Киргизский ЦИК, «считая необходимостью вести самую решительную борьбу с вредными пережитками киргизского быта, к числу которых относится и калым, унижающий честь и достоинство киргизской женщины, превращающий ее в рабыню, способствующий укреплению власти богатых, ставя брак в зависимость от материального положения человека, находит, что в свободной Социалистической республике Советов не может иметь место сохранение этого института, насилующего волю и чувство безответной киргизской женщины» [14, с. 517]. Таким образом, советская власть установила, что уплата калыма является уголовным деянием в соответствии со статьей 114 Уголовного Кодекса Киргизской ССР, и случаи выплаты калыма уменьшились, но не ликвидировались, поскольку калым маскировался под вид подарков родителям невесты за воспитание дочери.

Изучая аспекты института калыма, мы можем сказать, что данный институт обычного права основывается на пережитках родовых связей между кыргызами. Родственные связи очень ярко выражались непосредственно при уплате калыма, поскольку в сборе калыма могли участвовать все сородичи и родственники жениха. «Приготовление и уплата калыма становились делом всей родственной группы, во время приготовления калыма отец жениха обходил своих родственников и просил у них помощи, каждый родственник помогал как мог (кошумча), хотя, конечно, наиболее существенный расходы нес отец жениха» [88, с. 36].

Калым и сегодня применяется на практике при заключении брака между кыргызами, хотя сам факт уплаты калыма не регулируется нормами законодательства. Среди кыргызского населения

уплата калыма женихом родителям невесты является как бы *обязательным подарком* родителям невесты за ее воспитание, и для поддержания дружественных связей с родственниками невесты. Если же жених не преподносит калым, обычно, сторона невесты не готовит для невесты приданого – сеп, однако такие случаи, все-таки, остаются в меньшинстве, поскольку не преподнесение калыма порицается общественным мнением. В настоящее время калым исчисляется в денежном эквиваленте, который, в зависимости от региона Кыргызстана, различен.

Следовательно, институт калыма, хотя уже в измененном виде, существует и сегодня, но не в форме правовой нормы, а в виде обычая или ритуала. Однако в связи с тем, что данный институт обычного права не регулируется законодательством, то на практике при бракоразводных процессах возникают коллизии. При разводе сторона мужа не может потребовать возвращения калыма, поскольку по нашему законодательству преподнесение калыма рассматривается как факт дарения; поэтому при разводе муж не имеет права требовать возмещения калыма, ссылаясь на то, что уплата калыма, по адату, является одним из условий заключения традиционного брака. В связи с этим, актуальным является проведение всестороннего анализа обычая уплаты калыма при заключении брака для дальнейшего закрепления в законодательстве нормы, регулирующей данный институт. Это необходимо для возможности использования правовых инструментов в бракоразводных судебных процессах, где возникают вопросы, касательно возмещения мужу стороной жены затрат, понесенных с уплатой калыма.

3.2.3. *Приданое «сеп»*. Приданое невесты, в отличие от калыма, готовилось с самого ее рождения. Одной из обязанностью родителей невесты было подготовка приданого для сватанной дочери, которое могло состоять из различного вида имущества. А.И. Козлов в своем исследовании писал, что «после уплаты калыма родители невесты обязаны выдать немедленно ее жениху вместе с приданым» [110, с. 237]. В подготовке приданого кроме самих родителей невесты обязательно участвовали ее родственники. Так, полученный родителями невесты калым в виде скота

в период сватовства считался общим для всех ее родственников, отец невесты обязательно делился скотом со всеми близкими родственниками. В свою очередь, каждый родственник, кому был выделен скот из привезенного стороной жениха калыма, обязан был участвовать в подготовке необходимого невесте имущества.

Размеры *сеп* не определялись ни адатом, ни какими-нибудь договоренностями или договорами между женихом и невестой, либо их родственниками. Хотя размер и состав приданого не должен был зависеть от размера и состава калыма, но в определенной мере соразмерность между приданым и калымом все-таки соблюдалось. Согласно исследованиям Э. Сайкс, «сторона жениха платила внушительный калым, однако, с другой стороны, невеста приносила с собой приданое, которое состояло из скота – верблюдов, лошадей, яков, одежды и украшений. Приданое должно было быть равно калыму, то есть тому, что получил ее отец от жениха» [228, с. 119].

По сведениям Л. Макартни, «приданое невесты состояло только из скота и ее украшений» [48, с. 145]. Однако с ее взглядами трудно согласиться, поскольку изучение трудов других исследователей показывает, что приданое кыргызской невесты было намного разнообразнее. Так, Абрамзон указывал, что «богатые родители снабжали раньше свою дочь не только одеждой и домашними вещами, но давали в приданое и юрту, а также и лошадь, на которой она отправлялась в дом своего мужа» [49, с. 236]. В семьях с низким уровнем достатка приданое выглядело следующим образом: «Ни кибитки, ни подъемного скота, и новобрачные отправлялись пешком», – отмечал Н. Гродеков [45, с. 84].

Исследуя семейные обычаи бурят, М.Н. Хангалов писал: «Родственники невесты, после получения калыма, приготавливали ей приданое (*онжи*), состоящее из самых различных предметов (одежды, обуви, сбри, оружия, постели и т. п.), а позднее к этому стали прибавлять и скот. Термин *онжи* обозначает все приданое. Скот считался неотъемлемой собственностью невесты» [245, с. 163].

Согласно архивным данным, «приданое – *киит* должно быть меньше калыма, потому что девушке по выходе замуж, спустя

от одного до трех лет, выдается ее выдел – *энчи*, который вместе с киитом должен бы уравнивать калым. В среде достаточных людей киит всегда дается щедро и зачастую вместе с энчи он далеко превышает калым... большинство, масса народа, за дочь не дает большого приданого... Даже энчи в массе народа никогда не дополнит киита до стоимости калыма... Размер киита, состоящего обыкновенно из разного рода одежды, нарядов, ковров, кошем, принадлежностей хозяйства и денег (но не скота, который если и дается, то весьма редко и в ограниченном количестве), всегда соразмеряется с размером калыма, но всегда меньше его... Энчи, состоящий главным образом из разного рода скота... дополняет киит, чтобы сделать соответственным по стоимости калыма. При сватовстве об энчи не упоминают, полагаясь на совесть родителей. Несмотря на то, что по обычному праву киит и энчи должны уравнивать стоимость калыма, а через это как бы облагородить способ женитьбы при пособии калыма, в большинстве случаев киит вместе с энчи далеко не равны калыму» [246, с. 8]. Согласно вышесказанному, сеп состоял из двух частей: 1) киит – множество различного рода одежды, принадлежностей хозяйства и денег, которое выдавалось сразу же после свадьбы стороне жениха; 2) энчи – состоящий из разного рода скота, обычно выдавался через год или три после свадьбы [88, с. 41].

Приданое (сеп) у кыргызов являлось подарком семьи выходящей замуж девушке. Количество приданого является частным делом семьи невесты; семья жениха лишь полагается, что сторона невесты подарит своей дочери большой сеп. По обычаю, в состав сепса входил традиционный сундук (сандык), в котором содержалась новая одежда невесты, а поверх него традиционные одеяла (жер төшөки, ала кийиз и др.)

Г. Лансдел в своем исследовании писал, что у кыргызов *головной убор невесты* вместе с юртой, лошастью или верблюдом являлись частью приданого [247, с. 326]. Однако в связи с тем, что данный автор считал казахов и кыргызов одним народом, то данное мнение Г. Лансдела можно считать ошибочным, поскольку, по обычаю кыргызов, головной убор невесты являлся необязательным элементом приданого невесты. По обычаю же казахов,

головной убор (шаукеле) составлял обязательную часть приданого невесты.

По мнению многих исследователей, сеп поступал не в собственность выдаваемой замуж, а в семейную собственность новой семьи. Однако, на наш взгляд, приданое являлось личным имуществом жены, на которое она имела права при совместном проживании с супругом. Так, если в случае развода по вине или воли мужа, муж обязан был возратить ей все приданное, и женщина получала имущественную самостоятельность, что подтверждается статьей 38 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда от 1893 года [14, с. 443].

В случае смерти жены сеп переходил по наследству к ее детям. «В случае смерти бездетной жены сеп обычно возвращался к родителям женщины», – устанавливалось статьей 45 Токмакского Эреже [14, с. 445].

Исследователи вопросов брачно-семейных отношений у народов Центральной Азии и Сибири указывали, что размер приданного в зависимости от различных обстоятельств был неоднороден и отмечали, что вопрос о соотношении калыма и приданного является весьма спорным [248, с. 292]. Так, П.Е. Островских писал, что «размер калыма, должно полагать, зависит только от стоимости будущего приданого, а уже на втором месте – от качества невесты» [218, с. 108]. Г. Гинс считал, что «приданое, которое обычно дается за калым, равно половине стоимости последнего» [248, с. 292]. П. Вогаевская указывала: «Когда же брак заключен, приданое оказывается почти всегда более назначенного калыма. Между бедными приданое тоже по большей части превышает калым» [249, с. 76]. А. Евреинов относительно подготовки приданого у казахов указывал: «На полученный калым отец снаряжает дочь: делает кибитку, потребное платье, домашнюю утварь, отделяет часть скота и провожает в аул жениха» [126, с. 90]. По поводу приданного у казахов отмечалось, что «при помощи калыма у иных бедняков устраивается приличное приданое, которое, таким образом, нисколько и никогда не уступает калыму, а у многих даже превосходит его» [250, с. 45]. Согласно трудам К.М. Патачакова, «приданое определяло судьбу невесты в семье, так как

оно являлось ее собственностью. Поэтому родители обычно старались дать приданого больше, чем калым» [251, с. 85].

Мы можем предположить, что у кыргызов приданое не должно было быть меньше калыма, из чего следует, что женщина не являлась объектом купли-продажи родителей, как указывают в своих исследованиях некоторые авторы (Кисляков, Гродеков, Загряжский), поскольку предусмотренный адатом дарообмен уравнивал права сторон брака.

Согласно статьям 2 и 3 Сборника обычного права киргизов, существенными условиями заключения брака был брачный договор, состоящий в произнесении слов: «взял» и «отдал», и соглашение о калыме. «Брачный договор заключается старшими ближайшими родственниками жениха и старшими ближайшими родственниками невесты» [16, с. 294]. Из этого следует, что согласие ближайших родственников сторон и уплата калыма являлись основными условиями заключения брака. «Брачное соглашение» со стороны родителей являлось нормой жизни в кыргызском обществе, в современном праве такой вид договора можно рассматривать как особый вид «брачного контракта». Брачный договор практиковался и в обычном русском праве. Так, о существовании договорных отношений при заключении брака указывается в материалах Н.С. Нижник: «Юридическим основанием союза супругов в русском государстве являлся договор» [21, с. 24].

Наше мнение солидарно с мнением профессора Лоренс Крадером, который в своем исследовании критиковал труды исследователей и государственную программу против калыма советского периода. Он считал, что калым не является ценой за рабство или за что-либо еще [252, с. 146–147]. Профессора Л. Крадер писал, что «в Центральной Азии свадьба – это не покупка жены, а часть сложного процесса. Свадьбу можно рассматривать как контракт между стороной мужа и стороной жены... Это взаимоотношения двух групп. Калым переходил из семьи мужа в семью невесты, в свою очередь, приданое невесты переходило в семью мужа. В большинстве случаев калым приравнивался к приданому... Если обе семьи были богаты, то каждая сторона старалась, чтобы стоимость и ценность калыма и приданого были одинаковыми.

И если обе семьи были бедными, то размер и стоимость и калыма, и приданого были незначительными» [252, с. 147]. Придерживаясь точки зрения профессора Л. Крадера, мы считаем, что среди кыргызского населения практиковалось заключение особого брачного контракта между сторона жениха и стороной невестой, регулируемое нормами обычного права.

Таким образом, мы можем говорить о существовании в обычном праве кыргызов особого вида брачного договора. Однако такое соглашение отличалось от современного брачного контракта, поскольку, во-первых, ранее сторонами такого договора выступали родители, либо другие старшие родственники будущих супругов. Сегодня же, в соответствии со статьями 43, 44 Семейного Кодекса Кыргызской Республики, сторонами договора выступают сами супруги. Во-вторых, если современный брачный контракт можно заключить до и в период брака, то согласно адату такой договор заключался только до брака. В-третьих, заключение современного брачного соглашения требует участия нотариуса.

Однако, на наш взгляд, необходимо упрощение современной формы заключения брачного контракта для эффективной реализации данной нормы на практике. Предлагается упростить форму заключения брачного контракта, согласно которой такой договор можно будет заключать в письменной форме при наличии нескольких свидетелей.

Сегодня вопрос приданого является актуальным. В случае развода жена имеет трудности по возвращению своего приданого. Изучая понятие сеп, мы можем сказать, что данное имущество является личной собственностью жены, однако на практике этот факт труднодоказуем. Поскольку приданое дарится *семье* уже после официальной регистрации брака, либо же в период совместной жизни супругов, то имущество рассматривается уже как совместное имущество супругов. Данный факт также затрудняет процедуру расторжения брака, при разводах женщине тяжело доказать факт того, что имущество из приданого принадлежит только ей. Для разрешения коллизий между нормами закона и нормами обычного права предлагается дополнить статью 37 Семейного Кодекса Кыргызской Республики и внести положение о статусе

приданого как имущества полностью на праве собственности, принадлежащей жене.

Основываясь на вышесказанном, можно сделать следующие выводы:

– Выдел детей являлся правом детей на семейное имущество и обязательством главы семьи на предоставление выдела своим детям. Раздел имущества при выделении детей являлся одним из самых сложных элементов адата.

– Калым являлся одним из важных условий заключения брака и не уплачивался в редких случаях, например, при таких формах брака, как «күч күйөө», «кайчы-кууда», «кыгза-кыз». Калым предоставлялся стороной жениха в пользу семьи невесты. Размер калыма был разнообразным и зависел от ряда обстоятельств.

– У кыргызов приданое не должно было быть меньше выкупа, из чего следует, что женщина не являлась объектом купли-продажи родителей, как указывают в своих исследованиях советские авторы [49, с. 238], поскольку предусмотренный адатом дарообмен уравнивал права сторон брака, порой, приданое было более крупным по размеру, нежели калым.

– Приданое готовилось родителями или другими близкими родственниками невесты, состояло из скота, одежды и домашней утвари. Природа сеп как элемента имущественного права была очень сложна, поскольку *де-юре* привезенный женой сеп составлял семейное имущество стороны мужа, но *де-факто* часть приданого принадлежало жене.

– Изучив институты калыма и приданого, мы можем предположить, что в традиционном кыргызском обществе перед заключением брака между сторонами жениха и невесты практиковалось заключение особого гражданско-правового договора, в котором оговаривались имущественные права и обязательства каждой стороны. Существенными условиями такого договора были выплата калыма одной стороной и подготовка приданого другой. Данное соглашение носило устный характер, и заключалось публично, то есть при обязательном присутствии свидетелей. За нарушение условий договора каждая сторона могла понести ответственность, которая санкционировалась нормами обычного права кыргызов.

3.3. Имущественные отношения в семье

В данной главе мы рассмотрим подробно личные имущественные отношения в семье и институт наследования по обычному праву кыргызов.

3.3.1. «Имущественные семейные отношения – это отношения между членами семьи по взаимному материальному содержанию (так называемые алиментные обязательства), а также отношения супругами по поводу их имущества, нажитого в браке (общего имущества супругов)» [160, с. 143]. По нормам обычного права кыргызов отношения, складывающиеся между супругами по поводу имущества и содержания в семье, регулировались в соответствии с патриархальными устоями общества. С заключением брака адат связывает возникновение между супругами не только личных, но и имущественных отношений.

Основные сведения относительно имущественных отношений в семье кыргызов содержатся в трудах Н.И. Гродекова, Г.С. Загряжского, П.И. Кушнера, А. Джумагулова, Б.И. Борубашова и др. [253].

Все совместно нажитое имущество семьи являлось семейной собственностью, которая по замыслу адата должна была переходить из поколения в поколение по линии отцовского родства, в связи с чем право распоряжения имуществом принадлежало только главе семьи. У остальных членов семьи была лишь возможность иметь право пользования и владения семейным имуществом. Такое положение в обычном праве было направлено на защиту и сохранение семейной собственности. Институт частной собственности имел место быть только по отношению конкретного личного имущества членов семьи, однако институт частной собственности носил временный характер, поскольку он все равно в дальнейшем становился частью семейной собственности. Так, имущество, выделенное для сыновей (энчи) принадлежало им на праве частной собственности, однако далее становилось частью общего имущества при создании своей семьи. Адат намеренно ограничивал правовую дееспособность членов кыргызской семьи для сохранения в целостности всего общего имуществ-

ва семьи. Необходимо отметить, что в обычном праве кыргызов не практиковалась такая норма, как выморочное имущество, то есть даже вследствие смерти главы семьи семейное имущество не могло выйти за пределы одного родового союза.

В связи с этим глава семьи являлся полноправным субъектом имущественных отношений; обладал всей триадой правомочий, вытекающих из права собственности, а именно правом владения, пользования и распоряжения семейной собственностью. Жена по отношению к семейному имуществу имела право владения и пользования, однако право распоряжения полностью принадлежало ее мужу: «Муж имеет право располагать по своему усмотрению имуществом жены; но после развода со своей женой муж должен возвратить ей все, ей собственно принадлежащее» [25, с. 33]. В отсутствие мужа она управляла домашним имуществом, но не могла отчуждать и заключать какие-либо договора и совершать сделки.

Лишь в случае развода по вине или воле мужа женщина получала определенную имущественную самостоятельность, поскольку муж обязан был возвратить ей все приданное и даже был обязан ее содержать (статья 2 Эреже Аулиеатинского уезда от 1907 года) [14, с. 460, 433].

Таким образом, по обычному праву кыргызов женщина обладала особым видом ограниченной дееспособности, при которой муж замужней женщины выступал в качестве ее законного опекуна. После смерти ее мужа права законного опекуна переходило братьям покойного, либо такое право получал взрослый сын. При отсутствии взрослого сына и категорическом отказе выйти замуж за братьев покойного мужа, либо же при разводе по вине мужа, женщина могла получить право свободного проживания и право распоряжения своим имуществом, а также право быть субъектом отношений при заключении договоров и сделок.

Что касается *имущественных отношений между родителями и детьми*, то адат предусматривает определенные положения, в первую очередь, в зависимости от пола ребенка и от его возраста; далее адат различает сыновей не отделенных и отделенных (выделенных). По этому поводу Загряжский указывал: «Отец

имеет право располагать имуществом детей совершеннолетних и не совершеннолетних, хотя бы это имущество было приобретено ими самими» [25, с. 34]. Нормы обычного права устанавливали, что до 15-ти лет дети не имеют права на имущество, не могут заключать по нему никаких юридических сделок. Они еще «не обладают серьезным умом, а потому что все их юридические сделки – купля, продажа, заем и пр. – считаются недействительными» [45, с. 47]. По желанию и по просьбе родственников бии могли назначить опеку и над имуществом расточителей.

Об имущественных правах дочери было сказано ранее в предыдущей главе. С.М. Абрамзон отмечал, что «дочери же получали свою долю имущества не скотом, а вещами, большей частью изделиями своих собственных рук, которые включались в состав приданого при выходе их замуж. Впрочем, дочери получали все же некоторое дополнение – энчи к приданому при первом посещении ими своих родителей после свадьбы» [49, с. 274].

Здесь необходимо упомянуть только об имущественных правах незамужней дочери и правах отца и матери на имущество замужней. «Если девица при жизни отца не была сватана или не изъявила желание выйти замуж по каким-либо телесным недостаткам, то, по смерти отца, оставаясь в его доме при одном из братьев, она пользуется небольшой частью из наследства, и брат обязан содержать ее на свой счет до самой смерти. Права же отца и матери на имущество замужней дочери были ограничены, так как хозяином ее имущества уже являлся муж. Однако в случае бедственного положения ее отца он мог рассчитывать на обеспечение со стороны дочери, вплоть до поселения у нее, но только с разрешения зятя (күйөө-бала); относительно матери, хотя она не обязана и спрашивать согласия зятя, может поселиться у дочери лишь тогда, когда у нее нет сыновей, которые могли бы приютить ее.

Относительно прав приемного ребенка адат постановлял, что поскольку права усыновленного в новой семье приравнивались к правам родного сына, то он также имел право на энчи. Порядок раздела имущества одинаков с разделами между родными братьями.

Адат по поводу имущественных прав внебрачных детей определял следующее: в случае признания их отцом они пользу-

ются правами состояния отца, от щедрости и воли которого зависит количество их выдела.

3.3.2. Наследование по нормам обычного права кыргызов. Согласно современной юридической науке наследственное право является частью гражданского права и рассматривается в рамках данной отрасли права. Однако в обычном праве кыргызов институт наследования не был конкретно закреплён за определенной отраслью.

Обычное наследственное право кыргызов (т. е. регулирование порядка перехода прав и обязанностей частноправового характера после умершего кыргыза к другим лицам) самым тесным образом было взаимосвязано с институтами брачно-семейных отношений. Адат не дифференцировал общественные отношения по отраслям права, в связи с чем институт наследования более детально регламентировался в рамках брачно-семейных отношений, об этом свидетельствуют нормы Эреже, где вопросы наследования рассматриваются в нормах семейного права, например, Эреже Аулиеатинского уезда 1906 года и 1907 года, № 31, 40, 41 Эреже Токмакского чрезвычайного уезда 1893 года. Также многие ученые рассматривали вопросы наследования в рамках брачно-семейных отношений, к примеру, К. Нурбеков, Б.И. Борубашов и др. В связи с этим, исследование данного вопроса в рамках брачно-семейных правоотношений является вполне обоснованным.

Так, обычное право кыргызов под наследованием понимало переход прав и обязанностей наследодателя (умершего лица) к его наследникам. Родство наследника с наследодателем являлось важным фактором, предоставляющим право на наследство. Институт наследования (*мураздоо*) регулировался обычно-правовыми нормами.

Предметом наследования являлось имущество, где важное место, безусловно, занимало право собственности. Основанием открытия наследства являлась смерть главы семьи (здесь имеется в виду непосредственно мужчина).

Через год после смерти наследодателя наследники собирали родственников для проведения поминок и решения вопроса относительно судьбы вдовы или вдов и раздела наследства в слу-

чае, если сами наследники не могли прийти к единому решению. «Собравшись, родственники помещаются в юрте. Киргиз, желающий взять вдову, режет собственного барана, угощает и говорит собравшимся: «Я хочу взять на себя жену покойного». Общество посылает спросить согласия вдовы, ожидающей решения своей судьбы в другой юрте, при согласии мулла тотчас же и обвенчает» [254, с. 394]. Такие же положения относительно казахской вдовы рассматриваются в Записках Оренбургского отдела императорского русского географического общества 1881 года: «После годовых поминок, по окончании всех церемоний, к жене умершего собирались ближайшие родственники... Если жена покойного еще молода, предлагали ей добровольный выбор себе жениха, при том непременно из ближайших родственников покойного мужа ее, а в случае ее несогласия, брали и насильно» [255, с. 105].

Если покойный не оставил завещания, то близкие родственники решали вопрос о разделе имущества между наследниками. При невозможности обоюдного решения вопроса о разделе наследства родственники могли обратиться к местному бию или же в российские судебные учреждения. «В случае спора между наследниками наследство распределялось бием», — говорилось в Эреже Пржевальского чрезвычайного съезда от 5 мая 1907 года [14, с. 462]. Изучение архивных материалов [256] показало, что кыргызы не обращались по вопросам наследства в российские суды до 1917 года; видимо, население старалось регулировать такие вопросы в рамках своей родовой общины.

Адат предусматривал два способа наследования: *по адату и по завещанию*.

По нормам обычного права кыргызов «законными наследниками считались жена, сыновья, близкие родственники. Однако умирающий, при всем желании, не мог нарушить этот обычай, то есть он не мог лишить наследников наследства, и если даже он завещал свое имущество кому-либо, то завещание не исполнялось, и все поступало в собственность прямых наследников» [254, с. 394].

Необходимо отметить, что еще исторически, согласно нормам римского права, наследование по закону (*successio legitima*)

появилось намного раньше, чем переход прав и обязанностей умершего по завещанию. «Это означало, что первоначально имущество в случае смерти главы семьи *paterfamilias* переходило к его родственникам помимо воли главы, в силу сложившегося обычая автоматически. Наследование по закону являлось нормальным порядком, а наследование по завещанию лишь отклонением от обычного порядка» [257, с. 168]. Такое положение вещей действовало и у кыргызов. До XIX в. раздел наследства происходил по сложившимся обычаям после смерти главы семьи – отца.

Порядок наследования происходил по установленным адатом правилам, согласно которым наследство переходило в равной доле ко всем сыновьям. Если при жизни отец не осуществлял выдел сыновей, то перед смертью он собирал всех своих сыновей и при свидетелях завещал, кому что должно отойти после смерти. Воля завещателя могла быть выражена, к примеру, следующей фразой: «*Завещаю такую-то часть своего имущества такому-то на такую-то сумму*» [258, с. 42]. Таким образом, в оборот входил обычай устной формы завещания, а затем появилась и письменная форма.

Рассмотрим институт завещания (*кerez менен калтыруу*). Форма завещания могла быть *устной или письменной*; в обоих случаях для его законности требовалось, чтобы воля завещателя была объявлена в присутствии членов семьи, большинства сыновей-наследников и двух свидетелей из числа старших родственников завещателя или посторонних лиц с авторитетной репутацией. Данная форма составления завещания практиковалась среди кыргызского населения и в период Российской империи, хотя уже в данный период времени представители других национальностей на территории Кыргызстана за составлением завещания обращались к нотариусу. Об этом свидетельствуют архивные материалы: «Дело ошского нотариуса Г.В. Кукона о совершении нотариального духовного завещания жены подполковника А.Э. Топориной от 1907 г.» [259, с. 1]; «Дело ошского нотариуса Г.В. Жукова о совершении духовного завещания ошскому сарту С. Рузыбаеву от 1907 г.» [260, с. 1]; «Дело нотариуса Г.И. Ульянова о совершении

духовного завещания Ивану Николаевичу Нименскому от 16 сентября 1914 года» [261, с. 1] и другие [262, с. 1].

Само завещание мог отменить только наследодатель при своей жизни. «Изменение или уничтожение части завещания должно было произойти в присутствии наследников по измененному завещанию, а в случае полного уничтожения завещания в присутствии указанных в нем наследников и не менее двух свидетелей, причем не требуется, чтобы это были те же самые лица, которые присутствовали при составлении первоначального завещания», – указывалось в статье 109 Сборника обычного права кыргызов. В современном праве, в частности, в Гражданском Кодексе Кыргызской Республики в главе о наследовании, прописано такое же положение, что право на отмену завещания имеет лишь наследодатель, конечно, есть и оговорка о том, что форма должна быть предусмотрена, а так же в силу закона недобросовестные наследники выбывали из наследства – только в этом случае нарушалось слово наследодателя.

По адату исполнителями завещания должны были быть сыновья, братья или иные близкие родственники наследодателя. Исполнение завещания лежало на обязанности законных наследников завещателя, но последний вправе был назначить для исполнения завещания особое лицо из среды родственников.

«Предварительно исполнение завещания, его достоверность устанавливалась старшими родственниками умершего путем опроса свидетелей, после чего подлинность завещания не могла быть оспорена» [16, с. 391–393]. Исполнение завещания осуществлялось путем передачи наследникам наследства при первом их посещении дома завещателя. Об этом говорилось в статье 113 Сборника киргизского обычного права: «Никаких сроков для исполнения завещания не устанавливалась; оно исполнялось простой передачей отказанного имущества наследникам, при первом их посещении аула завещателя» [16, с. 392]. Условия завещания необходимо было выполнить и передавать вещь или часть имущества лицу, указанному в завещании.

«Правильно составленное завещание, подлинность коего была установлена, не могло быть оспорено», – статья 12 Сборника киргизского обычного права [16, с. 392].

Одно из главных условий составления завещания гласило, что завещатель в момент составления завещания имел право отчуждать свое имущество и ясно понимал совершаемые им действия. Статья 106 Сборника киргизского обычного права говорит: «Завещатель, объявляя свою волю о судьбе имущества на случай своей смерти, должен быть в здравом уме и твердой памяти» [16, с. 392].

Наследниками по завещанию могли быть как «физические лица и, притом, независимо от национальности, возраста и пола, так и юридические» [16, с. 392]. «В отдельных случаях киргизы перед смертью распоряжаются, завещают (керезин айтып) по своему усмотрению часть имущества или определенную вещь передать постороннему. Такое распоряжение внешне носило форму дарения» [19, с. 81]. После смерти завещателя исполнитель завещания был обязан передать вещь указанному лицу. Однако свободному завещательному распоряжению подлежало треть завещаемого имущества, оставшегося после уплаты долгов завещателя и расходов на погребение. «В состав завещания не могли быть включены: недвижимое имущество, находящееся в пределах родовых стойбищ, юрта, в которой жили предки, со всем ее убранием и утварью, а также доспехи предков» [16, с. 391–393].

Адат также предусматривал случаи недействительности завещания. Так, если наследуемое имущество приходило в негодность, и если это был скот, и он погибал раньше смерти завещателя, то такое завещание считалось недействительным.

«В случае обнаружения, после исполнения завещания, долговых обязательств наследодателя, наследники по завещанию отвечали перед кредиторами наравне с наследниками по обычаю» [25, с. 34].

Наследование по адату. В различных исследованиях и материалах указывается разноречивая информация по поводу порядка наследования среди кыргызов, в связи с чем необходимо рассмо-

трение всего материала по обычному праву для выявления общих положений порядка наследования у кыргызов.

Так, Н. Изразцов в своих трудах отмечал, что «имущество умершего кыргыза есть собственность его сыновей, внуков, а нет их – его братьев и так далее». По материалам Н. Изразцова, обший «порядок наследования у кыргызов выглядит следующим образом: 1) первыми правом на наследство обладали сыновья, внуки, правнуки и так далее; 2) затем братья, племянники и их потомство; 3) и только потом дяди, их потомство и т. д. Причем, вторая категория имела права наследовать, когда нет никого из первой, третья – когда нет никого из первой и второй. В каждой степени наследство делилось между всеми поровну» [254, с. 394].

Существовавшая очередь наследования у кыргызов очень схожа по своей структуре с группами наследников, действовавших еще в римском праве. Так, в соответствии с нормами римского права «имущество наследовалось тремя группами (очередями) наследников: *своими* наследниками, агнатами и когнатами. Свои наследники, *suiheredes*, составляли первую очередь и включали детей наследодателя, а также внуков от ранее умерших детей. Эти наследники именовались также и *необходимыми* наследниками, поскольку получали наследство независимо от своей воли. Если после умершего не оставалось *своих* наследников, то к наследованию призывалась вторая очередь наследников – агнаты *agnatusproximus* (ближайшие родственники – например, брат умершего). К третьей очереди относились родичи по крови – когнаты *undecognati*, которыми считались все лица, связанные общностью происхождения. Заложённая в древнеримском праве система деления наследников на группы заключалась в том, что наследник следующей очереди мог быть призван к наследованию лишь при отсутствии всех наследников предыдущих очередей...» [257, с. 168–176]. Чуть позже уже преторское право определяло не три, а четыре очереди наследников. «Первая очередь (*undeliberi*) включала детей наследодателя; вторую очередь составляли все агнаты (*undelegitimi*); третья очередь включала когнатов до шестой степени родства включительно (*undecognati*); в четвертую

очередь входил переживший наследодателя супруг (супруга) умершего (*undeviretuxor*)». [257, с. 170].

Наследство распределялось, по обычаю кыргызов, между отделенными сыновьями, если их не было – между отделенными. Если же у умершего не было детей, то его имущество поступало к его родственникам со стороны отца: 1) поровну к его родным братьям; 2) если такие отсутствовали, то к родным дядям; 3) далее к двоюродным братьям и т. д. Если у умершего не было родственников мужского пола, то его имущество переходило в равных долях его родным сестрам, тетям и т. д., сообразно мужской линии. В случае отсутствия у покойного наследников по нисходящей и боковой линиям, то имущество переходило родственникам по восходящей линии.

Согласно исследованиям К.К. Палена, по адату, отцу, матери и мачехам наследодателя предоставлялись определенные наследственные доли. «Так, наследники участвовали в наследстве в следующих долях: 1) вдовы наследодателя – в $\frac{1}{10}$; 2) отец – в $\frac{1}{12}$; 3) жены отца – в $\frac{1}{12}$; г) остальная часть распределялась между сыновьями и дочерьми наследодателя, причем мать получала вдвое больше дочери» [263, с. 444].

Согласно же статьям 123, 124 Сборника киргизского обычного права, «если отца наследодателя не было в живых, то доля его переходила к деду. Если не было в живых матери, то ее наследственная доля переходила к женам деда наследодателя по мужской линии. Если сына у наследодателя не было в живых, но от него оставались дети мужского пола, то они получали ту часть наследства, которую получил бы их отец. Этим правом не пользовались дети замужней дочери, проживавших с мужем при отце. Если не было в живых невыделенных сыновей или их мужского потомства, то вместо них заступали выделенные сыновья или их дети мужского пола» [16, с. 393]. «В случае, когда после наследодателя не осталось ни сыновей, ни их мужского потомства, то причитающаяся детям часть имущества распределялась поровну между дочерьми, живущими при отце» [19, с. 80]. Согласно статьям 125, 126 Сборника киргизского обычного права, «если при открытии наследства налицо только замужняя дочь, проживавшая с мужем

у отца, то она получала половину наследственного имущества. Другая половина, или, в случае отсутствия дочери, все наследство переходило к отцу наследодателя, деду, родным братьям, их сыновьям, родным дядям, родным племянникам и т. д., причем ближайшая степень родства исключала дальнейшую и между родственниками одной степени наследственное имущество распределялось поровну» [16, с. 394].

Согласно статьям 127, 128, Сборника киргизского обычного права, «при переходе права наследования к братьям, дядям наследодателя и т. д., их мужское потомство пользовалось правом представления лишь в том случае, если не окажется в живых никого из братьев, дядей и т. д.» [16, с. 393].

Права на наследство родственников женского пола. Согласно трудам А.Н. Изразцова, женщины никогда не являлись наследницами, то есть ничего не наследовали. Он пишет, что «на наследство имеют право одни мужчины; поэтому после отца наследуют сыновья, *жены же и дочери никогда*. Вдов же, если они не выходят замуж, и сестер они берут к себе, кормят и одевают их, а последних и замуж выдают» [254, с. 395].

Однако, на наш взгляд, с выводами А.Н. Изразцова трудно согласиться, они искажают существовавшую действительность, поскольку женщина, может, и не являлась полноправным наследником, но определенная законная доля наследства ей все-таки принадлежала, что указывалась как другими авторами, так и нормами Эреже. Согласно статьям 129, 130 Сборника киргизского обычного права, «из числа родственников женского пола правом наследования пользовались жившие при нем дочери, вдовы, родная мать и мачехи, причем и эти лица, за исключением дочери, жившей у отца, приобретали только право пользования наследственными долями до выхода замуж или, если этого не последовало, – пожизненно. После выхода замуж или после их смерти их наследственные доли поступали к сонаследникам мужского пола» [16, с. 393]. «Лица женского пола, за редкими исключениями, завещали лишь одежду или предметы домашнего обихода, которые поступали в их исключительное пользование» [16, с. 395].

Так, С. Абрамзон указывал, что «дочери могли получить свою долю имущества не скотом, а вещами, большей частью изделиями своих собственных рук, которые включались в состав приданого при выходе их замуж. Впрочем, дочери получали все же некоторое дополнение к приданому при первом посещении ими своих родителей после свадьбы» [49, с. 274]. Эреже Токмакского чрезвычайного съезда биев предусматривало следующее: «После умершего наследство делилось так: из общего достояния выделялось приданое, полученное сыновьями за женами, из прочего затем скота и имущества выделялось *сестрам* необходимое приданое. Остальное наследство делилось поровну *между матерью* и всеми детьми мужского пола. Если не было сыновей, то раздел производился *между женою умершего* и его ближайшими родственниками мужского пола по равной доле. А если не оставалось жены, то между ближайшими родственниками мужа. Если после умершего оставалась *мать*, то ей присуждалась половина имущества сына, а остальная половина делилась между ближайшими родственниками поровну» [14, с. 444].

Так, по адату, в общих случаях наследодателем был всегда мужчина [14, с. 396] и в некоторых случаях и женщины, но в силу патриархального устоя общества женщины наследовали меньше, чем мужчины.

Схожие ограничения женщин в наследовании имущества были и в русском обычном праве: «Женщина вообще не рассматривалась как член двора, поскольку женщины семьи продолжать не могут. Поэтому женщина не получала владельческих прав в отношении двора, пока в семье оставались мужчины. С другой стороны, некоторые предметы домашнего обихода, одежда, а также приданое считались сугубо женской частной собственностью и передавались от матери к дочери» [264, с. 90].

Что касается незамужних дочерей, то «если у умершего была единственная незамужняя дочь, ей назначали из близких родственников опекуна. Опекун должен был разумно распорядиться ее имуществом. При выходе девушки замуж опекун получал в свою пользу калым, а имущество ее отца делилось между родственниками» [19, с. 81]. По сведениям И. Гродекова, «не выданная дочь

сама является своего рода имуществом. После смерти отца ее в случае раздела братьев присоединяли к тому из них, кому еще не дали средств на калым, чтобы из полученного за сестру калыма он заплатил за свою невесту» [45, с. 279]. Также Н.А. Кисляков отмечал: «В случае отсутствия сыновей после умершего брата отца или ближайшие родственники берут к себе его малолетних дочерей, делят имущество между собой, воспитывают их и выдают замуж» [265].

Особое внимание заслуживает *имущественный статус вдовы*. Имущественные права на наследство вдовы тесно переплетались с таким обычаем, как левират. Согласно обычаю, вдова обязывалась выйти замуж за одного из братьев мужа, обычно за младшего. Позднее вдова имела право не выходить замуж, если она не пожелает, или выйти замуж по собственному выбору за постороннего, но при условии лишения прав на своих малолетних детей и права на имущество, в том числе и на свое приданое. «Если после умершего оставались сыновья, то они собирали родственников и после угощения говорили им: *«Если мать не захочет выходить замуж, то мы будем кормить и заботиться о ней, а захочет – ее воля.* Ее тут же спрашивали и поступали сообразно ее желанию» [254, с. 394]. Обычай левирата также свидетельствует о том, что имущество умершего не выходило из семейного круга, поскольку большая часть наследуемого имущества передавалась представителям восходящих и нисходящих поколений по мужской линии. Исключением из правил было только для вдов старше 35 лет, которым адатом предоставлялась свобода жизни без нового замужества согласно статье 41 Эреже Токмакского уезда от 1893 года [14, с. 441].

По общему согласию братьев покойного на вдове мог жениться тот, кто более в ней нуждался или за кого она сама желала выйти замуж. Если же у покойного было несколько жен, то каждый из его братьев брал в жены по одной, без согласия других братьев один не мог жениться на всех. Если же число вдов было более числа братьев, то в жены их могли брать как племянники, так и другие родственники покойного. «Если в случаях, когда вдова не желает выйти за имеющего на нее право, а согласна вый-

ти замуж за другого, хотя и за отдаленного родственника, то ее уже не волят; но если обойденный не доволен такой свадьбой, то ищет со счастливецца убытки, калым» [254, с. 394].

Вышесказанное хорошо иллюстрирует следующий пример: «Киргизы Алмен, Кулман и Кулдулды Кошетеровы – родные братья. Младший Кулдулды умер, оставив трех вдов, две юрты, 100 лошадей, 6 верблюдов, 300 баранов и 5 коров. Алмен взял вдову с юртой и половину скота; Кулман взял другую вдову с юртой и остальную половину скота; третью же вдову взял сын Алмена – Бийбит и с нею получил лошадь, верблюда, постели, одежду ее и седло, данные ей в приданое» [254, с. 394].

«При нескольких женах покойного дети от каждого брака и их матери имели отдельные законные доли, однако старшая жена-байбиче и старший сын получали так называемый *аксакалдык*» согласно статье 44 Эреже Токмакского уезда от 1893 года [14, с. 445]. Хотя, по обычаю, раздел наследства должен быть проводиться в равных долях, но были такие локальные обычаи, согласно которым старший наследник имел преимущественное наследственное право и мог унаследовать по своему желанию любое имущество умершего.

Относительно статуса вдовы, согласно статьям 5,6 Эреже чрезвычайного съезда народных судей Аулиеатинского уезда 1907 года устанавливалось: «Если останется бездетная вдова, то ей дается только четвертая часть наследства, остальное же делится между наследниками умершего, а вдове предоставляется право свободного выхода замуж; если останется вдова с детьми, то лично ей выдается восьмая часть наследства, а остальное также делится между всеми остальными наследниками после умершего» [14, с. 460]. Однако «вдова, уличенная в беременности не от мужа, лишалась прав вдовы и изгонялась из кибитки мужа» [25, с. 36].

Ф.В. Поярков отмечал: «После смерти мужа, если у вдовы остались сыновья, и то если только она пожилая, всем хозяйством распоряжаются наследники... в редких случаях советуются с матерью, которая никакого влияния не имеет; а если остались дочери, то их вместе с имуществом берут братья умершего... близкие или дальние родственники, вскормив и выдав их замуж, получа-

ют за них калым, а старуха-вдова, если нет у нее братьев или родственников, пристраивается жить у одного из хороших зятей или проживает до смерти у родственников умершего мужа, работая за прокорм и одяние» [266, с. 1–2].

Как мы указали ранее, вдовы пожилого возраста имели право свободы жизни без нового замужества, при этом наследники предоставляли ей в пожизненное пользование юрту, скот и иное имущество. В некоторых случаях в пользование таких вдов оставляли все имущество мужа. Так, «после смерти киргиза Бексеита, три его брата не взяли ничего из его имущества, а оставили все в пользование вдовы Наутек и двух ее дочерей» [254, с. 394].

У кыргызов при наследовании соблюдали *принцип минората*, по которому оставшееся хозяйство после смерти родителей доставалось младшему сыну. «Минорат (от лат. *minor* – меньший) – преимущественное (а иногда и исключительное) наследование имущества младшим родственником семьи. Ранее принцип был закреплен некоторыми древнеиндийскими юридическими сборниками (например, в Гаутама), средневековым европейским правом (включая английское городское право), статья 100 Троицкого списка Русской правды» [267]. По адату младший сын являлся *правопреемником* всего оставшегося имущества отца после выделения старших сыновей. Принцип минората у кыргызов действует и в настоящее время.

Необходимо также отметить, что в бедных семьях кыргызов никаких разделов имущества и выделов не могло быть. «В случае смерти отца, младший сын наследовал небольшое хозяйство, остальные сыновья должны были сами себя обеспечивать», – говорится в статье 46 Токмакского Эреже [14, с. 445].

Если же неотделенных не было, к примеру, в случае смерти младшего сына, то все имущество умершего переходило к отделенным сыновьям и делилось между ними поровну. Такие же нормы существовали и в русском обычном праве: «Отделившийся член семьи лишался права участвовать в дальнейшем дележе первоначального дворового имущества» [264, с. 79]. «Раздел или отделение (выдел) имущества для кого-либо из членов русской семьи совершались по усмотрению ее главы с обязательным

условием, чтобы все члены семьи (и только они) получили свою долю» [268, с. 203].

Если в момент смерти мужа одна или несколько его вдов были беременными, то раздел имущества откладывался до разрешения этого вопроса.

В случае смерти всех выделенных детей и, если притом они были бездетны, имущество их переходило к отцу.

Следует отметить, что усыновленные пользовались одинаковым правом наследования наравне с родными. Однако в случае возникновения спора наследники могли обратиться к бию.

По поводу наследственных прав усыновленного казаха Н. Малышев писал: «Если после умершего бездетного остается усыновленный им чужой сын, и если этот последний зять был покойным из постороннего рода, то его, наделив энчою равной энчи, следующей родному сыну воспитателя, возвращают к родителям, а остальное имущество берут себе родовичи умершего, если последний не оставил словесного или письменного завещания в пользу воспитанника. В этом случае все имущество умершего бесспорно переходит к воспитаннику его. Но если усыновленный сын был взят покойным из собственной родни, то таковой признается полным наследником своего воспитателя и уступает равноправным с ним родственникам лишь самую незначительную часть полученного им наследства. Если же сын был отдан не бездетному родственнику, то права его на имущество усыновителя значительно ограничены. В этом случае по смерти усыновителя возможны следующие два положения: а) если приемыш женат и отдельно при жизни приемного отца, то тогда наследство получают лишь родные дети; б) если усыновитель умер, не успев женить и выделить приемыша, то эту обязанность выполняют родные дети умершего. Они платят за названного брата калым, женят и дают ему немного скота, не более $\frac{1}{4}$ части из доли младшего сына умершего. По смерти единственного названного брата (бездетного) все достается приемышу. Если же братьев несколько, то усыновленный ничего не получает. Почти такие же права приемыш имеет и на имущество своего родного отца. Он наследует все, если не осталось других братьев и их детей. В против-

ном же случае ему дают не более $\frac{1}{4}$ части из доли младшего- не отделенного брата. По смерти единственного бездетного родного брата все получает усыновленный» [46, с. 69].

Права на наследство внебрачных детей. В случае признания внебрачных детей их отцом они имели права и на его наследство. В случае же смерти отца, не сделавшего духовного завещания, внебрачные дети имели право на часть из имущества, но всегда меньшую против законных детей, по приговору биев. Если же у умершего не было законных детей, то внебрачные, но признанные своим отцом, являлись полноправными его наследниками.

Что касается *несовершеннолетних наследников*, то они также относились к основным наследниками умершего, однако до достижения совершеннолетия над ними учреждалась опека.

«Имущество кыргыза, пропавшего без вести, делилось между его родственниками точно так же, как бы и по смерти его. Однако, если пропавший вернулся бы, то получал все обратно, но без жен, если они уже вышли замуж в период его отсутствия».

Имущество сумасшедшего наследовалось его сыновьями уже при его жизни, которые и должны были заботиться о больном отце. За неимением сыновей вдова и имущество сумасшедшего переходили к ближайшим родственникам мужского пола» [254, с. 394].

«После смерти жены, если же она была бездетна, часть ее приданого возвращается ее родителям; если же есть дети, то оно остается у вдовца; но родители покойной получают, обыкновенно, что-нибудь на память из ее имущества» [110, с. 240].

Таким образом, на основании материалов обычного права кыргызов относительно имущественных отношений в семье, можно выделить следующие аспекты:

– Нормы обычного права по поводу регулирования данного вида отношений были императивного характера, защищали имущественные интересы всей семьи и базировались на принципе семейной собственности.

– Обычай предусматривает имущественные права и обязанности детей, в зависимости от пола ребенка и от его возраста; далее обычай различает сыновей не отделенных и отделенных

(выделенных). Дочери имели право на приданое, на соответствующее энчи и на наследство.

– По нормам обычного права кыргызов в общих случаях наследодателем был как мужчина, так и женщина, но в силу патриархального устоя общества женщины наследовали меньше, чем мужчины.

– После смерти отца отделенные сыновья уже не имели никаких прав на наследство, но только если были другие, не отделенные, обычно неотделенным сыном был младший. Согласно принципу минората младший сын являлся правопреемник всего оставшегося имущества отца: юрты, скота и другого имущества отца после выделения старших сыновей. Данный обычай у кыргызов сохранился и в современное время.

– У кыргызов наследство не переходило за пределы одной родовой группы, поскольку имущество каждого кыргыза являлось общим достоянием того рода, к которому он принадлежал.

– Тесные взаимоотношения личного и имущественного характера внутри одной большой семьи (то есть между отцом и отделенными сыновьями, либо между отделенными сыновьями) являлось одним из основных факторов поддержания патриархальных традиций в обществе.

Подводя итоги третьей главы, мы бы хотели остановиться на следующих моментах:

1) Нормы обычного права по регулированию личных неимущественных и имущественных отношений были императивного характера, и основывались на принципах взаимоподдержки, взаимопомощи.

2) Выдел (энчи), калым и приданое (сеп) являлись важными и тесно взаимосвязанными друг с другом институтами брачно-семейных отношений между кыргызами.

3) Регулирование личных имущественных отношений в семье базировалось на принципе семейной собственности. Мужчина, являясь главой семьи, хотя и обладал всеми правами на имущество семьи, но не мог в одностороннем порядке им распоряжаться. Жена по отношению к семейному имуществу имела право владения и пользования, однако право распоряжения при-

надлежало ее мужу – как лицу ответственному за целостность всей семейной собственности.

4) Обычай регламентировал имущественные права и обязанности детей, в зависимости от пола ребенка и от его возраста; далее адат различает сыновей неотделенных и отделенных (выделенных), дочерей замужних, незамужних. Все дети имели право на выдел – энчи. Над несовершеннолетними детьми устанавливалась опека. Усыновленные дети были уравниены в имущественных правах с родными. Внебрачные дети, в случае признания их отцом, имели только те права, какими мог наделить их отец.

5) В обычном праве кыргызов наследственные отношения рассматривались в рамках семейных. Наследником мог выступать как мужчина, так и женщина. Обычаем предусматривались порядок и способы наследования, механизм разрешения споров при разногласии наследников; устанавливался принцип минората.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное научное исследование позволяет представить следующие выводы и практические рекомендации:

1. Брак является одним из главных показателей социально-правового развития общества, в связи с чем на каждой ступени эволюции брачных отношений кыргызов существовали разнообразные его типы, формы, условия, порядок заключения и прекращения.

Обычай предусматривал моногамный и полигамный типы брака. Однако, несмотря на все законные основания многоженства, данная форма брака среди кыргызов не была столь распространенной. На практике кыргызы жили в моногамном браке, главным образом вследствие порицания многоженства со стороны общества, а также в связи с необходимостью уплаты калыма и других, сопряженных с заключением брака, расходов, то есть полигамия чаще встречалась среди имущего населения.

Автором формулируется вывод о том, что многоженство у кыргызов появилось не в связи с принятием ислама, а существовало как один из признаков большой семьи, бытовавшей среди кыргызского народа; несмотря на патриархальный уклад общества, отношение кыргызов к многоженству было негативным.

Традиционно у кыргызов существовали следующие формы заключения брака: 1) калымный брак; 2) «бел-куда»; 3) «бешик-куда»; 4) «кайчы-куда»; 5) «левиратный брак»; 6) «сороратный брак»; 7) «сеек куда»; 8) «кыз ала качуу (умыкание)»; 9) «куч куйе»; 10) бескалымный брак.

Изучение брачно-семейных отношений у кыргызов по обычному праву выявило, что основными условиями заключения брака между кыргызами было согласие родителей обеих сторон или других родственников, под попечительством которых находятся

будущие супруги, соответствие требованиям экзогамии, уплата калыма, отсутствие психической или другой неизлечимой болезни, различие в вероисповедании. К дополнительным условиям относились достижение совершеннолетия, очередность по старшинству, неравенство в происхождении, социальном положении, имущественном состоянии и др.

Достижения брачного соглашения имел свой порядок, который состоял как из основных обязательных этапов, так и дополнительных (необязательных).

Семейные отношения кыргызов основывались на принципе нерасторжимости брачного союза. Сложный процесс заключения брака усложнял процедуру его расторжения. Развод рассматривался как крайняя мера разрешения проблемных вопросов между супругами.

Формулируется вывод о том, что в обычном праве кыргызов имел место институт недействительности брака, однако он был несовершенен и имел достаточно смутные рамки применения, в связи с чем процедура признания недействительности брака была схожей с процедурой расторжения брака.

2. Брачные отношения между кыргызами на каждом этапе своего развития подвергались изменениям, однако при этом определенные нормы обычного права оставались в неизменном виде, что следует при установлении этапов эволюции института брака. Согласно материалам обычного права кыргызов было выделено четыре этапа развития брачных отношений кыргызов.

3. Эволюция кыргызской семьи имеет длительную историю, связанную с переходом от большой семьи к малой. Основными факторами распада больших семей были: 1) переход от кочевого и полукочевого образа жизни к оседлому; 2) российская политика царизма, приведшая к прекращению межродовых разногласий и т. д.; 3) события 1917 года, которые повлияли на культуру и быт кыргызского общества; 4) ослабление влияния норм обычного права на имущественные отношения внутри кыргызской семьи и развитие института частной собственности; 5) запрещение советской властью калыма, многоженства и др. институтов; 6) постепенное исчезновение института левирата и др.

Малая семья, наряду с существовавшей большой патриархальной семьей, была характерна кыргызам еще с середины I тыс. н. э., однако о полной самостоятельности и независимости такого типа семьи возможно говорить только к началу XX в.

4. Традиционные семейные отношения кыргызов регулировались обычным правом, отражающим различные аспекты общественного быта, но такие нормы рассматривались правом лишь как социальные нормы. С присоединением Кыргызстана к России обычаи кыргызов были официально признаны нормами права и частью правовой системы Империи, в связи с чем формулируются предмет и метод правового регулирования семейных отношений по нормам обычного права кыргызов.

К предмету правового регулирования семейных отношений по нормам обычного права кыргызов относились: 1) общественные отношения, возникающие из брака (условия и порядок вступления в брак, прекращения брака); 2) личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми, между родственниками различной степени родства и в случаях между родственниками и иными лицами; 3) отношения, возникающие из юридических фактов, приравненных обычным правом к родству (усыновление, принятие детей на воспитание в приемную семью); 4) имущественные отношения в семье и наследственные отношения.

Семейно-правовым методом по нормам обычного права кыргызов выступал дозвоительно-императивный метод с усилением императивных начал.

Семейные отношения кыргызов состояли из субъектов, объектов и содержания.

5. Семейные отношения возникали из своеобразных юридических фактов, именуемых состояниями (брак, родство, свойство, материнство, отцовство, усыновление и др). Обоснован вывод, что понятие «родство» в системе семейных отношений кыргызов имело особое значение. Система родства у кыргызов определяется принадлежностью к отцовскому сеeku – «карындаш», материнскому – «тай», после замужества – «кайын» родству. Значимость сеeka «тай» подтверждается соблюдением авункулатного обычая

«жээндик», сохранившегося в форме договора дарения. Данные линии родства в своей совокупности составляли родственный союз кыргыза. Однако помимо указанных трех видов родства выделяется «искусственное» родство по сватовству – *куда сеек*.

6. Автор аргументирует вывод, что обычное право кыргызов защищало в первую очередь, интересы семьи, и нарушение прав одного из членов семьи рассматривалось как нарушение прав и интересов всей семьи.

Обычное право кыргызов предусматривал формы и способы защиты семейных прав, также выделялось понятие семейно-правовой ответственности, основанием которой являлся совершение правонарушения. К преступлениям против семейно-брачных отношений относились следующие деяния: похищение женщины, изнасилование, прелюбодеяние, оскорбление, нанесение обиды родителям и родственникам, осквернение могил предков, кровосмешение.

7. Личные неимущественные отношения кыргызов в семье базировались на принципах родства и взаимной поддержки, выделяясь в три основные группы: взаимоотношения между супругами, родителями и детьми и личные отношения с другими родственниками.

Обычное право устанавливало статус каждого члена семьи и основывалось на принципах родства и заботе о каждом члене семьи.

Формулируется вывод о том, что личные неимущественные отношения в семье носили публичный характер; нормы, регулирующие такие отношения, в своем большинстве, были императивными. Такая жесткая регламентация прав и обязанностей каждого члена семьи, может, и не учитывала мнения и желания каждого, однако в интересах всей семьи помогала организовывать быт и совместными усилиями решать ежедневные проблемы. Таким образом, мы можем сказать, что традиционная семья кыргызов характеризовалась такими признаками, как сплоченность, взаимопомощь и взаимоуважение. Одним из положительных аспектов обычного права было то, что он предусматривал систему взаимной ответственности родственников за детей, оставшихся

без родителей, тем самым, отражая такую характеристику семьи у кыргызов, как взаимовыручка и взаимная ответственность.

Обычным правом кыргызов обеспечивалось равенство мужчины и женщины, поскольку кочевой образ жизни данного народа предопределял правовой статус женщины, и она как в статусе жены, так и матери имела определенный круг правомочий и обязанностей, основной из которых была забота и воспитание детей.

Обычай строго регламентировал правовое положение детей, предусматривал права и обязанности детей, в зависимости от пола ребенка и от его возраста.

8. Личные имущественные отношения кыргызов базировались на принципе семейной собственности, который защищал интересы всей семьи.

Аргументирован вывод, что выдел, калым и приданое являлись важными элементами семейно-имущественных отношений кыргызов, в связи с тем, что, во-первых, выдел являлся правом детей на семейное имущество и обязательством главы семьи на предоставление выдела своим детям; во-вторых, калым и приданое являлись существенными условиями заключения брака; в-третьих, у кыргызов приданое не должно было быть меньше калыма, из чего следует, что предусмотренный адатом обязательный дарообмен уравнивал права сторон при заключении брака и такие действия можно рассматривать как заключение сторонами особого вида гражданско-правового договора.

Рассмотрены более подробно наследственные отношения (*мурасдоо*) в кыргызской семье. Наследодателем могли быть как мужчина, так и женщина; предусматривалось два способа наследования: по адату и по завещанию. По обычному праву завещание могло быть устным и письменным.

В соответствии с проведенным сравнительным анализом необходимо отметить, что существовавшая очередь наследования у кыргызов схожа по своей структуре с группами наследников, действовавших еще в римском праве.

Согласно принципу минората младший сын являлся правопреемником всего оставшегося имущества отца после выделения старших сыновей.

По смыслу обычного права кыргызов после своей смерти имущество каждого кыргыза должно было составлять общее достояние того рода, к которому он принадлежал, и поэтому наследственное имущество не могло выйти за пределы одного рода. Обычное право не знало понятия вымороченное имущество, так как род сохранял право на имущество своих членов после их смерти.

9. В целях совершенствования современного законодательства в сфере брачно-семейных отношений предлагаются следующие *практические рекомендации*, выработанные из проведенного анализа норм обычного права кыргызов:

1) Нормы обычного права кыргызов, такие как уважение младших к старшим, выражение почтения к пожилым людям и оказания им помощи, обеспечение их благополучия действуют и сегодня, что было закреплено на правовом уровне, а именно в статье 37 Конституции Кыргызской Республики: «Уважение к старшим, забота о родных и близких – обязанность каждого».

Однако в настоящее время, учитывая падение традиционных нравов в обществе, одним из видов латентных преступлений в стране являются преступления в форме причинения тяжкого (статья 104 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики), менее тяжкого вреда здоровью (статья 105 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики), поби (статья 110 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики) и истязания (статья 111 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики) по отношению к престарелым людям, непосредственно, в семейном быту. Пунктом 6 статьи 55 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики «Обстоятельства, отягчающие ответственность» предусматривается такое обстоятельство, как совершение преступления в отношении престарелого, однако статьями 104, 105, 110, 111 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики, касающиеся причинению вреда здоровью, данное обстоятельство отсутствует. *В связи с этим мы предлагаем в особую часть вышеуказанных статей включить пункт «в отношении престарелого».*

2) Современный закон диспозитивно относится к запретам экзогамии, однако нормами обычного права кыргызов запреща-

лись браки между родственниками до седьмого колена. Следует расширить круг родственных друг другу лиц как препятствие к заключению брака для улучшения генофонда населения страны. На наш взгляд, *необходимо дополнить статью 15 Семейного Кодекса Кыргызской Республики, установив запреты для вступления в брак между родственниками до третьего колена, то есть не допускать заключение брака с тетями, дядями и племянниками, племянницами; двоюродными братьями и сестрами.*

3) Семейный Кодекс Кыргызской Республики не запрещает лицам, находящимся в состоянии свойства, заключать брак между собой, то есть браки между отчимом, мачехой и пасынком или падчерицей, однако такие запреты содержались в нормах обычного права кыргызов. Обозначенная проблема требует законодательного регулирования, в связи с чем автор предлагает расширить статью 15 Семейного Кодекса Кыргызской Республики и *включить запрет заключения брака между отчимом, мачехой и пасынком, падчерицей*, так как происходит приравнение отношений таких лиц к родственным и заключение брака между лицами, связанными подобными семейными отношениями, является безнравственным.

4) *Предлагается внести изменения в статью 155 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики «Принуждение женщины к вступлению в брак или воспрепятствование вступлению в брак»* и дополнить часть вторую данной статьи, установив такие отягчающие обстоятельства, *как похищение для вступления в брак замужней женщины, сговор, пособничество, нанесение телесных повреждений женщине и доведение ее до самоубийства.*

5) На наш взгляд, *актуальным является проведение всестороннего анализа обычая уплаты калыма при заключении брака для дальнейшего закрепления в законодательстве нормы, регулирующей данный институт.*

6) Для разрешения коллизий между нормами закона и нормами обычного права *предлагается дополнить статью 37 Семейного Кодекса Кыргызской Республики и внести положение о статусе приданого как имущества полностью на праве собственности принадлежащего жене.*

7) Предлагается упростить форму заключения брачного договора и внести изменения в пункт 2 статьи 44 Семейного Кодекса Кыргызской Республики, согласно которым брачный договор можно будет заключать в письменной форме при наличии нескольких свидетелей, то есть без нотариального удостоверения. Такая форма составления брачного договора предусматривалась ранее обычным правом кыргызов. Упрощение формы такого договора необходимо для эффективной реализации данной нормы в практике населения.

8) Автор предлагает на проводимых государством и гражданским обществом курултаях поднять вопрос о проведении анализа и мониторинга существующих обычных норм для последующего принятия на таких собраниях кодекса норм обычного права, действующих и регулирующих сегодняшние общественные отношения, в том числе и отношения в брачно-семейной сфере.

9) Для всестороннего изучения обычного права кыргызов предлагается Министерству образования и науки Кыргызской Республики ввести соответствующие тематики в учебный план дисциплины «История государства и права Кыргызской Республики» для студентов высших учебных заведений; в рамках школьных программ «Человек и общество» ввести лекции о неправомерности такого деяния, как умыкание невест, поскольку практика показывает, что пострадавшей при «ала качуу» становится именно девушка 16-18 лет.

10) Предлагается для реализации пункта 1 статьи 37 Конституции Кыргызской Республики создать Государственный Комитет Кыргызской Республики «по защите и развитию народных обычаев и традиций», основной функцией которого будет исследование и интегрирование положительных обычаев и традиций в национальное законодательство государства.

Создание специального государственного Комитета по вопросам обычаев и традиций является актуальным и своевременным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года [Текст]. Бишкек: Академия, 2010. 96 с.
2. *Борубашов Б.И.* Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе Российского государства (1855-1917г.г.) [Текст] / Б.И. Борубашов. Бишкек, 2009. 284 с.
3. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Текст] / Н.Я. Бичурин. Т.1. М. – Л,1950. 540с.; *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области (Юридический быт) [Текст] / Н.И. Гродеков. Т. I. Ташкент, 1889. 503 с.; *Давлетшин А.* Отчет капитана Давлетшина о командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. [Текст] / А. Давлетшин. СПб, 1901. 106с.; *Загряжский Г.* Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз [Текст] / Г. Загряжский // Туркестанский сборник. Т. 95. СПб, 1873; *Загряжский Г.* Очерки Токмакского уезда [Текст] / Г. Загряжский // газ. «Туркестанские ведомости», № 10. 1873; *Загряжский Г.* Юридический обычай киргиз [Текст] / Г. Загряжский // Материалы для статистики Туркестанского края. вып. IV. 1876; *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока [Текст] / Н.В. Кюннер. М., 1961.; *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. [Текст] / Ф.А. Фиельструп. М., 2002. 300 с.
4. *Аристов Н.А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргиз, на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований [Текст] / Н.А.

Аристов. СПб, 1895.; *Изразцов Н.* Обычное право киргизов // Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования. Н. Изразцов. 6 т. Алматы, 2005. 568 с.; *Зуев А.* Киргизский народный суд 1907 г. // Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования. [Текст] / А. Зуев 6 т. Алматы, 2005. 568 с.; *Козлов И.А.* Обычное право киргизов, 1882 [Текст] / И.А. Козлов. Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I. Алматы, 1948. 360 с.; Извлечение из работы А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» [Текст] / СПб, 1832, ч. III. Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I. Алматы, 1948. 360 с.; *Пален К.К.* Народные суды Туркестанского края. Отчет по ревизии Туркестанского края [Текст] / К.К. Пален СПб, 1909; *Самоквасов Д.Л.* Сборник обычного права сибирских инородцев // Обычаи киргизов [Текст] / Самоквасов Д.Л. Варшава, 1876. 284 с.; *Талызин А.* Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855-1868) // Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г. [Текст] / А. Талызин. Т. 2. Верный, 1898. С. 25–41.; *Терентьев М.* Туркестан и Туркестанцы. Туркестанский сборник [Текст] / М. Терентьев. Том 87. СПб, 1873; *Швецов С.П.* Обыкновенно-правовые воззрения алтайцев (калмык) и киргиз. Брачные и семейные отношения [Текст] / С.П. Швецов. Зап.Сиб. отд. ИРГО. Омск, 1898. Кн.25. 1—16 с.

5. *Bonvalot G.* Through the Heart of Asia. Over the Pamir to India [Текст] / G. Bonvalot. 2 vols. Chapman, London, 1889. 255 p.; *Gordon T.E.* The Roof of the World. Bring The Narrative Journey over the High Plateau of Tibet to the Russian Frontier and the Oxus Sources on Pamir [Текст] / T.E. Gordon. New Delhi, 1994. 172 p.; *Hedin S.* Through Asia [Текст] / S. Hedin. 2 Vols. N-Y&London: Harper, 1899. 456 p.; *Huntington E.* The Pulse of Central Asia [Текст] / E. Huntington. Boston & New York: Houghton, 1907. 415 p.; *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv [Текст] / H. Lansdell. Boston: Adamant Media Corporation, (1885) 2003. Vol. 1. 282 p. Vol.2. 687 p.; *Macartney, L.* An English Lady

- in Chinese Turkestan [Текст] / L. Macartney. London: Ernest Benn, 1931. 233 p.; *Mannerheim C.G.* Across Asia. From West to East in 1906-1908 [Текст] / C.G. Mannerheim. Osterhout N.B.: Anthropological Publications, 1969. 740 p.; *Schuyler E.* Turkistan Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja [Текст] / E. Schuyler. 2 Vols. New York: Scribner, 1876. Vol. 2. 463 p.; *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia [Текст] / E. Sykes. London: Macmillan, 1920. 340p.; *Younghusband F.* The Heart of a Continent. A Narrative of Travels in Manchuria, Across the Gobi Desert, Through the Himalayas, The Pamirs, and Hunza 1884-1894 [Текст] / F. Younghusband. New Delhi, Madras, 1993. 332 p.
6. *Бебель А.* Женщина и социализм [Текст] / А. Бебель. М., 1959. 337 с.; *Маркс К.* Избранные произведения: в 3-х т. Т. 3. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1986, 639 с.; *Морган Л.Г.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации [Текст] / Льюис Г. Морган. Лондон, Макмиллан и К, 1877. 350 с.
  7. *Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана [Текст] / В. Батраков, П. Погорельский, М., 1930; *Дыренкова Н.П.* Брак, термины родства и психические запреты у киргизов [Текст] / Н.П. Дыренкова. // Сборник этнографических материалов. № 2, Л., 1927. С. 112–115.; Кушнер П. М., Горная Киргизия, [Текст] / П. Кушнер, 1929.
  8. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи [Текст] / С.М. Абрамзон. Бишкек, 1990. 480 с.; *Альчиев К.А.* Гражданское право дореволюционной Киргизии [Текст] / К.А. Альчиев // Труды Киргизского государственного университета имени 50-летия СССР. Серия: Юридические науки. Вып.10. Фрунзе, 1975.; *Бартольд В.В.* Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана. / Составление, доп. коммент. и предисловие О. Караева [Текст] / В.В. Бартольд. Бишкек, 1996. 608 с.; *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии [Текст] / А.Д. Грач. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 256 с.; *Джумагулов А.* Семья и брак у кыргызов Чуйской долины

- [Текст] / А. Джумагулов. АН Кырг ССР. Ин-т истории. Фрунзе, 1960. 96 с.; *Джамгерчинов Б.Д.* Киргизы в эпоху Ормонхана. Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX веке [Текст] / Б.Д. Джамгерчинов. Тр. Ин-та языка, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР, 144. Фрунзе: КирФАН СССР, 1944. Вып. 1. С. 111- 130.; *Джамгерчинов Б.Д.* Присоединение Киргизии к России [Текст] / Б.Д. Джамгерчинов. М., 1959. 422 с.; *Джамгерчинов Б.Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России [Текст] / Б.Д. Джамгерчинов. Изд. 2-е. Фрунзе: Киргосиздат, 1963. 436 с.; *Ильясов С.* О существовании патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Киргизии [Текст] / С. Ильясов // Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент: Изд-во АН Узб. ССР, 1955. С. 43–49.; *Кисляков Н.А.* Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – начало XX вв.). [Текст] / Н.А. Кисляков. Л., 1977. 131 с.; *Кожоналиев С.К.* Обычное право кыргызов / Вступ. ст. Чоротегина [Текст] / С.К. Кожоналиев. Бишкек: Фонд «Сорос – Кыргызстан», 2000. 332 с.; *Литвинов П.П.* Роль России в исторических судьбах киргизского народа (по материалам истории памиро-алайских киргизов конца XIX – начала XX вв.). [Текст] / П.П. Литвинов Фрунзе: АКД, 1985.; *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 гг. (по архивным материалам) [Текст] / П.П. Литвинов. Елец, 1998. 20 печ.л.; *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX - начало XX вв.). [Текст] / П.П. Литвинов. Елец, 1996. 14,5 печ.л.; *Нурбеков К.* История государства и права Кыргызской ССР [Текст] / К. Нурбеков. Бишкек, 1999. 129 с.; *Петров К.И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV–XVIII веках [Текст] / К.И. Петров. Фрунзе: Издательство АН Киргизской ССР, 1961. 175с.; *Тургунбеков Р.Т.* Становление и развитие суверенного государства киргизского народа [Текст] / Р.Т. Тургунбеков. Фрунзе: Илим, 1969. 242 с.
9. *Bacon E.* Central Asians under Russian Rule. A Study in Culture Change [Текст] / E. Bacon. Cornell University Press. New York,

1966. P.56-73; Krader L. People of Central Asia [Текст] / L. Krader. Uralic and Altaic Series / Vol. 26 . Indiana University, Bloomington Mouton & Co., The Hague, The Netherlands, 1963. P. 141–151.
10. *Арабаев Ч.И.* Жарандык укук [Текст] / Ч.И. Арабаев. Бишкек, 2009; *Абдылдаев К.Б.* Гражданское право Кыргызской ССР. Историко-правовой аспект [Текст] / К.Б. Абдылдаев, Ф.А. Зайков. Б., 2002; *Асанова К.И.* Семейное право Кыргызстана [Текст] / К.И. Асанова, Ф.А. Зайков. - Ассоциация независимых ученых юристов Кыргызской Республики. Б., 1998.; *Аттокуров С.* Кыргызское родословие [Текст] / С.Аттокуров. Бишкек, 1995.; *Бейшембиев Э.Ж.*, Введение в историю кыргызской государственности: Курс лекций для вузов [Текст] / Э. Ж. Бейшембиев, Д. Д. Джунушалиев, В.П. Мокрынин, В.М. Плоских. Бишкек: Илим, 1994. 158 с.; *Бейшембиев Э.Ж.* Кыргызстан: от кочевого к суверенному государству [Текст] / Э.Ж. Бейшембиев. Вестник КГЮА. № 2. Бишкек, 2008. С. 16–20.; *Борубашов Б.И.* Систематизация обычного права кыргызов [Текст] / Б.И. Борубашов // Материалы научно-практической конференции «Перспективные направления совершенствования законодательства Кыргызской Республики». Бишкек, 2008. С. 31–40.; *Борубашов Б.И.* Регулирования брачно-семейных отношений по адату [Текст] / Б.И. Борубашов // Вестник КРСУ. Т. 9, № 2. Бишкек, 2009. С. 28–33.; *Борубашов Б.И.* Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана [Текст] / Б.И. Борубашов. Том 1. Бишкек, 2008; *Борубашов, Б.И.* История государства и права Кыргызской Республики [Текст] / Б.И. Борубашов, З.И. Галиева. Бишкек, 2003.; *Галиева З.И.* История государства и права кыргызской Республики: Учебник для студентов, обучающихся по спец. Юриспруденция [Текст] / З.И.Галиева, Э.Э. Молдоев. Бишкек: Турар, 2011. 516 с.; *Гольшева Е.В.* Правовое регулирование брака в Кыргызской Республике [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.В. Гольшева. Бишкек, 2010.; *Кибанова Е.Э.* Формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, по законодательству Кыргызской Респу-

блики [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.Э. Кибанова. Бишкек, 2010.; *Кронгард Г.К.* Население Кыргызстана во II половине XIX – начале XX в. (формирование, состав, взаимосвязи и взаимоотношения этносов) [Текст] / Г.К. Кронгард. Бишкек: Илим, 1997. 132 с.; *Мукамбаева Г.А.* Манас и право (2200-летию кыргызской государственности) [Текст] / Г.А. Мукамбаева. Бишкек, 2003; *Мукамбаева Г.А.* Государство и право [Текст] / Г.А. Мукамбаева. Б., 1998; *Муратбекова С.М.* Семейное право. Учебное пособие [Текст] / С.М. Муратбекова, Р.Т. Ибраимов. Б., 2010.; *Ниязова А.Н.* Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений в Кыргызской Республике [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.Н. Ниязова. Бишкек, 1999.; *Подкорытова О.В.* Защита личных неимущественных прав и законных интересов родителей как участников семейных отношений [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.В. Подкорытова. Д., 2009.; *Омурбекова Т.Н.* Роль и место великих личностей в истории Кыргызстана (середина XIX – начало XX вв.) [Текст] / Т. Н. Омурбекова. Бишкек: Бийиктик, 2003.; *Осмонов О. Дж.* История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней) [Текст] / О. Дж. Осмонов. Бишкек, 2008; *Розахунова Н.Р.* Дореволюционное развитие государства и права Кыргызской Республики [Текст] / Н.Р. Розахунова. Бишкек, 2005. 252 с.; *Розахунова Н.Р.* Семейное право: учебное пособие [Текст] / Н.Р. Розахунова, М.Р. Розахунова. Бишкек, 2004. 91 с.; *Сооронкулова К.С.* Обычное право и современная правовая система Кыргызской Республики [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / К.С. Сооронкулова. Б., 2009.; *Токтобаев Б.Т.* Функции государства [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Б.Т. Токтобаев. Бишкек, 1998. 31 с.; *Уметов К.А.* Этапы становления и развития государственности кыргызского народа [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / К.А. Уметов. Б., 2009.; *Шамилов М.Ш.* Эреже как источник гражданско-процессуального права кыргызов XX века [Текст] / М.Ш. Шамилов // Вестник Кыргызского Национального Университета им Ж.

Баласагына. Серия № 5, Труды молодых ученых Выпуск 1. Гуманитарные и педагогические науки. Бишкек, 2005; *Шамилов М.Ш.* Становление и развитие гражданского судопроизводства в Кыргызской Республике [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.Ш. Шамилов. М., 2007.; *Усенбаев К.* Народные движения Средней Азии в XIX веке (по материалам Южного Кыргызстана) [Текст] / К. Усенбаев. Бишкек – Ош, 1998.

11. *Абдрасулов Е.Б.* Толкование закона и норм Конституции: теория, опыт, процедура: Монография./ Е.Б. Абдрасулов. Алматы: Оркениет, 2002. 400 с.; *Абдурасулов Е.Б.* Практика толкование закона в странах СНГ в переходный период [Текст] / Е.Б. Абдурасулов // Правоведение. 2002. № 4. С. 102–115.; *Алимжан К.А.* Вопросы теории обычного права [Текст] / К.А. Алимжан. Алматы, 2003. 320 с.; *Алимжан К.А.* Суд биев как обычно-правовое утверждение и институт обычного права [Текст] / К.А. Алимжан. // Право и государство. 1998, № 3.; *Ауешова Б.Т.* Институт обязательства в обычном праве казахов и его значение в современности [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Б.Т. Ауешова. Алматы, 2006. 29 с.; *Аюпова З.К.* Концепция правового государства. / З.К. Аюпова, С.Н. Сабикенов. Алматы, 1996. 104 с.; *Ахметова Н.С.* Ереже – положение съездов биев. Сбор. правовых памятников и документов по истории обычного права казахов втор. пол. XIX и нач. XX вв. [Текст] / Н.С. Ахметова, Г.З. Кожаметов. Караганда, 1997. 123 с.; *Джандарбек Б.А.* Усыновление (удочерение) в семейном праве Республики Казахстан: монография [Текст] / Бауыржан Абылкасымулы Джандарбек. КазНУ им. аль-Фараби. Алматы: Қаз. Ун-ті, 2007. 182 с.; *Жакипова А.Ж.* Развитие семейно-брачных отношений в Казахстане [Текст] / А.Ж. Жакипова. Алма-Ата, 1971.; *Зиманов С.З.* Проблемы казахского обычного права [Текст] / Зиманов С.З. Алма-Ата: Наука, 1989. 144 с.; *Ибраева А.С.* Особенности формирования и развития казахского права «Жаргы» и роль биев в его укреплении [Текст] / А.С. Ибраева // Казахский национальный университет имени Аль-Фараби Вестник

- №3 (47) 2008 г. С. 102–105.; *Ибраева А.С.* Теория государства и права: Учебное пособие. / А.С. Ибраева, Н.С. Ибраев. Алматы: Казак университети, 2001. 302 с.; *Культелеев Т.М.* Уголовное обычное право казахов [Текст] / Т.М. Культелеев – Алматы; 2004. 312 с.; *Сабиров Г.И.* Семейно-брачные и родоплеменные взаимоотношения у казахов в XIX- нач. XX в. в. (Быт, традиции, обычаи и обряды): этнологический сборник [Текст] / Г.И. Сабиров. Уральск: ИД «Өркениет», 2005. 132 с.; *Сапаргалиев Г.С.* Карательная политика царизма в Казахстане [Текст] / Г.С. Сапаргалиев. Алма-Ата: Наука, 1966. 376 с.; *Сартаев С.* Материалы по истории государства и права казахов [Текст] / С. Сартаев, С. Созакбаев. Алматы, 1994; *Супатаев К.* Создание и развитие Советского суда в Киргизии [Текст] / К. Супатаев, Ф.П. Тайгин. Фрунзе, 1971. 202 с.; *Узбекулы С.* Право кочевой цивилизации казахов [Текст] / С. Узбекулы. Алматы: Мектеп, 2002. 224 с.
12. *Abazov R.* Culture and Customs of Central Asian Republics [Текст] / R. Abazov. - Greenwood Press, London, 2006.; *Martin V.* Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century [Текст] / V. Martin. Biddles Ltd, Guildford and King's Lynn, Great Britain, 2001.; *Whitefield S.* Aurel Stein on the Silk Road [Текст] / S. Whitefield. Chicago: Serindia Publications, 2004. 143 p.
13. *Аюбджанова М.А.* Женский вопрос в Туркестане (1865-1917 г.) [Текст]: автореф. дис... канд. ист. наук / М.А. Аюбджанова. Ташкент, 1964.; *Басаева К.Д.* Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX вв.) [Текст] / К.Д. Басаева. Новосибирск, 1980. 224 с.; *Бейтуганов А.З.* Обычное право кабардинцев: Вопросы теории [Текст]: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бейтуганов А.З. Ростов-на-Дону, 2001. 163 с.; *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы [Текст] / В.И. Вербицкий. // Сб. этнографических статей и исследований. М.; Г-Алтайск, 1993; *Волгина А.П.* Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX–XX вв. [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.П. Волгина. Ставрополь, 2004. 26 с.; *Вяткина К.Б.* Очерки культу-

ры и быта бурят [Текст] / К.Б. Вяткина. Л., 1969.; *Гандарова Л.Б.* Обычное право ингушей [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Л.Б. Гандарова. Санкт-Петербург, 2004. 177 с.; *Гылыкова Е.С.* Обычное право бурят (Историко-правовое исследование). [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.С. Гылыкова. РУДН. – М., 2005. 21 с.; *Залкинд Е.М.* Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / Е.М. Залкинд. М., 1970.; *Игнатъева М.Н.* Обычное право якутов (XVII–XIX вв.) [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.Н. Игнатъева. АН СССР, Инс-т гос. и право. М., 1989. 24 с.; *Кавшбая Л.Л.* Обычное право абхазов в конце XVIII–XIX вв.: Историко-правовой аспект [Текст]: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Л.Л. Кавшбая. Нижний Новгород, 1999. 158 с.; *Медведева Т.Н.* Обычное семейное право хакасов [Текст]: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.07 / Т.Н. Медведева. Томск, 2004. 26 с.; *Нижник Н.С.* Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России, IX–XX вв. [Текст]: автореф. дис... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург, 2003. 56 с.; *Петри Б.Э.* Брачные нормы у северных бурят [Текст] / Петри Б.Э. Иркутск, 1924.; *Савинов Д.Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья [Текст] / Д.Г. Савинов // Кемерово: КемГУ, 1994. 215 с.; *Сагидов А.М.* Обычаи и традиции в правовой системе Республики Дагестан [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.М. Сагидов. М., 2008. 30 с.; *Тадина Н.А.* Алтайская свадебная обрядность XIX–XX вв. [Текст] / Н.А. Тадина. Горно-Алтайск, 1995.; *Тоцакова Е.М.* Общественное и семейное положение женщины у южных алтайцев [Текст]: автореф. дис... канд. ист. наук / Е.М. Тоцакова. Л., 1953.; *Угдыжеков С.А.* Семейно-брачная структура кыргызов VI–XIII вв. [Текст] / С.А. Угдыжеков // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Сер. 3: История. Право. Вып. 3. Абакан, 2003. С.59-63.; *Хангалов М.И.* Собрание сочинений [Текст] / М.И. Хангалов. Т. 1.

- Улан-Удэ, 1958; Цибииков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят [Текст] / Цибииков Б.Д. Улан-Удэ, 1970. 283 с.
14. Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана: Учебное пособие [Текст] / Сост. Б.И. Борубашов. Том 1. Бишкек, 2008. 657с.
  15. Тысяча кыргызских пословиц и поговорок из собрания академика К.К. Юдахина [Текст] / Сост. Д.Т. Давлетбакова. Бишкек, 2000. 232 с.
  16. Сборник обычного права киргизов [Текст] / Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I. Алматы, 1948. 360 с.
  17. Данные Статкомитета Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: <http://212.42.101.124:1041/stat1.kg/images/stories/docs/Ejegodnik/Population/demo%2015.pdf>
  18. *Маркс К.* Избранные произведения. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс: в 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986, 639с.
  19. *Нурбеков К.* История государства и права Киргизской ССР [Текст] / К. Нурбеков. Бишкек, 1999. 129 с.
  20. *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. [Текст] / Ф.А. Фиельструп. М., 2002. 300 с.
  21. *Нижник Н. С.* Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России, IX–XX вв. [Текст]: автореф. дис... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Н.С. Нижник. Санкт-Петербург, 2003. 56 с.
  22. *Сооронкулова К.С.* Обычное право и современная правовая система Кыргызской Республики [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / К.С. Сооронкулова. Бишкек, 2009. 23 с.
  23. *Петров К.И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV–XVIII веках [Текст] / К.И. Петров. Фрунзе: Издательство АН Киргизской ССР, 1961. 175с.
  24. *Давлетшин А.* Отчет по командировке в Туркестанский край и Степные области, для ознакомления с деятельностью народных судов [Текст] / А. Давлетшин. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 106 с.

25. *Загряжский Г.* Юридический обычай киргиз [Текст] / Г. Загряжский // *Материалы для статистики Туркестанского края, 1876.* вып. IV. С. 27-34.
26. *Материалы для изучения юридических обычаев киргизов Семипалатинского областного статистического комитета 1886* [Текст] // *Материалы по казахскому обычному праву.* Сборник I. Алматы, 1948. 360с.
27. *Асанов У.* Правовое регулирование института брака по нормам обычного права кыргызов во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст] / У. Асанов, Ж.Ч. Тегизбекова // *Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России.* СПб, 2011. № 4 (52). С.10-14.
28. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Вступительная статья, Е.А. Суханов [Текст] / Г.Ф. Шершеневич. М.: Фирма «СПАРК», 1995. 556 с.
29. *Сольц А.* Аборт и алименты [Текст] / А. Сольц // *Газета Труд.* № 97. 27 апр, 1937; Семашко Н. Какой замечательный закон! (К отмене абортов в СССР) [Текст] / Н. Семашко // *Газета Медицинский работник.* 16 июля, 1937.
30. ВЦИК XII созыва: Вторая сессия: Стенографический отчет [Текст] / М., 1925. 396 с.
31. *Кожоналиев С.К.* Обычное право кыргызов / Вступ. ст. Чоротегина [Текст] / С.К. Кожоналиев. Бишкек: Фонд «Сорос – Кыргызстан», 2000. 332 с.
32. *Афанасьева И.В.* Брак и семья [Электронный ресурс]: <http://www.to-1.ru/articles/248/>
33. *Генкин Д.М.* История советского гражданского права / Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1949. С. 390-500.
34. *Белякова А.М.* Советское семейное право. Учебник [Текст] / А.М. Белякова, Е.М. Ворожейкин. / под ред.: Грибанов В.П. М.: Юрид. Лит., 1974. 304 с.
35. *Свердлов Г.М.* Советское семейное право: учебник [Текст] / Г.М. Свердлов. М.: Госюриздат, 1958. 299 с.
36. *Рясенцев В.А.* Семейное право [Текст] / В.А. Рясенцев. М., 1971. 296 с.

37. *Мукамбаева Г.А.* Государство и право Кыргызстана [Текст] / Г.А. Мукамбаева. Бишкек: КНУ, Юридический факультет, 1998. С. 223.
38. *Нечаева А.М.* Семейное право. Курс лекций [Текст] / А.М. Нечаева. М.: Юристъ, 2005. 320с.
39. Семейный Кодекс Кыргызской Республики от 30 августа 2003 года, № 201 [Текст] / Бишкек, 2004. 86с.
40. *Волков Ю.Г.* Социология. Формы брака / Ю.Г. Волков, В.И. Добренъков. [Электронный ресурс]:
41. http://society.polbu.ru/volkov_sociology/ch103_all.html; Основные формы брака [Электронный ресурс]: <http://www.nuru.ru/socio/052.htm>
42. *Linton R.* The Study of Man: An introduction [Текст] / R. Linton. N.Y., 1936. 503р.
43. *Тегизбекова Ж.Ч.* Регионализм и его влияние на развитие семейно-брачных отношений кыргызов в к. XIX – н. XX вв. [Текст] / Ж.Ч. Тегизбекова // Материалы третьей международной научной конференции «Федерализм и регионализм: приоритеты XXI века». Владикавказ, 23-24 сентября 2011. С.143-151.
44. *Кушнер П.* Горная Киргизия (Социологическая разведка) [Текст] / П. Кушнер. М., 1929. 128с.
45. *Кадыров К.* Кыргызстан. Традиции и обычаи киргизов [Текст] / В.Кадыров. Бишкек: Раритет, 2005. 56с.
46. *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области (Юридический быт) [Текст] / Н.И. Гродеков. Т. I. Ташкент, 1889. 503с.
47. *Малышев Н.* Обычное семейное право киргизов [Текст] / Н. Малышев. Ярославль, Типография Губернского правления, 1902. 104 с.
48. *Hedin S.* Through Asia [Текст] / S. Hedin. 2 Vols. N-Y&London: Harper, 1899. 965р.
49. *Macartney C.L.* An English Lady in Chinese Turkestan [Текст] / L. Macartney. London: Ernest Benn, 1931. 236 p.
50. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи [Текст] / С.М. Абрамзон. Бишкек, 1990. 480 с.

51. Корреспонденция из Пржевальска [Текст] / Газета Туркестанские ведомости, 1900, № 97.
52. *Вышпольский В.* Медико-топографические очерки Иссык-Кульского уезда (Пржевальского) Семиреченской области с описанием преобладающих болезней, в зависимости от почвы, климата и бытовых условий, среди населения уезда [Текст] / В. Вышпольский. Военно-мед. журн., 1895, X.
53. Государственный архив Башкирской Республики [Текст] / Ф. 2. Оп. 1. Д. 15197. Л. 70.
54. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 68 [Электронный ресурс]: www.toktom.kg
55. *Колодина В.П.* Условия заключения брака: проблемы теории и законодательства [Текст] / В.П. Колодина. Вестник КРСУ. Том 10. № 6. Бишкек, 2010. С.128-131.
56. *Мамараимов А.* Многоженство в Киргизии: Законы не могут изменить реальное положение вещей [Электронный ресурс]:
57. <http://fergananews.mirror.tengu.ch/articlec9c5.html?id=4993>
58. *Убайдуллаева К.* Как быть нам, султанам? Многоженство в Кыргызстане – преступление без наказания [Электронный ресурс]: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1333689960>
59. Цена у нас одинаковая. Мы не обижаемся. Опыт многоженства в Кыргызстане [Электронный ресурс]:
60. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1178314020>
61. В кыргызстане за последние 5 лет по статье “Двоеже-ство и многоженство” возбуждено 3 уголовных дела, 15.01.2013 [Электронный ресурс]: <http://www.paruskg.info/2013/01/15/74486>
62. *Молдошева А.* Многоженство в современном Кыргызстане (информационная справка) [Электронный ресурс]: <http://www.analitika.org/article.php?story=20050929023818225>
63. *Риклтон К.*, Кыргызстан: Многоженство мешает решить проблему похищения невест [Электронный ресурс]: <http://rus.kg/news/obshetvo/2183-kyrgyzstan-mnogozhenstvo-meshaet-reshit-problemu-pohisчениya-nevest.html>
64. *Тогузбаев К.* Многоженство и калым отменены. Да здравствуют токалки и калым? [Электронный ресурс]:

65. http://rus.azattyq.org/content/plural_marriage_kazakhstan_islam_/24233449.html
66. *Вагабов М.В.* Ислам и семья [Текст] / М. В. Вагабов. М., 1980. 176с.
67. *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы [Текст] / С.Е. Малов. М.-Л.: 1952. 114с.
68. *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир (Чингис-хан. Личность и эпоха) [Текст] / Е.И. Кычанов. 2-е изд. испр.и доп. Бишкек: Кыргызстан, 1991. 286 с.
69. *Джумагулов А.* Полевые записи [Текст] / А. Джумагулов. Ф, 1957. № 1 . С. 31.
70. ЦГА Республики Казахстан [Текст] / ф 44, оп.2, д.20, лл. 12-21 об.
71. ЦГА Республики Казахстан [Текст] / ф.64. оп.1, д. 1901, л.л. 52-53.
72. *Коломиец О.П.* О некоторых формах брака у сибирских татар [Текст] / О.П. Коломиец. // Культурология традиционных сообществ: Конкурсные работы молодых ученых / Отв. ред. М.Л. Бережнова. Омск: Изд-во Омск. педагогическ. ун-та, 2002. С. 112-119.
73. *Алтынсарин И.А.* Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргиз Оренбургского ведомства [Текст] / И.А. Алтынсарин. вып.1. Зап. Оренбургск. Отд. РГО, 1870. С. 101–116.
74. *Кисляков Н.А.* Следы первобытного коммунизма у горных таджиков вахио-Боло [Текст] / Н.А. Кисляков. М. – Л., 1936. 160с.
75. *Наливкин В.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы [Текст] / В. Наливкин, М. Наливкина. Казань, 1886. 125с.
76. *Дьяконова В.П.* Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая) [Текст] / В.П. Дьяконова. Горно-Алтайск, 2001. 223с.
77. *Каратанов И.* Черты внешнего быта качинских татар [Текст] / И. Каратанов // Известия Императорского русского географического общества. 1884. Т. XX (извлечение). С. 6-33.

78. *Козлова К.И.* Этнография народов Поволжья [Текст] / К.И. Козлова. М., 1964. 175с.
79. *Мокшина Ю.Н.* Брак и семья в обычном праве мордвы [Текст] / Ю.Н. Мокшина. Саранск, Мордовское книжное издательство, 2005. 256 с.
80. *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары. Культура и быт [Текст] / Ф.Т. Валеев. Казань, 1993. 208с.
81. *Винников И.Н.* Арабы в СССР [Текст] / И.И. Винников // Советская этнография, IV. М.-Л., 1940. С.3-22.
82. *Дыренкова Н.П.* Брак, термины родства и психические запреты у киргизов [Текст] / Н.П. Дыренкова. // Сборник этнографических материалов. № 2, Л., 1927. С. 112-115.
83. *Васильева Г.П.* Туркмены-нохурли [Текст] / Г.П. Васильева. // Среднеазиатский этнографический сборник, I, ТИЭ, т.ХХI. М., 1954. С.194-197.
84. Бестужев-Лада И.В. Семья вчера, сегодня, завтра... [Текст] / И. В. Бестужев-Лада. М., 1979; Харчев А. Г. Брак и семья в СССР [Текст] / А.Г. Харчев. 2 изд. М., 1979. 369с.; Юркевич Н. Г. Семья и личность [Текст] / Н. Г. Юркевич. Мн., 1986. 79с.
85. Википедия [Электронный ресурс]: <http://wiki.rgoonline.ru/sewrnaya-enciklopedia/narody/obshchestvennyye-otnosheniya/1943-page2336.html>
86. *Толстов С.П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации туркмен [Текст] / С.П. Толстов. // «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1935. № 9. С. 9-10.
87. *Өзбекұлы С.* Көшпелі қазақ өркениетіндегі құқық. Право кочевой цивилизации казахов: Монография [Текст] / С. Өзбекұлы. Алматы: Мектеп, 2002. – 224с.
88. *Токаева Н.Ф.* К вопросу о браке и свадебных обрядах у северных осетин в XIX - начале XX в. [Текст] / Н.Ф. Токаева. // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1959. Вып. XXXII. 216с.
89. Морган, Льюис Г. Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство

- к цивилизации [Текст] / Льюис Г. Морган. Лондон, Макмиллан и К, 1877. 350с.
90. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Сорорат/>
91. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии [Текст] / Вып. 36, 1893. – 134с.
92. *Джумагулов А.* Семья и брак у кыргызов Чуйской долины [Текст] / А.Джумагулов. АН Кырг ССР. Ин-т истории. Фрунзе, 1960. 96 с.
93. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]: Советская энциклопедия. 1969-1978 // www.slovari.yandex.ru
94. ЦГА Башкирской Республики [Текст] / Ф. 2. Оп. 1. Д. 275. Л. 1-1 об.
95. ЦГА Башкирской Республики [Текст] / Ф. 2. Оп. 1. Д. 2125. Л. 8-9.
96. Ельницкий, К. Инородцы Сибири [Текст] / К. Ельницкий. СПб., 1895. 141с.
97. *Томилов Н.А.* Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья [Текст] / Н.А. Томилов. Томск, 1983. 215с.
98. *Першиц А.И.* Похищение невест: правило или исключение? [Текст] / А.И. Першиц. // Сов. этнография. 1982. № 4. С. 121-127.
99. *Штернберг Л.Я.* Семья и род у народов Северо-Восточной Азии [Текст] / Л.Я. Штернберг. Л., 1933. 365с.
100. *Першиц А.И.* Свадебные антагонизмы [Текст] / А.И. Першиц, Л.С. Смирнова. // Природа. 1998. № 5. С. 61-69.
101. *Handrahan L.M.* International Human Rights Law and Bride Kidnapping in Kyrgyzstan [Электронный ресурс]: <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav012400.shtml>
102. *Ахмаров Г.Н.* Свадебные обряды казанских татар [Текст] / Г.Н. Ахмаров. // Известия Казанского общества археологии, истории и этнографии. Казань. Т. 23. Вып. 1. Казань, 1907. С. 1-38.
103. *Бектеева Е.А.* Нагайбаки (крещенные татары Оренбургской губернии) [Текст] / Е.А. Бектеева. // Живая старина. СПб., 1902. Вып. II. С. 168-170.

104. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства [Текст] / Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1948. 138с.
105. *Румянцев П.П.* Русские старожильческие селения Лепсинского, Копальского, Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. [Текст] / П.П. Румянцев. Пг., 1915. Т. VI. Ч. 1. 997с.
106. *Абрамзон С.М.* Киргизская семья в эпоху социализма [Текст] / С.М. Абрамзон. // Советская этнография, 1957. № 5. 135-145.
107. *Белоцкий М.Л.* Кыргызская Республика. Популярный очерк [Текст] / М.Л. Белоцкий. М., 1936. С.133.
108. *Волков Ю.Г.* Формы брака [Электронный ресурс]: Ю.Г. Волков, В.И. Добренников.: http://society.polbu.ru/volkov_sociology/ch103_all.html
109. *Тегизбекова Ж.Ч.* Условия вступления в брак по нормам кыргызского адата [Текст] / Ж.Ч. Тегизбекова // Право и политика. Бишкек, 2011. № 1, 2. С. 30-35.
110. *Загряжский Г.* Очерки Токмакского уезда [Текст] / Г. Загряжский. // Туркестанские ведомости. 1873. № 10.
111. *Абрамзон С.М.* Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. Родовое общество [Текст] / С.М. Абрамзон. // Труды Института этнографии АН СССР. Т. XIV, 1951. С. 132-156.
112. *Задыхина К.Л.* Узбеки дельты Аму-дарьи [Текст] / К. Л. Задыхина. // Труды Хорезмской архелого-этнографической экспедиции. М., 1952. С. 319-426.
113. *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии [Текст] / А.Д. Грач. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 256с.
114. *Козлов И.А.* Обычное право киргизов, 1882 [Текст] / И.А. Козлов. // Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I. Алматы, 1948. 360 с.
115. Извлечение из работы А.И. Левшина «Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей» СПб, 1832, ч. III.

- [Текст] / Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I. Алматы, 1948. 360 с.
116. *Вамбери А.* Очерки Средней Азии [Текст] / А. Вамбери. М., 1868. 221с.
  117. *Изразцов Н.* Обычное право «адат» у киргизов [Текст] / Н. Изразцов. Этнограф. Обзорение. 1897. Т. XXXII. № 1. 76 с.
  118. *Кисляков Н.А.* Семья и брак у таджиков (по материалам конца XIX – начала XX века) [Текст] / Н.А. Кисляков. Л., 1959. 601с.; Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана [Текст] / Н.А. Кисляков. Л., 1969. 240 с.
  119. Эреже чрезвычайного съезда народных судей Усткаменногогорского и Семипалатенского уездов от 17 августа 1896 [Текст] / Киргизская Степная Газета, 1898. № 34.
  120. *Загряжский Г.* Заметки о народном самоуправлении у каракиргиз [Текст] / Г. Загряжский. // Туркестанский сборник. Санкт-Петербург, 1873. Т. 95.
  121. ЦГА Российской Федерации [Текст] / Ф. 1396, оп. 1. д. 400, л. 90 об.
  122. Слободянюк Н. Семья: крепость или тюрьма? [Электронный ресурс]: http://www.inform.kg/ru/semya_krepost_ili_tyurma/
  123. Данные Национального Статистического Комитета Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]:
  124. http://stat.kg/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=1&Itemid=125; Новости «Кабар» [Электронный ресурс]:
  125. <http://kabar.kg/news/2009/08/04/2010.html>;
  126. *Тихоненко Е.* Развод и девичья фамилия // МК – Азия [Электронный ресурс]: http://www.mk.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=2380
  127. Браки на расстоянии все чаще заканчиваются «смс-разводами» [Электронный ресурс]: <http://www.for.kg/goid.php?id=100942&print>
  128. В Кыргызстане растет количество разводов [Электронный ресурс]: <http://www.report.kg/analitic/publicity/335-v-kyrgyzstane-rastjot-kolichestvo.html>

129. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики, январь-май 2012 года [Текст] / Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики. Бишкек, 2012. С. 151.
130. *Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана [Текст] / Н.А. Кисляков. Л., 1969. 240 с.
131. Древняя культура Кыргызстана. Поселение и жилище кыргызов [Электронный ресурс]:
132. <http://www.silkroadadventures.net/ru/Kyrgyzstan/7Culture/7Culture-1.html>; Кыргызстан. Традиции и обычаи киргизов [Текст] / В. Кадыров. Б.: Раритет, 2005. 56 с.
133. *Евреинов А.* Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда [Текст] / А. Евреинов. // Современник, октябрь, 1851. 96 с.
134. *Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев [Текст] / Л.П. Потапов. Л., 1953. 447с.
135. *Жданко Т.А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков [Текст] / Т.А. Жданко. М., 1950. 172с.
136. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа [Текст] / М.О. Косвен. // Исследования и материалы. М., 1961. 240с.
137. *Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана [Текст] / В. Батраков, П. Погорельский. М., 1930. С. 131-132.
138. *Румянцев П.П.* Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Пишпекский уезд. Киргизское хозяйство [Текст] / П.П. Румянцев. Т. VII, вып. 2. Тексты. Пгр., 1916. С. 281-283.
139. Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область, Наманганский уезд [Текст]. Ташкент, 1913. С. 27.
140. *Угдыжеков С.А.* Семейно-брачная структура кыргызов VI-XIII вв. [Текст] / С.А. Угдыжеков // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Сер. 3: История. Право. Вып. 3. Абакан, 2003. С. 59–63.
141. *Абрамзон С.М.* К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии [Текст] / С.М. Абрамзон. // КСИЭ. Вып. XXVIII. 1958. С. 32–34.

142. *Абрамзон С.М.* Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) [Текст] / С.М. Абрамзон, Л.П. Потапов. // СЭ. 1975. № 6. С. 28-41.
143. *Цэрэнханд Г.* Некоторые обычаи избегания у монголов [Текст] / Г. Цэрэнханд. // Сов. Этнография. № 5. М., 1991. С. 111-115.
144. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки [Текст] / Л.Н. Гумилев. М, 1967. 528с.
145. *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоненейских тюрков VI – VIII веков [Текст] / А.Н. Бернштам. М. – Л., 1946. 211с.
146. *Зуев Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков [Текст]: автореф. дис... канд. наук. / Ю.А. Зуев. Алма-Ата, 1967.
147. *Абрамзон С.М.* Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье [Текст] / С.М. Абрамзон. М., 1973. С. 300-304.
148. *Тортика А.А.* Некоторые эколого-демографические аспекты истории кочевых обществ [Текст] / А.А. Тортика, В.К. Михеев, Р.И. Кортиев. // Этнографическое Обозрение. М, 1994. № 1. С. 49-62.
149. *Пиков Г.Г.* Семейно-брачное право у киданей [Текст] / Г.Г. Пиков. // Центральная Азия и соседние территории в средние века. История и культура востока Азии. Новосибирск, 1990. С. 20-28.
150. *Воробьев М.В.* Культура чжурчженей и государства Цзимь (X в. – 1234 г.) [Текст] / М.В. Воробьев. М., 1983. 367с.
151. *Дождев Д.В.* Римское частное право [Текст] / Д.В. Дождев. М, 1996. 685 с.
152. *Блохина О.Ю.* Основы римского частного права [Текст] / Блохина О.Ю., Гуцариев Х.С., Санников В.П., Ченцев И.В. II Вып. СПб., 1996. 207с.
153. *Шибаета Ю.Л.* Пережитки родового строя у хакасов в системе родства и брачно-семейных отношений [Текст]: автореф. дис... канд. ист. наук. / Ю.Л. Шибаета. Абакан, 1947. 22с.

154. *Асанова К.И.* Семейное право Кыргызстана [Текст] / К.И. Асанова, Ф.А. Зайков. Ассоциация независимых ученых юристов Кыргызской Республики. Бишкек, 1998. С.11.
155. Советское семейное право [Текст] / под. ред. Рясенцева В.А. М., 1982. 256 с.
156. *Иванова Н.А.* Новое в законодательстве о браке и семье [Текст] / Н.А. Иванова, Ю.А. Королев, П.И. Седугин. М.: Юрид. лит., 1970. 135с.
157. *Пчелинцева Л.М.* Семейное право России. Учебник для вузов [Текст] / Л.М. Пчелинцева. М.: Издательство НОРМА, 2000. 368 с.
158. Конституция Италии от 22 декабря 1947. [Электронный ресурс]: // <http://italy.ucoz.ru/publ/17-1-0-39>
159. Конституция Греции от 11 июня 1975 [Электронный ресурс]: // <http://worldconstitutions.ru/archives/153>
160. Конституция Ирландии от 29 декабря 1937 [Электронный ресурс]: // <http://worldconstitutions.ru/archives/151>
161. *Кузнецова И.М.* Семейное право: Учебник [Текст] / И.М. Кузнецова. М.: Юристъ, 1999. 118с.
162. *Джумагулов А.* Некоторые обычаи и обряды дореволюционной киргизской семьи [Текст] / А. Джумагулов. // Известия Академии наук Киргизской ССР, серия общественных наук. Фрунзе, 1959, Т. 1., В. 1. С. 79-85.
163. *Бутанаев В.Я.* Воспитание маленьких детей у хакасов [Текст] / В.Я. Бутанаев. // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 206-221.
164. *Шнейдер Л.Б.* Функционально-ролевая структура семейных отношений [Текст] / Л.Б. Шнейдер. // Психология семейных отношений. Курс лекций. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКС-МО-Пресс, 2000. С. 132-133.
165. *Захаров А.И.* Психологические особенности диагностики оптимизации взаимоотношений в конфликтной семье [Текст] / А.И. Захаров. // Вопросы психологии. СПб.: Изд-во Речь, 2007. № 3. С. 58-68.
166. *Мукамбаева Г.А.* Манас и право [Текст] / Г.А. Мукамбаева. Бишкек, 2003. С.269.

167. *Муратбекова С.М.* Семейное право: учебное пособие [Текст] / С.М. Муратбекова, Р.Т. Ибраимов. Бишкек, 2010. 285 с.
168. Материал из Википедии - свободной энциклопедии [Электронный ресурс]: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F>
169. Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Тип. Окружного Штаба. Кн. 25. Омск, 1898. 113с.
170. Ольдерогге Д.А. Основные черты развития систем родства [Текст] / Д.А. Ольдерогге // Советская этнография. № 6. Л., 1960. С. 24-30.
171. *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии [Текст] / Г.Н. Потанин. Вып. 2, 1881. Примечание. 452 с.
172. *Аристов Н.А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргиз, на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований [Текст] / Н.А. Аристов. СПб, 1895. В. 3-4.
173. Интернет-словарь [Электронный ресурс]:
174. <http://www.onlinedics.ru/slovar/etn/m/karyndash.html>
175. *Гиренко Н.М.* Латеральность и линейность как дифференцирующие признаки социального организма родства [Текст] / Н.М. Гиренко. // Алгебра Родства. В. 3. СПб, 1998. С. 5-20.
176. *Анохин А.В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910 – 1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. [Текст] / А.В. Анохин // Сб. МАЭ. Л., 1924. Т. 4, вып. 2. 152 с.
177. *Тадина Н.А.* «Мать» – Береза в семейной обрядности алтайцев [Текст] / Н.А. Тадина // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (тезисы IV межд. науч. конф.). Томск, 1999. С. 211.
178. *Покровская Л.А.* Термины родства в тюркских языках [Текст] / Л.А. Покровская // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. 467 с.

179. *Дыренкова Н.П.* Пережитки материнского рода у алтайских тюрков [Текст] / Н.П. Дыренкова. // СЭ. М., 1937. №. 4. С. 122-145.
180. Современная энциклопедия [Электронный ресурс]: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/3314>
181. *Кисляков Н.А.* Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Центральной Азии [Текст] / Н.А. Кисляков // Краткие сообщения. XXVIII В. 28. М., 1958. С. 21-27.
182. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь [Текст] / К.К. Юдахин. М., 1940. 992 с.
183. *Айтматов Ч.Т.* Белый пароход. [Текст] / Ч.Т.Айтматов // Собрание сочинений. Т.2. М., Молодая гвардия, 1983. 6-114 с.
184. *Матов С.Е.* Енисейская письменность тюрков [Текст] / С.Е. Матов // Тексты и переводы. М. – Л., 1952. 114с.
185. Государственный архив Кыргызской Республики [Текст] / Ф.255, оп.1, д. 5.
186. *Кожоналиев С.К.* Суд и уголовное обычное право киргизов до октябрьской революции [Текст] / С.К. Кожоналиев. Фрунзе, 1963. 68 с.
187. Кыргызская государственность в XX веке (документы, история, комментарии): К-97 Учеб.пособие [Текст] / сост. А. Джуманалиев. Бишкек: 2003. 348 с.
188. ЦГА Республики Узбекистан [Текст] / Ф. И-1, оп. 22, д. 293, Л. 9.
189. Конвенция «О согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации брака» от 10 декабря 1962 [Электронный ресурс]: www.toktom.kg
190. *Бешов А.* Власти Киргизии борются с кражами невест [Электронный ресурс]: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/life/newsid_4237000/4237878.stm
191. Ежегодно в Кыргызстане крадут более 15 тысяч невест [Электронный ресурс]: <http://ktrk.kg/rus/index.php?newsid=1501>
192. В Киргизии объявлен месячник борьбы с кражей невест [Электронный ресурс]: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2011/11/10/910787.html>

193. В Кыргызстане будут садить в тюрьму за похищение невесты [Электронный ресурс]: <http://glagol-info.com/news/1875>
194. Подписан закон о внесении изменения в Уголовный кодекс КР [Электронный ресурс]: http://www.president.kg/ru/podpisannye_dokumenty/1472_podpisan_zakon_o_vnesenii_izmeneniya_v_ugolovnyiy_kodeks_kr/
195. *Шамишев А.* Кража девушек (невест) в Киргизии – традиция или преступление [Электронный ресурс]: //
196. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1191045660>
197. *Путинцев П.* О киргизских законах [Текст] / П. Путинцев // РГИА. Ф. 1264. Д. 28. Л. 20.
198. *Ковалевский М.* Современный обычай и древний закон [Текст] / М. Ковалевский. Т. 2. М., 1886. 756 с.
199. *Тронов В.* Обычай и обычное право киргиз [Текст] / В. Тронов // Записки ИРГО по отд. Этнографии. Том XVII. Вып. II. СПб, 1891. С. 71-85.
200. *Бебель А.* Женщина и социализм [Текст] / А. Бебель. М., 1959. 337с.
201. *Мен Г.С.* Древнее право, его связь с историей общества и его отношение к нынешним идеям [Текст] / Г.С. Мен. СПб., 1873. 320 с.
202. *Косвен М.О.* Брак-покупка [Текст] / М.О. Косвен. // Красная новь, 1925. № 2. С. 27-33.
203. *Северцов Н.А.* Путешествие по туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня [Текст] / Н.А. Северцов. СПб., 1873. 475 с.
204. *Ювачев И.П.* Курбан-джан-датха, кара-киргизская царица Алая [Текст] / И.П. Ювачев // Ист. Вестник, 1907. № 12. 964 с.
205. Курбан-Джа-Датха, кара-киргизская царица Алая Исторический вестник. № 12, 1907. [Электронный ресурс]: <http://ru.wikipedia.org>
206. *Кляшторный С.Т.* Рабы и рабыни в древнетюркской общине [Текст] / С.Г. Кляшторный. // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 159-168.
207. *Щукин Н.С.* Минусинский округ [Текст] / Н.С. Щукин. // Журнал МВД. Июнь, 1856. С. 46.

208. *Кляшторный С.Т.* Древнетюркские племенные союзы и государства Великой Степи [Текст] / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. // Степные империи Евразии. М, 1994. С. 8-91.
209. *Каратанов И.И.* Описание быта инородцев, обитающих по Абаканским степям Минусинского округа Енисейской губернии [Текст] / И.И. Каратанов. Аскып, 1880. 162 с.
210. *Соколова З.П.* Обско-угорский феномен. Место культуры хантов и манси в культуре народов Сибири [Текст] / З.П. Соколова. // Исторический ежегодник. Специальный выпуск 60-летию Н.А. Томилова / под ред. М.Л. Бережновой, А.В. Якуба. Спец. вып. Омск. 2001. С. 36-53.
211. *Борубашов Б.И.* История государства и права Кыргызской Республики [Текст] / Б.И. Борубашов, З.И. Галиева. Бишкек, 2003. 256с.
212. *Мусаев С.* Эпос «Манас» [Текст] / С. Мусаев. Фрунзе: Илим, 1979. 136с.
213. *Абрамзон С.М.* Об обычае усыновления у киргизов [Текст] / С.М. Абрамзон. ТИЯЛИ, Вып. II, 1948. С. 155-157.
214. ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф. 142, оп.1, дело № 11. Л. 1.
215. ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф. 17, оп.12, дело.№ 7. 421 л.
216. ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф. 142, оп.1, дело.№97. Л. 1.
217. ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф. 75, оп.1, дело.№3. Л. 1.
218. ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф. 81, оп.2, дело.№112. Л. 1.
219. ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф. 142, оп.1, д. №14; ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф. 142, оп.1, дело.№17; ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф. 142, оп.1, дело. № 23; ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф. 142, оп. 1, д. № 21; ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф. 142, оп. 1, дело. № 20.
220. Галиева З.И. История государства и права кыргызской Республики: Учебник для студентов, обучающихся по спец.

- Юриспруденция [Текст] / З.И.Галиева, Э.Э. Молдоев. Бишкек: Турар, 2011. 516 с.
221. *Загряжский Г.* Кара-киргизы [Текст] / Г. Загряжский. // Туркестанские ведомости. 1871. № 41. 41с.
222. *Швецов С.* Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмык) и киргиз. Брачные и семейные отношения [Текст] / С. Швецов. // Записки западно-сибирского одела императорского русского географического общества. Зап. Сиб. отд. ИРГО. Омск, 1898. Кн.25. 1-16 с.
223. *Басаева К.Д.* Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX вв.) [Текст] / К.Д. Басаева. Новосибирск, 1980. 224 с.
224. *Тегизбекова Ж.Ч.* Калым и приданное по нормам обычного права кыргызов [Текст] / Ж.Ч. Тегизбекова // Вестник КАЗНУ им. Аль-Фараби. Алматы, 2011. № 1 (57). С. 13-19.
225. *Наливкин В.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы [Текст] / В. Наливкин, М. Наливкина. Казань, 1886. 244с.
226. *Сухарева О.А.* Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков Шахристана [Текст] / О.А. Сухарева. // Сборник научного кружка при Восточном факультете Ср.-Аз. гос. университета. Вып. 1. Ташкент, 1928. С. 73-89.; *Ершов Н.Н.* Домашняя и семейная жизнь [Текст] / Н.Н. Ершов, Н.А. Кисляков, Е.М. Пещерева, С.П. Русайкина. // Культура и быт таджикского колхозного крестьянства (по материалам колхоза им. Г.М. Маленкова Ленинабадского района Ленинабадской области Таджикской ССР). Ленинабад, 1954. С. 176.
227. *Абашин С.* Калым и махр в Средней Азии: право или ритуал? [Текст] / Абашин С. // Отечественные записки. № 5. 2003. С. 428-435.
228. *Кисляков Н.А.* Семья и брак у таджиков (по материалам конца XIX – начала XX века) [Текст] / Н. А. Кисляков. М. – Л., 1959. 601 л.
229. *Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана [Текст] / Н.А. Кисляков. Л., 1969. 240с.

230. *Петрушевский Д.М.* Великая Хартия Вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века [Текст] / Д.М. Петрушевский. М.: Издательство Сабашниковых, 1918. 179с.
231. *Аничков И.* К вопросу о калыме [Текст] / И. Аничков // Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1895. 20 с.
232. *Старынкевич И.Д.* Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии [Текст] / И.Д. Старынкевич. Сб. МАЭ. Т. IX. Л., 1930. С. 215-235.
233. ЦГА Республики Казахстан [Текст] / Ф. 64, от. 1. Д. 5089. разд. V. Семья, № 7. Л. 1.
234. *Аничков И.* К вопросу о калыме [Текст] / И. Аничков. // Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1895. 20 с.; *Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана [Текст] / Н.А. Кисляков. Л., 1969.; 131 с.; *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи [Текст] / С.М. Абрамзон. Бишкек, 1990. 480 с.; *Джумагулов А.* Семья и брак у кыргызов Чуйской долины [Текст] / А.Джумагулов. АН Кирг ССР. Ин-т истории. Фрунзе, 1960. 96 с.
235. *Polyakov S.P.* Everyday Islam: Religion and Tradition in Rural Central Asia [Текст] / S.P. Polyakov. N.Y., 1992. 170 p.
236. *Радлов В.В.* Образцы народной литературы северных. тюркских племен [Текст] / В.В. Радлов. Ч. V. СПб., 1885. 599с.
237. *Sykes E.* Through Deserts and Oases of Central Asia [Текст] / E. Sykes. London: Macmillan, 1920. 340 p.
238. Государственный архив Республики Казахстан [Текст] / Ф. 64. оп. 1. д. 4236. Л. 27.
239. *Соколов А.* О кара-киргизах [Текст] / А. Соколов. // Газета «Семиреченские областные ведомости», 1910. № 54.; *Талызин А.* Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855-1868) // Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г. [Текст] / А. Талызин. Т.2. Верный, 1898. С.25-41.
240. ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.255, оп.1. Д. 5. Л.1.

241. *Бутанаев В.Я.* Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.) [Текст] / В.Я. Бутанаев. Абакан, 1987. 212 с.
242. *Островских П.Е.* Этнографические заметки о тюрках Минусинского края. Отчет о поездке 1894 г. [Текст] / П.Е. Островских // Живая старина. Т. V. 1895. Вып. 3-4. С. 297-348.
243. *Потапов Л.П.* Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений [Текст] / Л. П. Потапов. // СЭ. 1959. № 2. С. 18–30.
244. ЦГА Республики Казахстан [Текст] / Ф.1396, оп.1, 1907-1908 гг. д.400, л.33 об.
245. ЦГА Республики Казахстан [Текст] / Ф.64. оп.1, д. 1901, л.л. 52-53.
246. ЦГА Республики Казахстан [Текст] / Ф. 64. оп. 1. д. 1901, л.л. 48-49.
247. *Смирнов А.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа [Текст] / А. Смирнов. // Юридический вестник, 1877. Кн. IX-X.
248. *Танаевский В.* Покупка жены [Текст] / В. Танаевский // Вятская жизнь, 1923. № 5-6.
249. *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы [Текст] / В.И. Вербицкий. // Сб. этнографических статей и исследований. М.; Г-Алтайск, 1993. 268 с.
250. *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства [Текст] / С.И. Вайнштейн. М, 1972. 313с.
251. *Токарев С.Л.* Общественный строй якутов в XVII-XVIII вв. [Текст] / С.Л. Токарев. Якутск, 1945. 414с.
252. *Костров Н.А.* Очерки юридического быта якутов [Текст] / Н.А. Костров // Записки РГО по отделению этнографии. Кн. 8. СПб., 1878. С. 259-299.
253. *Петри Б.Э.* Брачные формы у северных бурят [Текст] / Б.Э. Петри // Сборник трудов проф. и препод. ИГУ. Вып. 8. Иркутск, 1924. С. 3-32.
254. *Хангалов М.Н.* Собрание сочинений [Текст] / М.Н. Хангалов. Т. I. Улан-Удэ, 1958. 551с.

255. Обычное право кара-киргиз Иссык-Кульского уезда. Государственный архив Республики Казахстан [Текст] / Ф. 64, оп. 1, д. 4236, лл. 8. 23 об., 33 об.-34 об.
256. *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv [Текст] / H. Lansdell. Boston: Adamant Media Corporation, (1885) 2003. Vol.2. 687 p.
257. Гинс Г. В киргизских аулах. (Очерки из поездки по Семиречью) [Текст] / Г. Гинс. // Ист. вестник, октябрь, 1913. С. 285-332.
258. *Богаевская П.* Заметки о Сибири [Текст] / П. Богаевская. Брянск, 1895. 123с.
259. *Красовский М.* Область сибирских киргизов [Текст] / М. Красовский. // Материалы для геогр. и статистики России. Ч. III. СПб., 1868. 472 с.
260. *Патачаков К.М.* Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII-XIX вв.) [Текст] / К.М. Патачаков. Абакан, 1958. 120 с.
261. *Krader L.* People of Central Asia [Текст] / L.Krader. - Uralic and Altaic Series / Vol. 26 . Indiana University, Bloomington Mouton & Co., The Hague, The Netherlands, 1963. 265p.
262. *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области (Юридический быт) [Текст] / Н.И. Гродеков. Т. I. Ташкент, 1889. 503 с.; *Загряжский Г.* Юридический обычай киргиз [Текст] / Г. Загряжский // Материалы для статистики Туркестанского края, 1876. вып. IV.; *Кушнер, П.* [Текст] / П. Кушнер. Горная Киргизия, 1929. С.68-69; *Борубашов Б.И.* Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе Российского государства (1855-1917г.г.) [Текст] / Б.И. Борубашов. Бишкек, 2009. 284 с.
263. *Изразцов Н.* Обычное право киргизов // Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования [Текст] / Н. Изразцов. 6-т. Алматы, 2005. 568 с.
264. *Даулбаев Б.* Записки Оренбургского отдела императорского русского географического общества. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год [Текст] / Б. Даулбаев. Выпуск 4. Оренбург, 1881. С. 98-169.

265. Дело Ошского уездного судьи о вызове наследников вдовы надворного советника Евдокии Белтской от 1 марта 1878 года // ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.81. оп.1. д. № 30. л.1; Дело Ошского уездного судьи об утверждении в правах наследства И.Н. Бутурминской к имуществу С.Г. Бутурминского от 22 октября 1915 года // ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.27. оп.1.д. № 9.л.1; Дело мирового судьи ошского уезда по охране имущества и вызове наследников индейца Джура-Мутиева от 1891 года // ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.81. оп.2. д. № 107. л.1.
266. Римское частное право: учебник [Текст] / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: 1996, 208 с.
267. *Тегизбекова Ж.Ч.* Наследование по обычному праву кыргызов [Текст] / Ж.Ч. Тегизбекова // Вестник КРСУ. Бишкек, 2009. Том 9, № 4. С.41-46.
268. ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.151. оп.1. дело № 29.л.1.
269. ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.151. оп.1. дело № 28. л.1.
270. ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.151. оп.1. дело № 71. л.1.
271. ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.151. оп.1. дело № 30; ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.151. оп.1. дело № 38; ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.151. оп.1. дело № 37; ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.151. оп.1. дело № 55; ЦГА Кыргызской Республики [Текст] / Ф.151. оп.1. дело № 70.
272. *Пален К.К.* Обычное право кочевников [Текст] / К.К. Пален // Древний мир права казахов. Алматы : 6 т. 2005. 568с.
273. *Мухин В.* Обычный порядок наследования у крестьян [Текст] / В. Мухин. СПб.: Ред. Комис. по сост. гражд. Уложения. 1888. 333с.
274. *Кисляков Н.А.* Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – начало XX вв.). [Текст] / Н.А. Кисляков Л.,1977. 131с.

275. *Поярков Ф.В.* О кара-киргизах. [Текст] / Ф.В. Поярков. // НБ РК, рук. № 367. 26 с.
276. *Райзберг Б.А.* Современный экономический словарь [Текст] / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. 2 е изд., испр. М.: ИНФРА М, 1999. 479 с.; Большая советская энциклопедия [Текст]. М.: Советская энциклопедия. 1969-1978 [Электронный ресурс]: <http://slovari.yandex.ru/>
277. *Хауке О.* Крестьянское земельное право [Текст] / О. Хауке. М.: Издание книжного магазина Голубева “Правоведение”. 1914. 372 с.

Тегизбекова Жылдыз Чынарбековна

**РЕГУЛИРОВАНИЕ
БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ КЫРГЫЗОВ
ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ**

Редактор *А. Шабалин*
Компьютерная верстка *М.Р. Фазлыевой*

Подписано в печать 10.03.15.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Офсетная печать.
Объем 12,75 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 57.

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2